

Г. Г. ВОЛКОВ

ВЕКСЕЛЬ БИЛИБИНА

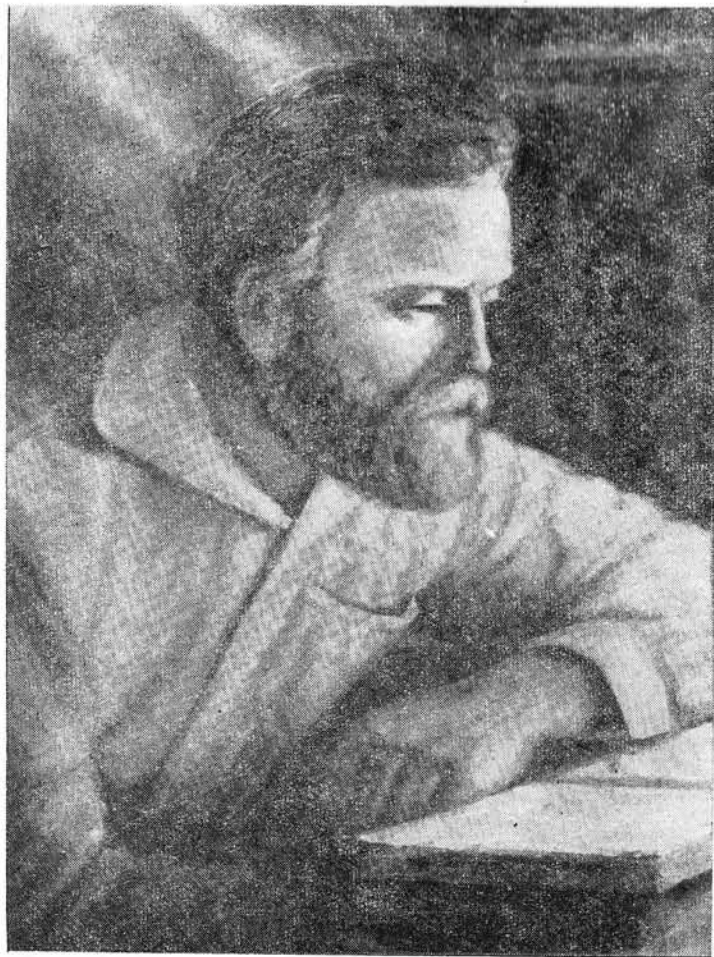

* ПЕРВОПРОХОДЦЫ *

**Магаданское
книжное
издательство
1978**

Портрет Юрия Александровича Билибина работы художника И. Царькова.

Г. Г. ВОЛКОВ

ВКСЕЛЬ БИЛИБИНА

Документальная повесть
о Первой Колымской экспедиции
1928—1929 гг.

Волков Г. Г.

В67 Вексель Билибина: Документ. повесть о Первой Колымской экспедиции 1928—1929 гг. — Магадан: Кн. изд-во, 1978.—

288 с., 8 л. ил. (Первопроходцы).

Открытие промышленных месторождений золота на Колыме дало мощный толчок развитию далекой окраины страны и неузнаваемо преобразило ее. О Первой Колымской экспедиции, о ее руководителе Ю. А. Билибине, о его соратниках — эта книга, продолжающая серию «Первопроходцы».

В $\frac{0291-024}{M-149(03)-78}$ 0—78

55(09)

ББК 26. 3л8

55(09)

В67

ББК 26.3л8

Часть первая

ИСТОКИ ЗОЛОТОЙ РЕКИ

ПРЯЖКА ТИХОГО ОКЕАНА

В то лето алданскую тайгу нещадно секли дожди. Они прижимали Эльконскую геологопоисковую партию, что была под началом горного инженера Юрия Билибина, к базе. Дождь по туго натянутым скатам бязевой палатки то звенел частой мелкой дробью, то рассыпался осыпью тяжелых капель.

В палатке стоял полумрак, но было тепло и уютно. Настланные на горячее кострище гибкие лозы ивняка и хрупкие ветки лиственницы духовито отдавали расперенным листом и смолистой хвоей.

И не было ничего отраднее, как после многотрудного похода валяться на этих теплых, ароматно пахнущих ветках, слушать шум дождя и отдохновенно почесывать языки. В шальных досужих разговорах все блаженно нежатся, отогреваются, и каждый норовит подбросить свое развлекательное словцо, точно веточку в костер.

Великим говоруном был в Эльконской партии ее прораб Эрнест Бертин, родной брат известного открывателя алданского золота Вольдемара Петровича Бертина. Эрнест чуть-чуть заикался, но часто нарочно растягивал отдельные словечки, потому что любил подтрунить и над собой, и над начальством.

Заядлый рыбак, охотник, бродяга, Эрнест всю Сибирь вдоль прошел, поперек — осталось, но золото не любил, а если и попал на прииски, то больше потому,

что брат поманил непуганым зверьем, неловленной рыбой сначала в Охотск, затем в Алдан. Эрнест до Охотска не добрался, белочехи помешали — водворили в читинскую тюрьму. Оттуда бежал, партизанил и после войны пришел к брату на Алдан. Порассказать ему было что.

Билибин тоже любил у костра покалякать, но он был моложе Эрнеста лет на восемь, воевать — воевал, но всю гражданскую — при штабе Шестнадцатой армии, а в тайге всего второй год и таежными историями еще не оброс. Обзавелся лишь роскошной рыжей бородой, чтобы чувствовать себя бывалым бродягой.

Был самолюбив Юрий Александрович, как и все в старинном роду Билибиных, гордился, что его близкие и дальние родственники — ученые, художники, дипломаты, военные — оставили заметный след в русской истории. И еще в Горном институте видел свою стезю к славе. Стезя звала на Чукотку и Колыму...

И вот тут, на Алдане, где он сделал первый шаг по своей стезе, когда, обнажившись чуть не догола, возлежит на душистой мягкой подстилке, блаженствует и мечтает о своем Эльдорадо, — вдруг говорят ему о каком-то одиноком искателе форта — бесфамильном Бориске! И этот... бесфамильный, выходит, опередил Билибина?!

— А знал ли Бориска законы образования россыпей? Наверное, и до настоящего золота не добрался, мыл пустую породу, довольствуясь случайными крупинками металла...

— Нет, Юрий Александрович, — прервал своего начальника Эрнест Бертин, — я слышал, что он столько этого 3-3-золота нашел, что сам от греховной радости 3-3-зашелся.

За Бертиным и Миша Седалищев, молодой сухопарый якут, проводник, конюх и толмач, подбросил в разговорный костерчик смолистую веточку:

— А наши люди говорят: не своей смертью помер Бориска, догоры-дружки его бах-бах и сами моют на Борискиных ямах, а золото сплавляют в Японию, Америку, по всему свету!

— Ну, ваши люди скажут... — попытался возразить Билибин.

— Саха всегда правду говорит. Бах-бах Бориску!

— Золото — оно всегда с кровью, — мрачно согласился с якутом сутуловатый промывальщик Майорыч.

Про Петра Алексеевича Майорова сказывали, что он еще в Бодайбо мыл золотые пески, да не лотком, а арестантским колпаком, и ни крупинки не упускал. Сам о себе Майорыч ничего не говорил, был молчалив, не вынимал изо рта трубку, и она, казалось, как амбарный замок, замкнула его рот, обрамленный дремучей черной бородой.

Майорыч примял пламя разговорного костерчика, но угольки его еще пылали жаром.

Билибин поддакнул промывальщику:

— Да, золото — оно всегда с кровью, — и похоронно затянул:

Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Пел Юрий Александрович неважно, иногда безбожно фальшивил, но всегда с искренним чувством, да и песня про Трансвааль была любима им с детства.

Маленький Юра тогда не понимал, что буры-голландцы борются с англичанами не за свободу, а за богатейшее в мире золото, найденное на африканской земле: из-за него горела Трансвааль.

— Трансвааль, Трансвааль, — повторил тем же замогильным голосом Билибин, когда песня была пропета, и вдруг сел, как Будда — ноги калачом, и вдохновенно, в упор спросил: — А знаете, догоры, что о золоте Вла-

димир Ильич Ленин сказал? Не знаете. Темнота-а-а. А Ленин сказал: когда совершится мировая революция, то мы из золота... что построим? А?!

Первым ответил Эрнест Бертин:

— Н-н-народные д-д-дома! Д-д-ворцы т-т-труда!

— Т-т-темнота, — передразнил прораба Билибин. — В ликбез тебя надо, бродягу.

— А что Ленин-то сказал? Знаешь — говори.

— А Ленин, дорогой товарищ Миша Седалищев и все вы, догоры, в двадцать первом году, когда я только что поступил в Горный институт, но о поисках золота еще и не думал, Ленин в газете «Правда» писал: когда мы победим в мировом масштабе, мы сделаем из золота на улицах нескольких самых больших городов мира... Что? — Билибин испытующе помолчал и вдруг бросил, как козырного туза: — Сортиры!

— С-с-сортиры? — в один голос, и все заикаясь, протянули Эрнест, Седалищев и Майорыч.

— Эти с-с-самые, куда г-г-городские ходят?

— Эти с-с-самые, Эрнест Петрович.

— Так и с-с-сказал?

— Ну, не совсем так. Владимир Ильич покультурнее нас, бродяг, и назвал сортиры общественными отхожими местами, но смысл один. И это — в назидание, чтоб люди не забывали, как из-за золота, презренного металла, перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в империалистическую войну...

— Ишь ты! А ведь этому с-с-стерве з-з-золоту самое подходящее применение — с-с-сортир. Чисто будет, ни ржавчинки!

Все, кроме Билибина, загоготали.

— А еще Ленин сказал: а пока нам золото очень нужно, надо беречь его, продавать подороже, покупать на него товары подешевле и, разумеется, побольше добывать.

— Золотым фондом раздавим буржуйскую г-г-гидру. Ты, товарищ начальник, меня не агитируй. Я давно сагитированный.

Но Билибин не слушал своего прораба. Юрий Александрович раскидал ветки лозняка и лиственницы и на утоптанной земле быстро нарисовал берега Тихого океана.

— А теперь смотрите, догоры! Вот — Охотск, ниже — Амур, вот здесь наш Алдан, еще ниже — Китай, Япония, разные там Филиппинские и прочие острова, вот тут — Австралия, с этой стороны — берега Южной Америки, выше — берега Северной Америки, Калифорния, еще выше — знаменитая Аляска Джека Лондона! Ясно?!

Билибин вскочил и уперся взлохмаченной, огненно-рыжей головой в туго натянутый скат палатки. Сбил с ритма барабанный бой дождя, а бязь над его головой потемнела и стала протекать...

— Ясно?!

— Что ясно? — спросил Эрнест.

Он сидел на тополевом сутунке, чистил старую берданку и недоуменно поглядывал на своего начальника, неожиданно вскочившего и бешено разбросавшего аккуратно уложенные ветки...

— А то! Всюду... — Билибин махнул по всем берегам Тихого океана. — ...Всюду, вы представляете?! В разные времена находили и добывали золото! Ясно?!

— Ну и что? — снова с недоумением спросил прораб.

Он поднялся, подошел к начальнику и, чтоб не протекало там, куда уперся головой Билибин, провел пальцем по скату вниз до боковой стенки. Вода пропитала след пальца и, перестав просачиваться в палатку, поструилась по линии. Эрнест влажным пальцем потрогал свой лоб и кивнул в сторону Билибина и, то ли имея в виду переставшую протекать палатку, то ли голову Билибина, сказал:

— В-в-вроде все в порядке...

А Билибин, словно озаренный идеей провидец, величественно стоял над Тихим океаном и восторженно провозглашал:

— Вы видите, догоры? Видите? Вокруг Великого, или Тихого, океана — золотой пояс! Видите? А коль вокруг океана всюду добывалось золото, то значит, пояс пролегает и здесь, и здесь, — Билибин пятерней прикрыл сначала Чукотку, потом Колыму. — Здесь замкнется Тихоокеанский золотой пояс! Здесь, на Чукотке и Колыме, — его золотая пряжка! На Аляске что? Только голова, а золотое тело, массивное золотое тело, — здесь! На Колыме и Чукотке!

Наслаждаясь произведенным впечатлением, он оглядел всех, широко, будто солнце, заулыбался, и морщинки из уголков его глаз разбежались лучиками, белые зубы засверкали в оправе золотой бороды:

— Ясно, бродяги?

Бродяги Эрнест, Седалищев и Майорыч то вожделенно смотрели на берега Тихого океана, столь щедро осыпанные золотом, то с восхищением на Билибина.

— Какой умный начальник! Симбир шаман — начальник! Улахан шаман — начальник!

— Б-б-башковит, — согласился с якутом Эрнест.

От таких похвал Билибин засовестился и сказал:

— Не я один так думаю. Есть у меня друг, большим ученым будет, улахан ученым. Он со мной поделился мыслями и о закономерном размещении металлов, в частности олова, об оловорудном поясе... А я подумал так и о золоте. Все это пока гипотезы, предположения. Но мы откроем законы и по законам, а не по легендам о каких-то Борисках, станем искать и олово, и золото, и любые металлы, которые будут нужны...

— Х-х-хитрые... Будете сидеть в своих городах, кабинетах и оттуда увидите, где лежит золото?

— Примерно так. Но сначала надо всю страну обойти, покрыть ее геологическими съемками, изучить детально...

— А не м-м-махнуть ли нам, Юрий Александрович, на Колыму?!

— Не-ет, — замотал кудлатой головой Билибин. — Я начну расстегивать золотую пряжку на Чукотке! Об этом уже кое с кем переговаривал в Геолкоме. И вы, догоры, если хотите со мной на Чукотку — всех возьму!

— А что там, на Чукотке? Тундра голая, бродить скучно... Да и нюхал ли там кто золото?

— Нюхали, Эрнест Петрович. Американцы нюхали. Большого золота не унюхали, но оно там есть.

— Нет, Колыма лучше. И зверь там нестреляный, и рыба — в реку зайдешь — с ног валит, и золото есть. Не один Бориска искал. В позапрошлом году и мы вместе с братом собирались на Колыму. Жаль, денег не набралось у якутского правительства. А вы, Юрий Александрович, как вернемся с поля в Незаметный, поговорите с моим братом. У него такая з-з-записочка есть про золото на Колыме. Мой брат зараз на Колыму запропагандирует.

— Нет, только на Чукотку! Да и не разрешит Геолком на Колыму. Там, в Геолкоме, такие мастодонты, троглодиты, тираннозавры, каких ни в одном палеонтологическом музее не увидишь. На Чукотку я уговорю, уломаю. Козырь есть: американцы там золото мыли. А за Колыму не сагитируешь, колымского золота никто не видел, легендам о Бориске не поверят...

— А з-з-записочка у моего брата?

— Нет, Чукотка вернее. Даешь Чукотку!

— А может, Колыму, начальник? На Чукотке какие-то американцы паслись, а Колыма — девка нещупаная.

— Нет, барда, на Чукотку!

В поле они так и не договорились — на Колыму или

на Чукотку. Полевой сезон закончился. Партия вышла на Усть-Укулан. На пристани Билибин связался по телефону с Незаметным и узнал, что геологи, начальники других партий, почти все собрались и завтра устраивают вечер полевиков, ждут только его, Билибина. Юрий Александрович ответил: буду!

Он отдал Эрнесту распоряжение готовить партию в обратный путь, а сам взял полевые дневники, карты, шесть бутылок чудом уцелевшего спирта и на рассвете отправился в Незаметный пешком, один. От Усть-Укулана до Незаметного — семьдесят восемь верст. На вечеринку не опоздал.

ЗАРЯЖЕННЫЙ КОМИССАР

Всю ночь Билибин пел, веселился, радовался успехам полевых партий, которые он и организовал и направлял, слушал и сам рассказывал свежие полевые истории. Утром пошел разыскивать алданского политкомиссара. Так, еще по-старому, называли Вольдемара Петровича Бертина, управляющего трестом «Алданзолото».

Дома, в его хибарке, Билибин не застал Вольдемара Петровича, но на огороде увидел Танюшу, жену Бертина. Она выкапывала картошку. Увидев гостя, вышла навстречу, обтерла руки о подол, мокрый от росы, поправила волосы, выбившиеся из-под кумачовой косынки, повязанной по-новому, как у женделегаток — узлом на затылке, протянула мягкую ладонь с голубыми жилками.

— Здравствуйте, Юрий Александрович, с прибытием. А мой-то, заряженный, уже в бегах.

— Заряженный?

— Люди его заряжают. Вот вчера вернулся, как обычно, и поздно, и усталый, и голова болит, и сам не в духе. Я к нему с лаской, а он: «Танюша, не приставай,

я заряженный». Десять лет с ним, с чертом заряженным, живу... Диву даюсь, как троих ребят нажила... Заболталась я с вами, Юрий Александрович, а картошка-то не убирается. Вечерком заходите. Свеженькой картошечкой угощу, на всем Алдане такой нет! А Володю, коль очень нужен, ищите на драге или на делянах, и на Золотой он собирался...

Искал Билибин Бертина по его зычному голосу, за который и прозвали его Крикливый. Прозвали не в осуждение, а, напротив, с похвалой, так как все знали, что говорит он громко, потому что глуховат. И почему глуховат знали: в вагоне смерти атамана Калмыкова прикладами били. С той поры и голова частенько побаливает, и слышит плохо, потому и говорит слишком громко. Знали и то, почему калмыковцы всех пленных смерти предали, а его, большевика, в живых все-таки оставили: слыл Вольдемар Бертин удачливым золотоискателем, и кто-то из золотопромышленников четыре фунта золота отсыпал калмыковскому офицеру за жизнь Бертина... Из вагона смерти пересадили его в тюрьму, а из нее вызволила Красная Армия.

На алданских приисках Вольдемара Петровича любили и уважали и за то, что он открыл золотой Алдан и организовал прииск «Незаметный», заботился о людях. Любили его даже те, кого он нещадно, но справедливо разносил.

С утра и до поздней ночи не смолкал бертинский бас. Люди не спрашивали: «Не видали комиссара?», а говорили: «Политкома не слыхали?»

Так искал и Билибин.

— Гремел тут, опосля вон там шумел.

А там отвечали:

— Был. Кричал. А теперь слышно — вон где...

Так, обойдя почти все незаметнинские деляны, побывав и на драге, и на стройке Народного дома, под вечер

нашел. Издали Вольдемар Петрович походил на развального, но бойкого запорожского казака. Грузный, выбритый наголо, в синей сатиновой косоворотке, в широких брюках, всегда подвижный.

Юрий Александрович, смешавшись с толпой приискателей-копачей, такой же бородатый, обросший, как и они, закопченный кострами и солнцем, остановился за широкой спиной политкомиссара, стал слушать, как ратует Бертин за трезвый Алдан.

— Опять пьян, комариная душа?

— Выпил, товарищ политком, как на духу говорю, выпил! — охотно, с радостными взвизгами отвечала поворобыному взьерошенная «комариная душа». — Вчерась выпил, ноне похмелился, завтра обратно выпью, послезавтра похмелюсь — такое колесо! Потому как Алдан — не жилуха и без этого колеса никак невозможно!

— Это почему же? Я-то не пью!

— Дак вы партиец, вам сам бог не велел, а мы люмпен: любо — пей, любо — плюй! У вас жилуха: жена-красавица, детки, хоть и неказистая хибара, а все-таки родной дом, а мы тут — перекати-поле. На жилухе и я не пил. Ей-бо!

— Все мы непьющие! — подскочил другой, хихикая и бегая серыми глазками. — А я трезвый бываю? Никогда не бываю! А все почему? По тоске!

— А девок за нежные места хватаешь и на их законные протесты кричишь: «Не фыркай!» — по тоске?

— Марфутка нажалались? А когда она по моей неприкосновенной личности проехала, не жалилась? Сознательная, а завела моду — когти не стричь, как буржуйка, как фря какая, и вот гляди, комиссар, оставила на моей личности все четыре колен!.. Эх, товарищ политком, завез бы на Алдан баб побольше, а то какое же равноправие, когда на одного мужика и четверти бабы не приходится. Оттого и пьем.

Все загалдели.

— Чего брехать-то на баб?! — сиплым басом оборвал гвалт вялый, опухший копач, будто три дня вниз головой висел. — Я еще в люльке качался, а моя родная мама с пьяных глаз сунула мне в рот вместо соски шкалик. С той поры я спирт пью, а молоко выплевываю...

— И на шармака пьешь?

— А чего ж, поднеси — не откажусь.

— А золото куда прячешь? Под двойное дно чемоданчика? Перепрячь, а то милиционеру скажу — найдет. Чего заморгал сонными бельмами? Я твою комариную душу насквозь вижу. Вчера королю бороду причесал? Две сотни выиграл? А на шармака норовишь. Не ищи дурака — не поднесу!

— Всю дотошную про нашего брата знает, — прохихикал сероглазенький. — Дошлый вы, товарищ политком!..

— Будешь с вами дошлый. Ну, ничего... Драгу пустили, Нардом построим... Рассеем мрак старого быта! Создадим на Алдане жилуху! Будет Алдан и социалистический и трезвый! — И вдруг увидел Билибина: — А ты, инженер, чего усмехаешься? С поля — на пьянку? Даже не зашел пригласить меня со старухой.

— Так вы же, Вольдемар Петрович, непьющие... А старуха у вас — дай бог каждому молодому, — попытался отшутиться, неумело заискивая, Билибин и протянул руку Бертину.

Копачи поддержали Билибина, загоготали.

Бертин отмахнулся от всех:

— Заладили: непьющий да непьющий! Да и что вам далась моя Танюша? Привозите своих баб, да любуйтесь! Да и тебе пора жениться! — накинудся на Билибина. — Бородищу отпустил поповскую, а в девках сидишь, протодьякон рыжий...

«Зарядили комиссара», — подумал Билибин. Он был

уже и не рад, что пошутил... Прежде сомневался, покажет ли Вольдемар Петрович записку о Колыме, а теперь и вовсе безнадежно подумал — только, мол, зайкнись о записке, как сразу услышишь: «На шармака норовишь?»

— Зачем разыскиваешь-то? — спросил Бертин.

Билибин промолчал, отошел от копачей подальше и лишь на вторичный вопрос комиссара осторожно сказал:

— У вас есть какая-то записочка о Колыме...

— От Эрнеста слышал?

— Да.

— Ну и что? Познакомиться хочешь?

— Если можно...

— Можно. Кому другому, а Билибину — можно. Он, раздери его комариную душу, хотя и выпивает и в карты режется — от язв проклятого прошлого не избавляется, но дело доброе делает. Я-то всю жизнь золото ищу на нюх да на слух, а он Алдан на научную рельсу ставит! Рудное золото нашел! Построим рудник «Лебединый», фабрику поставим, город будет! На сто лет, говоришь, хватит?..

— Весьма больше. — Билибин от комиссаровых похвал приосанился, толстовку одернул, ждал дальнейших перечислений своих заслуг, но Вольдемар Петрович спохватился:

— Чего я тебя расхвалил, как девку красную? Девку захвалишь — краснеть перестанет, считай, стыд потеряла, а без стыда — уже не девка! Ладно, пошли ко мне! Проголодался, поди, пока за мной бегал. Танюша картошечкой покормит, а я тебе записочку покажу...

Танюша поставила на стол огромный чугунок картошки и сняла крышку.

Густой пар ударил в ноздри Билибина давно забытым, аппетитным запахом. Юрий Александрович схватил крупную картофелину, золотистую, в тонких лох-

мотях кожуры. Не очищая, макнул в берестяную солонку и сразу всю затолкал в рот. Обжигаясь, давясь, vorочая белками, заглатывал ее...

— Что ж без масла-то, Юрий Александрович, и нечищеную? Может, на сковородочке поджарить? Вы какую больше любите, мятую или резаную?

— Всякую, Татьяна Лукьяновна, всякую, — невнятно мямлил Билибин. — Тысячу лет не едал! И одного этого чугунок мне будет маловато!

— Ешьте, ешьте, еще сварю. Картошечка не покупная, урожай ноне хороший...

Из толстой папки, на обложке которой красноармеец в буденовке пронзал штыком гидру буржуазии, очень похожую на верхнепермского, жившего двести миллионов лет назад ящера, Бертин извлек и положил перед Билибиным чуть помятые тонкие листики, а сам сел напротив, уставясь на него внимательным взглядом.

Не переставая жевать, Юрий Александрович уткнулся в исписанные четким бисером листки. Сначала он строки пробегал, потом, когда дошел до красочных описаний золоторудных жил, которые перед автором записки сверкали «молниеподобными зигзагами», стал про себя повторять отдельные фразы:

«...хотя золота с удовлетворительным промышленным содержанием пока не найдено, но все данные говорят, что в недрах этой системы скоронено весьма внушительное количество этого драгоценного металла...»

И закончил громко, нараспев, как протодьякон:

«...нет красноречиво убедительных цифр и конкретных указаний на выгоды помещения капитала в предполагаемое предприятие, но ведь фактическим цифровым материалом я и сам не располагаю: пустословие же и фанфаронада — не мое ремесло. Могу сказать лишь одно — средства, отпускаемые на экспедицию, окупили бы себя впоследствии на севере сторицею.

Розенфельд.

Владивосток. 25 ноября 1918 г.»

— Чего запел? Ведь фактического ничего нет. Жри картошку.

Но Билибина уже приковала к себе записка. Его, жаждавшего найти хотя бы какие-нибудь подтверждения своей гипотезе о пряжке золотого Тихоокеанского пояса, записка и взволновала, и обрадовала, и задела самолюбие. Со всеми этими чувствами во взгляде, но будто лишившись дара речи, он молча воззрился на Вольдемара Петровича. А тот положил перед ним еще один листок, маленький, со школьную тетрадку:

— Карта.

Билибина и карта умилила с первого взгляда. Она была похожа на детский рисунок: горы изображались как песочные колашки, тайга — елочками, болота — кочками вроде ежей, а место описанной в записке золотой руды было помечено тремя крестиками с надписью «Гореловские жилы». Никакого масштаба, никакой привязки к какому-либо известному географическому пункту, хотя бы к реке Колыме, не было. Билибин понимал, что искать с такой картой Гореловские жилы безнадежно, но почему-то поверил, что можно их найти.

— Кто этот Розенфельд? И как все это оказалось у вас?

Вольдемар Петрович положил правый локоть на край стола, оперся на него, повернулся к Билибину — он всегда так усаживался, чтоб лучше слышать собеседника, и печально вздохнул:

— Разное о нем говорят: и проходимцем называют, и купеческим прихвостнем, и белым эмигрантом. Был он приказчиком благовещенского купца Шустова, скупал на Колыме пушнину, искал там же удобные торговые пути, интересовался, видимо, и полезными ископаемыми... Ну вот, где-то и наткнулся на эти Гореловские жилы. Без техники опробовать не мог. Решил вернуться на это место в будущем году — с техникой и людьми, на

средства своего купца Шустова. Но Шустов в это время обанкротился. Стал Розенфельд писать разным золото-промышленникам... Хотел сам участвовать в этом деле. Не по наивности, конечно, составил такую детскую карту и не указывал точно, где находятся эти Гореловские жилы... Одни верили ему, другие — нет, но тут начались война, революции... Розенфельд стал писать правительствам. Эту записку он написал правительству Дальневосточной республики. Во Владивостоке в двадцатом году ее обсуждали, даже организовали Колымскую реконсцировочную экспедицию. Она провела одно заседание... Вот его протокол...

Бертин извлек из папки еще несколько листов. На первой странице Билибин прочел задачи экспедиции: первая — исследование промышленной ценности Гореловских золоторудных жил, вторая — исследование двух обширных систем россыпного золота... Прочитал об этом Юрий Александрович, и ему вдруг так явственно показалось, что исследования на северо-востоке Азии, куда он давно стремится, уже начались и начались без него... На четвертой странице он опять громко и нараспев прочел красным карандашом подчеркнутые строки:

«...быть может, в ближайшие 20—30 лет Колымская страна привлечет все взоры промышленного мира!»

Прочел и вновь вопросительно уставился на Бертина.

— Чего вылупился? — спросил тот. — На этом протоколе деятельность Колымской экспедиции и закончилась. А ко мне эти бумаги попали так. Открыли мы золотой Алдан, народ нахлынул, а жрать нечего... Отправился я за продовольствием в Благовещенск. Взял с собой двенадцать фунтов золота, думал, сдам государству, закуплю продовольствие. А меня по дороге арестовали. Нет, свои забрали, чекисты. Пронесся обо мне слух: золотопромышленник, в Китай пробираюсь. Ну, и

арестовали, доставили в Рухлово, в госполитохрану. Там разобрались, освободили и даже телохранителя дали до Благовещенска. Золото сдал, продовольствие закупил и там же, в Благовещенске, познакомился с горным инженером Степановым. Толковый спец, о золоте Сибири и Дальнего Востока, поди, все знает... Работал он ученым секретарем в Дальплане. Разговорились мы. Степанов меня об Алдане расспрашивал, я ему рассказывал все, что знал, и, видимо, понравился. Он и передал мне все бумаги и очень советовал заняться этим, как он говорил, стоящим делом: Колыма, как и Алдан, — в Якутии, якутское правительство относится ко мне с уважением, доверяет, мол, мне и прислушается... Вернулся я из Благовещенска с продовольствием — спускались по Алдану, на лодках... И тут как раз приехал в Незаметный председатель Якутского Совнаркома Максим Китович Аммосов. Я показал ему бумаги Степанова. Он ухвятился! Обещал, вернувшись в Якутск, сразу же протолкнуть. Я ему и смету передал на тридцать восемь тысяч, и список экспедиции. Вскоре получили от Аммосова телеграмму: экспедиция утверждена, тридцать восемь тысяч ассигнованы! Мы стали спешно собираться, отправили своего уполномоченного на тракт Якутск—Оймякон для организации оленьего транспорта на Колыму... И вдруг получаем новую телеграмму: экспедиция отменяется, потому как деньги-то ассигновали, а найти их — не нашли... Вот так-то. Бедные мы еще, очень бедные. Золото само в руки идет, а взять по бедности не можем. Вот и дарю я теперь все это тебе. Протолкни это стоящее дело в Москве! Розенфельд не добился, мы не добились, а ты добьешься! Мужик ты — настойчивый, да и Москва побогаче Якутска, и все мы понимаем: золото нам ой как нужно! Было бы его побольше, все чемберлены, все гидры по-иному запели, под нашу дудку бы заплясали! — и Вольдемар Петрович наотмашь ударил

по гидре буржуазии, нарисованной на папке. — Бери всю папку! Толкай, Юрий Александрович! Протолкнешь — мы тебе самых лучших мужиков на Алдане подберем! Я сам, если отпустят, поеду с тобой! Возьмешь меня? Я на золото, говорят, удачливый, фартовый... Поставь ему, Танюша, еще чугуна картошки! Такой картошки на всем Алдане не сыщешь! А ведь моя Танюша — тоже первооткрыватель, в своем роде! Первая на Алдане начала выращивать картошку, за жилуху борется! А ведь никто ее в историю не запишет, а?!

— Запишут, Вольдемар Петрович! Всех нас запишут в анналы истории!

Еще раз встречался Билибин с Вольдемаром Петровичем. Подолгу, касаясь разных мелочей, обговаривали они, как организовать экспедицию, как ее снарядить, кого в нее пригласить, каким путем добираться до Колымы.

В своей хибарке, которую он называл пещерой, Юрий Александрович подолгу ворочался на жестком топчане и не мог заснуть от роя мыслей. Он уже видел себя открывателем золотой Колымы, шествующим по Невскому проспекту не элегантно молодым человеком с умными мыслями на челе, а дремучим таежником, бродягой с огромной бородой, в торбасах и малахее...

Вернулся с поля Эрнест. Билибин, хотя и окончательно решил ехать на Колыму, продолжал, как и в поле, с шутейным упорством стоять на своем:

— Ну, Эрнест Петрович, на Чукотку?

— А может, все-таки на Колыму, Юрий Александрович?

— Нет, только на Чукотку!

— Не распропагандировал вас мой брат?

Билибин загадочно усмехался. Посмеивался в обвислые усы и Вольдемар Петрович. Он догадывался, что Би-

либин подтрунивает над его братом, но не мешал этому: пусть тешатся молодые.

А Юрий Александрович, любивший розыгрыши, однажды предложил:

— Разыграем, Эрнест Петрович, Колыму и Чукотку! Ты перепьешь меня — поедем на твою Колыму! Я тебя перепью — поедем ко мне, на Чукотку! Ну, захнем?!

— Вот комариные души! — выругался Вольдемар Петрович. — Как проклятые дворяне, помещики! Под земли играть! Не соглашайся, Эрнест — перепьет, а не перепьет — обманет.

Но Эрнест решительно заявил:

— Я — х-х-хитрый, меня не перепьешь и не обманешь. Пиши договор!

Билибин схватил лист бумаги и крупным почерком, похожим на славянскую вязь, стал торжественно водить:

«Столица Алданского края — поселок Незаметный.
Октябрь, 5-го дня 1927 года.

Мы, нижеподписавшиеся, Билибин Ю. А. — с одной стороны, Бертин Э. П. — с другой стороны и Бертин В. П. — с третьей стороны, как третейский судья, заключили настоящий договор в нижеследующем:

I. Обе стороны под строгим наблюдением третьей будут пить чистейший спирт.

II. Пить оный будут из чайника, вместимостью два литра».

— Чайник? Не доводилось...

— Струсил, бродяга?

— Давай: чайник — так чайник...

«III. Пить из оного чайника, не отрываясь, пока не опорожнится, постепенно наклоняя оный вниз и лия беспрерывной струей».

— Лия?

— Лия!

— Беспрерывно?

— Беспрерывно!

— Пиши!

«IV. Первым пьет Билибин Ю. А., вторым — Бертин Э. П.
V. Кто чайник выпьет, тот и выиграет: Билибин Ю. А. — Чукотку, Бертин Э. П. — Колыму.

Подписи».

Расписались. Билибин сбежал в свою хибару, принес несколько бутылок спирта, быстро наполнил чайник и провозгласил:

— За Чукотку!

Расставив прописным азом ноги, запрокинув кудлатую голову, широко открыв рот, он поднял чайник и осторожно стал наклонять его. Тугая, витая струя забуравила, чайник медленно наклонялся все круче. Билибин покачивался. Струя задрожала, стала утончаться и вдруг оборвалась. Билибин опрокинул чайник и всем торжественно показал, что в нем не осталось ни капли.

— Твой черед, бродяга!

Эрнест так же широко расставил ноги и так же бодро заявил:

— За Колыму!

Начал он пить, сладко прищурясь и блаженно расплывшись в улыбке. Потом струя стала попадать на усы и подбородок.

Билибин запротестовал:

— Лия! Ровно лия!

На лбу Эрнеста бисером выступила испарина, в глазах задрожали слезы, он поперхнулся, закашлялся...

Билибин взял из его рук чайник:

— Эх, бродяга, проиграл свою Колыму, а я уж так и быть: допью твой спирт за свою Чукотку! Жаль, мало оставил.

— Обманул, комариная душа! В первый чайник воду налил!

— Воду! — подтвердил Билибин и захохотал: он был страшно доволен розыгрышем.

Когда лег снег, с Незаметного на станцию Невер потянулись обозы лошадей, оленей и верблюдов. Кому пофартило, уходили в новеньких, в золотоскупке отоваренных сапогах и кожанках. А кому фарт не улыбнулся, плелись в порванных ичихах и потрепанных ватниках, уложив весь свой скарб на рогульки. По всему семисотверстному тракту полилась горестная, на старинный мотив «Бродяги», «Алданка».

Билибин выезжал с Незаметного в кибитке. Его сопровождали Вольдемар Петрович, и Татьяна Лукьяновна, и Эрнест. Когда окованные железом полозья закрипели, он весело крикнул:

— До скорой встречи, догоры! На Чукотке, Эрнест Петрович!

— На Колыме, Юрий Александрович!

— Проиграл ты свою Колыму! — И во все горло подхватил блуждающую по Незаметному «Алданку»:

И сказка о царстве Ваала:
Алдан — золотая река —
Слабых манить перестала,
А сильных все дальше звала!

ТОВАРИЩ СЕРЕБРОВСКИЙ

С Алдана Билибин привез уйму геологических идей — хватило бы на капитальный научный труд. Но Юрий Александрович составил лишь краткое геологическое описание Алданского золотоносного района, а остальное отложил до будущих времен.

Всю зиму он обивал пороги Геологического комитета, Академии наук, трижды выезжал в Москву в трест «Со-

юззолото», чуть ли не каждый день бегал на канал Грибоедова, в ленинградскую контору этой организации. Всюду доказывал, убеждал, утверждал, что на Колыме есть богатое золото и нужно без промедления снаряжать экспедицию.

Приводил все доводы. Зачитывал записку Розенфельда. Рассказывал легенды о Бориске. Развивал гипотезу о золотом Тихоокеанском поясе. Наизусть цитировал высказывания Ленина о золоте и установки только что прошедшего XV съезда партии, где обсуждался вопрос развития золото-платиновой промышленности.

Солидных людей, занимавших важные посты в Геолкоме и Союззолоте, убеждал, что без золота, не имея больших сонакоплений, и пятилетку не построишь: нужно закупать зарубежную технику, приглашать зарубежных специалистов и за все расплачиваться золотом, только золотом...

Его, молоденького инженера, бороду он сбрил и выглядел гораздо моложе, чем на Алдане, выслушивали с должным вниманием. Но когда Юрий Александрович заговаривал о колымском золоте, то многие втайне посмеивались: фантазер, прожектёр.

Наступил апрель, время весновок. Апрель звал в поле. По геолкомовским коридорам, тесно заставленным ящиками с образцами пород, сновали такие же молодые, как Билибин, горные инженеры. Они тоже кого-то убеждали, кому-то что-то доказывали, рвались на Хибин, на Кавказ, на Урал, на Алтай.

...Юрий Билибин взлетал по высокой парадной лестнице, расталкивал, словно глыбы, одну за другой все три массивные дубовые двери, пронёсился мимо расшитого позументами швейцара и, не дав успокоиться сердцу, летел выше, по ковровым дорожкам мраморной вестибюльной лестницы, и дальше — по коридорам всех четырех этажей — из одного кабинета в другой.

Его походка, и прежде стремительная, теперь была безудержной. Казалось, он вот-вот зацепит плечом какой-нибудь ящик, и горным обвалом загромятуют все эти образцы пород, все эти камни и рухнет весь Геолком.

Билибин бросался в бой, гремел как гром. Но ни громом, ни крепким словом не разбудить старичка с беленькой головкой, подпертой накрахмаленным воротничком, уютно сидящего в глубоком кресле за массивным столом. Он, один из патриархов Геолкома, потирает озябшие, прозрачно-тонкие пальчики и на все громы-молнии лепечет тихим ручейком:

— В нашем старейшем и уважаемом всеми учеными учреждении есть правило: сначала надо заснять местность, потом вести на ней поиски, затем уж — детальную разведку. И каждый грамотный инженер, если он уважает науку и не занимается прожектерством, последовательно придерживается этого золотого правила, этой нашей многолетней традиции...

— Правило золотое и традиция многолетняя, но гнилая!

— Вы — горячий молодой человек. Вы хотите сразу же заняться разведкой и даже сулите золотые колымские горы... Но посмотрите на эту карту. Она — наша законная гордость, плод многолетних усилий. Но видите: ваш вожаемый Колымский край окрашен в унылый серый цвет. Он совершенно не освещен съемкой. Мы даже не уверены, насколько точно нанесена река Колыма — астрономов-геодезистов в тех краях не было... Там, молодой человек, заблудитесь с этой картой, и никто вас не найдет. А посмотрите речки, впадающие в Колыму и Охотское море... Все они похожи на... на...

— На поросские хвостики.

— Дерзостно; молодой человек, очень дерзостно.

— Что — дерзостно? Сравнение или стремление ехать на Колыму?

— Все дерзостно: и сравнение, и стремление, и эта ваша, с позволения сказать, гипотеза о каком-то пояске из наборного золота... А какие еще есть у вас основания?

— А записка Розенфельда?

— Ну что вы козыряете этим Розенфельдом? Я припоминаю его... Очень энергичный господин, прямо-таки помешавшийся на каких-то золотых молниях... Как и вы, добивался субсидий на Колымскую экспедицию...

— И что же вы ему ответили?

— Мы благоразумно не поверили ему. Прожектеров на свете много. Не спешите записываться в их компанию. А на Колыме вы еще будете. Вот и сын Обручева рвется туда же, но не за золотом. Просит два миллиона на географические исследования. Серьезный молодой человек, но и ему придется обождать. В этом году мы отправляем людей в Донбасс, на Урал, на Кольский полуостров...

— Куда поближе?

— Да, куда поближе. Надо соблюдать режим экономии...

Билибин вышел на проспект Пролетарской Победы. Весна была в разгаре, теплая, солнечная. Недалеко от его дома валил густой черный дым — варили асфальт в котле, духовито пахло смолой. Юрий Александрович медленно прошел мимо котла, вернулся... И вдруг его словно озарило. Завтра он снова поедет в Москву! Нет, сегодня же, сейчас же, и будет просить в тресте «Союз-золото» в три раза меньше денег. Билибин бодро вскинул голову, засвистел «Трансвааль» и зашагал, торопясь на вокзал.

В вагоне «Красной стрелы» он уселся за столик купе, зажег настольную лампу, попросил крепкого чая и, отхлебывая большими глотками, начал заново составлять смету Колымской экспедиции. Карандаш скакал по бумаге, но Юрий Александрович быстро приуныл к ритму колес на стыках, и цифры под его твердой рукой

ложились ровно, а колеса отщелкивали, словно костяшки счет.

Пассажиры улеглись спать. В тишине громче постукивали колеса. Билибину хотелось, чтоб они крутились быстрее и скорее привезли его в Москву.

К утру он начисто, еще раз кое-что сократив, переписал смету, подсчитал и вывел общую сумму. В итоге получилось шестьсот пятьдесят тысяч рублей. В три раза меньше тех двух миллионов, которые запрашивал для своей экспедиции Сергей Обручев, а прежде и он, Билибин.

Город спал, когда Билибин вышел на перрон Ленинградского вокзала. И тут Юрий Александрович вспомнил, что сегодня выходной день... Но все-таки что-то неудержимо потянуло его в трест «Союззолото». По безлюдным улицам на громящем трамвае он добрался до знакомого Настасьинского переулка. Тяжелая скрипучая дверь оказалась незапертой. Билибин увидел в этом доброе знамение и вошел с еще большей надеждой на успех.

Прежде он вел здесь переговоры с поленьким, кругленьким, обволакивающим мягкой и какой-то жалостливо-беспомощной улыбкой человеком, который всех называл милейшими, и его за глаза звали Милейший. Он внимательно выслушивал, поддакивал, ни в чем не отказывал, но после всякий раз разводил руками:

— Не все зависит от меня, милейший. Надо мной — акционеры: ВСНХа, Наркомфин, Госбанк... ВСНХа не решит, Наркомфин не укажет, Госбанк не даст, — и обзоруживал жалкой улыбкой.

Теперь в кабинете Милейшего кто-то громко кричал в телефонную трубку:

— Вы поняли, о ком я говорю? Поняли! Так приезжайте скорее! Да, да, немедленно! Собираю всех правленцев, акционеров и обо всем расскажу подробно! Жду!

Билибин никогда не слышал этого громкого и жесткого голоса, но догадался, чей он. Юрий Александрович знал, что Милейший председательствовал временно, что еще в прошлом году, когда учреждалось Союззолото, председателем был назначен Серебровский, крупный специалист-нефтяник, недавно награжденный орденом Ленина за восстановление бакинских промыслов, но с золотом мало знакомый... Поэтому, прежде чем приступить к руководству Союззолотом, он был командирован в Америку для изучения промышленной добычи золота.

Юрий Александрович вошел в его кабинет без колебаний, даже с отчаянной решимостью.

— Ага, один уже есть. Садитесь, — и не дав Билибину назваться, Серебровский снова закричал в трубку: — Разбудил? Очень хорошо! А я совсем не ложился. Да, да, всю ночь проговорили! Приезжайте быстрее, обо всем расскажу! Чай не пили? Здесь попьем! Жду! — и, опустив трубку, обратился к Билибину: — Вы тоже не завтракали? Очень хорошо! Организуем чай и бутерброды.

Билибин понял, что Серебровский принял его за члена правления, хотел внести ясность, но тот уже снова кричал в трубку:

— Да, да, будем поднимать золотую промышленность! Расшевелим золотое болото! И не только золотое! Вы слышали, как он еще в конце прошлого года, когда вызвал меня к себе, говорил: золото имеет значение не только для усиления валютной мощи страны, но и даст огромный толчок развитию сельского хозяйства, транспорта и всех других отраслей народнохозяйственной жизни, особенно в тех районах, где пока еще ничего этого нет, а с открытием золота все возникает и начинает развиваться? И тогда же приводил в пример открытие золота в Калифорнии. И сейчас, выслушав меня после поездки в Америку, снова повторил эту же мысль! Те же

этапы развития, которые прошли в Калифорнии, должны пройти и наши далекие окраины, которые мы начинаем осваивать, приступив сначала к добыче золота, если оно, конечно, есть на этих окраинах...

— Есть! — убежденно вдруг выкрикнул Билибин.

— Что? — уставился на Билибина Серебровский и будто только что увидел его: — А вы, собственно, кто?

— Горный инженер Билибин.

— Билибин? Какой Билибин?! Я вас приглашал? А зачем вы пришли?! Что вам надо?! — бесцеремонно забросал вопросами Серебровский.

Но на все его вопросы Юрий Александрович ответил решительно и твердо, так, словно пришел не просить, а приказывать:

— Я хочу искать золото на окраине, где пока еще ничего нет. Вот смета!

Серебровский нередко был резок, но если встречал отпор, то сразу снижал тон и даже проникался уважением к такому собеседнику. И теперь, отложив телефонные разговоры, он взял смету, углубился в нее и лишь изредка испытующе взглядывал на Билибина.

Юрий Александрович, чтобы не молчать и сгладить свою резковатость, ронял помягче:

— Просил два миллиона, как и Сергей Обручев. Теперь прошу в три раза меньше. С Колымы без золота не вернусь...

— А это — серьезно?

Юрий Александрович не понял: то ли Серебровскому кажется, что смета составлена несерьезно, или экспедиция на Колыму — дело несерьезное. Обиделся за то и другое, резко спросил:

— Что — несерьезно?!

— Не обижайтесь, товарищ Билибин. Я тоже страх какой обидчивый. Однажды даже на Ленина обиделся, — и, не отрываясь от сметы, просматривая и другие мате-

риалы, которые были приложены к ней, все, видимо, изучая и обдумывая, стал в то же время доверительно рассказывать: — Организовал я в Турции, на международном рынке по указанию Владимира Ильича продажу бакинской нефти. Торговля у меня шла бойкая и выгодная: бензин и керосин продавал, оборудование, одежду, продовольствие закупал. Все, как просил Ильич! А перед отъездом из Турции даже на будущее торговый договор заключил со стамбульским Сосифросс — для нас очень удобный и выгодный. Думал, Владимир Ильич похвалит меня, а он дал телеграмму, как ножом по сердцу: «Договор странный. Где гарантия, что Сосифросс не надует?» Выходит, меня за нос провели, выходит, я — дурак, мальчишка...

— Фрондер...

— Да, да, мальчишка, отчаянный, но неразумный. Пошел я тогда к Серго — он был председателем Кавказского бюро партии — и стал ему по-дружески плакаться: Ильич, мол, меня считает простофилей, не доверяет мне, не подать ли мне в отставку. Серго плакальщиков не любил, но мне ничего не сказал, а Ленину про мою обиду каким-то образом сообщил. Не прошло и двух недель, как показывает мне Серго телеграмму. «Читай!» — говорит. Читаю: «Серебровский не должен обижаться на тон моей телеграммы. Я был обеспокоен судьбой Баку. Серебровского считаю ценнейшим работником... Покажите эту телеграмму Серебровскому. Ленин». Тут у меня другие слезы из глаз... Великое это счастье и дело великое — доверие друг другу. Так что, простите, если обидел, но, прежде чем дать вам эти несчастные шестьсот пятьдесят тысяч, я хочу поточнее знать — под что даю. Расскажите. Все по порядку. А я пока еще кое-кому позвоню...

И Юрий Александрович охотно, с радостью и доверием, как родному отцу или самому близкому другу, на-

чал рассказывать. Начал по порядку, с того, как в институте зародилась гипотеза о Тихоокеанском золоторудном поясе, и изложил ее со всей обстоятельностью, не опасаясь, что профессор-нефтяник Серебровский будет над ним смеяться, как смеялись в Геолкоме.

Черные, острые, под густыми щетинистыми бровями, глаза Серебровского впились в Билибина:

— Любопытно. Очень любопытно. Есть у меня в Америке один знакомый — мистер Вандерлип. Он занимался когда-то нефтью, имел свои промыслы, но потом потянуло его на золото... Отправился он на Аляску вместе с англичанином Холтом, а еще позже захотел взять у нас в концессию Камчатку, Охотское побережье, обращался с такой просьбой к Ленину, был у него на приеме... Не подбирались ли эти вандерлипы и холты к вашей Колыме, а? К вашей золотой пряжке, а? Великие идеи, молодой человек, носятся в воздухе. И тут важно не то, кто первым за нее ухватится, а кто первым ее докажет... В Геолкоме не верят? Да, конечно, кое-кто заплесневел... Не зря Дзержинский занимался этим Геолкомом. Но я бы вам не советовал обострять отношения с ними. У нас это пока — единственная геологическая организация, и если мы отпустим шестьсот пятьдесят тысяч, то не вам лично, а Геолкому, и от Геолкома будет ваша экспедиция...

Билибин еще долго рассказывал. Пересказал все, что слышал о Бориске и Розенфельде, много говорил о Вольдемаре Петровиче Бертине...

— Да, я слышал о нем. Но, нет, нет, вместе с вами на Колыму я его не отпущу. У нас таких золотоискателей и организаторов золотой промышленности — раз, два, и обчелся. А нам, как вы говорите, надо еще и на Чукотке золото искать, а?..

Пока Юрий Александрович рассказывал, подходили вызванные по телефону члены правления Союззолота,

представители ВСНХа, Наркомфина, Госбанка... Пришел и Милейший. Рассаживались и ждали, когда закончится аудиенция какого-то горного инженера... А Серебровский не торопил Билибина, слушал внимательно, задавал вопросы и сам комментировал его ответы. И только потом уж, обращаясь к истомленным ожиданием правленцам, сказал:

— Ну вот, товарищи, на ловца, как говорится, и зверь бежит. Сегодня ночью Иосиф Виссарионович дал мне указание: расшевелить золотое болото, и прежде всего на окраинах! А утром горный инженер Билибин заявился и предлагает конкретно искать золото на Колыме и Чукотке. На Колымскую экспедицию уже и смету составил... Немного просит: всего шестьсот пятьдесят тысяч. На Колымскую экспедицию мы эту смету отпустим. И в этом же году мы должны организовать экспедицию на Чукотку! Ну, а теперь вы, товарищ Билибин, свободны, но можете и остаться послушать. Вам это пригодится.

Билибин остался и с большим вниманием, даже с волнением, слушал о ночной беседе Серебровского со Сталиным, чувствуя, что эта беседа и этот день — революция в золотой промышленности, и он, Юрий Александрович, участник этой революции... Он слушал и никак не мог согнать с лица блаженной самодовольной улыбки, так не подобающей важному историческому совещанию в Союззолоте.

В тот же день вечером, как это было условлено, Билибин «молнировал»:

«алдан зпт прииск незаметный зпт бертину тчк экспедиция колыму разрешена тчк эрнесту зпт раковскому предлагаю принять участие тчк прошу подобрать пятнадцать рабочих зпт выехать владивосток второй половине мая тчк билибин».

СБОРЫ БЫЛИ НЕДОЛГИ

Победителем, на крыльях Нике, возвратился в Ленинград Юрий Александрович. В Геолком по мраморным лестницам он взлетел, чуть не зашибив ливрейного швейцара. А «тираннозаврам» великодушно объявил свою волю:

— Я только лишь попрошу себе в помощники палеонтолога Цареградского, да еще кого-нибудь из астрономов-геодезистов, чтоб не заблудиться среди этих, — Билибин попрыгал пальцами по листам геологической карты, — пороссячих хвостиков...

О Цареградском он просил не случайно. Познакомившись лет пять назад, они хорошо знали друг друга. А случилось это так... У Билибина был свободный час между лекциями, он зашел в пустую аудиторию почитать. С этой же целью и в это же время оказался здесь Цареградский. Разговорились. Цареградский — он был на курс ниже Билибина — между прочим спросил:

— А вот скажите, пожалуйста, почему почти все наши геологи после окончания института, да и позднее, стремятся работать в Крыму, на Кавказе или на Урале? Почему не едут в Сибирь?

— В Крыму условия весьма привлекают, а в Сибирь не всякий отважится...

— А я бы поехал туда, в Сибирь, новизну искать. Там в мерзлоте нашли целого мамонта и, наверное, есть грандиозные скопления и других реликтов!

— Весьма возможно. И я не прочь поближе познакомиться с тамошними горами.

Цареградский хотел быть палеонтологом, Билибин — петрографом. Они не были похожи: Билибин — огненно-рыжий, Цареградский — как цыган, смуглый, черный; у Билибина выдавался массивный, круглый подбородок, у Цареградского подбородок был острый. И глядели

они по-разному: светлоглазый Билибин — открыто и прямо, у Цареградского карие глаза смотрели как-то из-под бровей, прицеливаясь.

Каждый раз при встречах Билибин и Цареградский возвращались к своим мечтам о будущем, рассказывали друг другу все, что узнавали о далекой Сибири, Якутии, Камчатке, Чукотке... Как-то Билибин предложил:

— А что, если при геологическом кружке организовать сибирскую секцию?

— Будем собирать материалы — печатные, рукописные!

— Пригласим тех, кто хоть кое-что знает о сибирской земле: геологов, врачей, политкаторжан!

— Нам надо знать о Сибири все!

— Будем делать рефераты...

— Даешь Сибсек, Стамбулов! — провозгласил Билибин, переименовав фамилию Цареградского.

Так родилась при геологическом кружке Горного института Сибирская секция. Она вскоре выросла в довольно большую группу единомышленников. И пока Билибин был студентом, его бесменно выбирали председателем, а Цареградского — заместителем.

Сибсековцы копались в книгах, в архивах, в геофонде, вылавливали все о Сибири. Узнали как-то, что в университете учится молодая чета из Енисейского края, пригласили ее. Когда же в секцию вошел Дима Вознесенский, то пригласили и его отца, старого геолога, по делу «Народной Воли» отбывавшего ссылку на Вилую.

Дипломная работа у Цареградского к тому времени была готова, предметы оставалось сдать легкие. Все это он мог сделать и раньше, но тянул — жаль было расставаться с институтом, да и семья обременяла: приходилось не только учиться, но и подрабатывать. Теперь же, когда позвали на Колыму, он решил немедленно ликвидировать все свои долги.

— Поздно, — сказали в ректорате. — Идите к председателю комиссии профессору Болдыреву, может, сделает исключение...

Педантичный Болдырев не допускал никаких отклонений от институтских правил. Но Цареградского он знал хорошо, видел в нем большие способности, отмечал повышенный интерес к минералогии и кристаллографии, дважды приглашал к себе ассистентом. Цареградский каждый раз уклончиво отказывался, потому что увлекался палеонтологическими занятиями у профессора Рябина, но сказать об этом Болдыреву прямо не мог. Однажды Болдырев зашел в кабинет Рябина и застал там Цареградского за изучением костей мезозавров.

— Вот теперь мне понятно, почему вы отказывались...

И теперь идти к Болдыреву было как-то неудобно, словно обманывал его. Но все же пришел, изложил свою просьбу.

— На Колыму? В качестве палеонтолога? Заманчиво, очень заманчиво! Ну что ж, сделаю для вас исключение, если сумеете за оставшийся до защиты короткий срок собрать все необходимые заключения, рецензии по своей дипломной работе. Попросите оппонентов, членов комиссии держать вашу работу не более одного-двух дней, иначе не уложитесь.

Цареградский так и сделал и успешно защитил диплом. Пришел к Билибину.

Юрий Александрович просиял:

— Будем работать вместе! Едем в твою вотчину, Стамбулов!

Вскоре представился Билибину и направленный Геолкомом астроном-геодезист:

— Митя.

— Кто?

— Митя Казанли.

Билибин окинул с высоты своего роста щупленького

паренька, пухлогубого, с бирюзово-небесными глазами и нелестно подумал о нем: романтик, стремится к звездам. И не ошибся.

Младший Казанли с детства стремился к звездам. Однажды Митю и его сестру Ирину водили в Петровский парк — смотреть на полет воздушного шара. А ночью в доме Казанли резко запахло горелым целлулоидом. Митя в длинной ночной рубашке скакал по комнатам с ярко пылающей куклой, допрыгал до умывальника и бросил ее в таз с водой. Родители кинулись к нему, заахали, заохали, увидев обожженные руки. Митя не плакал, он лишь недоумевал — почему не удалось воздухоплавание, почему кукла не взлетела и не подняла его.

Десяти лет, в Ессентуках, где лечился отец и жила вся семья, Митя убежал из дома и попытался совершить восхождение на гору Машук, но не добрался. Его нашли, вернули. Отец журил, а Митя невинно спрашивал: «Папа, а там небо близко?» В альбом сестры он заносил лермонтовские стихи о воздушном океане...

Отец Мити умер накануне революции. В тот год Митя бегал за матросами, опоясанными пулеметными лентами, громил писчебумажного фабриканта и с его фабрики притащил сестре кипу ярких реквизированных ярлыков.

Ничего этого о Мите Билибин не знал, но, определив на глаз, что перед ним звездочет-романтик, не без ехидства спросил:

— Стихи пишете?

— А что? — настырно, как штыком, отпарировал Митя.

— Ничего. Пригодилось бы при составлении отчета.

— Нет, не пишу. На скрипке играю. У меня отец был музыкантом. В энциклопедии о нем читали? А я, как известно, астроном-геодезист. Буду работать в вашей экспедиции.

— А он, ваш отец-то, музыкант, о котором в энциклопедиях пишут, тоже собирается в нашу экспедицию?

— Нет. Он умер. Поеду я.

Митя шутку не понял. Да и шутка-то оказалась неуместной. Но Билибин, раз уже завелся, не мог удержаться от подковырок. Предполагая, что паренек в армии еще не служил, утвердительно, но с усмешкой сказал:

— В армии, разумеется, служили...

— Служил. Четырнадцать лет вступил добровольцем в РККА и уговорил отправиться на фронт свою маму. Вместе служили при штабе Седьмой армии: я — связистом-самокатчиком, мама — писарем-переводчиком.

— Вот как! А я с отцом служил в Шестнадцатой, и мне приходилось бывать и писарем, и учетчиком...

— Во время срочной эвакуации под натиском Юденича мама простудилась, заболела чахоткой и в двадцать третьем умерла. После приказа о демобилизации из армии женщин и несовершеннолетних меня перевели в трудовую бригаду на Гатчинский хлебозавод...

Билибин хотел спросить, а что же он такой тощий, но воздержался.

— Там работал и учился. Потом поступил в университет, на астрономо-геодезическое отделение физико-математического факультета.

Билибин видел в астрономе и что-то наивное, и серьезное, и настойчивое — находил что-то похожее на себя. И уже совсем серьезно спросил:

— Геодезистом работали? Астропункты устанавливали?

— Работал. Устанавливал. В Криворожье. В Карелии.

— Но Колыма — не Криворожье и даже не Карелия...

— Знаю. Край суровый, неисследованный, потому и тороплюсь на Колыму.

— Ну что ж, Дмитрий Николаевич Казанли, собирайтесь.

На другой день Митя сдавал последний экзамен. Он отвечал по теории относительности, говорил о координатах времен и пространств. Экзаменатор, старик-профессор, увлеченно слушал его и сам, глуховатый, гудел ему на ухо:

— Хорошо, мой друг, хорошо! Несколько лет углубленной работы, и — обеспечена кафедра!

Мите еще осталось получить диплом, но это он считал формальностью. И побежал по магазинам закупать топографические сумки, рюкзаки, самосветящиеся компасы, самопишущие ручки, книги по геодезии, астрономии и другим наукам.

Своей квартиры Митя не имел. Все купленное он приносил в комнату сестры, завалил все стулья, диван, стол, и комнатка в шестнадцать квадратных метров превратилась в склад Колымской экспедиции.

Митя привел сюда Царегородского, представив Ирине:

— Мой друг Валентин. Едем вместе.

Митя и Валентин притащили с собой какую-то аппаратуру, приборы, меховую одежду, валенки, большие ящики для укладки вещей. К сборам они привлекли и ее: попросили сшить для колымского золота сто маленьких, как кисеты, мешочков.

Список снаряжения, составленный Билибиным, был велик, и они целыми днями мотались по магазинам.

В один из этих хлопотливых дней к Ирине пришел Коля Корнеев, только что окончивший Академию художеств. Сын портного, он очень гордился дипломом архитектора, но распределением был недоволен и пришел посоветоваться на свою судьбу:

— Что я там буду делать — в этой старой дыре Новгороде? Копошиться в обломках прошлого? Я, комсомолец, должен строить новое! Но меня никто не слушает, —

Коля посмотрел на Ирину, у нее он всегда находил сочувствие, но Ирина шила из желтого ластика* какие-то мешочки и не подняла головы.

— Я могу тебе помочь, — вдруг уверенно обнадежил Митя. — Видишь, сестра шьет мешочки? Это — для золота. Я еду на Колыму и могу предложить тебя в нашу экспедицию на должность завхоза. Поедешь на Колыму — тебя наверняка освободят от Новгорода.

Коля вытаращил глаза. Митя, имея голову, полную неожиданных идей, часто так оγοрошивал. Коля некоторое время остолбенело стоял, потом захохотал и повалился на диван.

Митя оставался серьезным. Он подошел к карте, занимавшей всю стену комнаты, обвел на самом краю земли кружок:

— Видишь, ни одного поселка, ни одного города. Здесь мы найдем золото и начнем строить города. Ты будешь первым архитектором первого города на Колыме! Тебя это устраивает?

Коля Корнеев перестал смеяться и подошел к карте. К вечеру они договорились: завтра встретятся в Геолкоме, Митя представит Колю как способного завхоза, по совместительству художника, в будущем — архитектора Билибину.

Уходя от друзей, Коля сомневался только в одном:

— А подойду ли я? Возьмут ли меня?

Ирина успокоила:

— Возьмут. Чудаков ехать на край света немного.

Николая Корнеева зачислили в экспедицию, и он тотчас же выехал во Владивосток: там его ждали алданцы и обязанности завхоза.

Семнадцатого мая выезжали из Ленинграда и остальные — Билибин, Цареградский, Казанли. Провожа-

* Сорт бумажной ткани.

вшие: мать Билибина, жена Цареградского, сестра Казанли — всплакнули, как водится, перед долгой разлукой, надавали кучу нужных и ненужных советов. А сами отъезжавшие, казалось, и не думали о долгой разлуке и трудностях, которые их ждут. Уезжали легко, весело, с шутками, словно на загородную прогулку.

Поезд еще не отошел от вокзала, а Митя уже забрался на верхнюю полку, обвалил себя новыми книгами так, что, когда поезд тронулся, они градом посыпались на сидевших внизу.

— С Митей не соскучишься, — весело сказал Билибин.

Уплыли за окном заплаканные лица женщин. Поезд, покачавшись на стрелках, вышел на прямой путь. Пассажиры начали устраиваться, знакомиться и раздумывать, чем бы заняться.

В БУХТЕ ЗОЛОТОЙ РОГ

— На Колыму!!! — орал как оглашенный Эрнест Бертин, когда была получена телеграмма Билибина. — Серега, в-в-выдвиженец н-н-несчастный, едем?!

Эрнест по-прежнему не занимал никаких должностей, по-прежнему величал себя бродягой и лишь о Колыме мечтал вожаденнее, чем прежде.

У Сергея Раковского, его закадычного друга, крылышки вольного искателя подрезали, и сам он немного остепенился после того, как перевели на государственную службу и поставили начальником Ыллымахского разведрайона. «Остепенил» его Вольдемар Петрович, а ему Сергей не мог отказать из уважения. Но неизведанная тайга и его, Серегу, звала и манила.

Он, как и Эрнест, дал обещание Билибину ехать, куда тот позовет, так что спрашивать его об этом было излишне.

— А Вольдемар Петрович отпустит?

— Отпустит!

И тогда Серега схватил карандаш, бумагу, сверху вниз проставил пятнадцать цифр... Прежде записал себя и Эрнеста:

— Кого еще?!

И еще пятерых: старика Майорыча, якута Седалищева, забайкальца Чистякова, охотника, весельчака АLEXИНА и Степана Степановича вместе с его собакой Демкой. Записали, не спрашивая согласия, — знали их, как себя, знали, что поедут.

Пять лет неразлучно ходили Серега и Степанович в старателях и разведчиках. Такое золото намывали, что славились на весь Иркутск. Степан Степанович, бывший лейб-гвардии гренадерского полка рядовой, а позже — артиллерист Красной Армии, говорил Сереге:

— Гуляй, студент, на учение заработаем!

И гуляли до последнего золотника, а потом снова на Бодайбо, на Алдан с тощими сидорами. А «студентом» прозвал он Серегу потому, что попал тот в Степанову артель со второго курса Иркутского политехнического института — приехал подзаработать на учение, да так и застрял.

Был Степан Степанович всего на шесть лет старше Раковского, но рядом с маленьким, поджарым студентом, высоченный, плечистый, черноволосый, казался еще старше. Они были как отец с сыном, и Серега, осиротевший в раннем детстве, почитал Степана Степановича за отца родного. Под его рукой научился искать золото, прошел все таежные науки, да и житейские... Разумным человеком был Степан Степанович, но фамилия у него совсем неподходящая — Дураков. Поэтому по фамилии его никто и не называл, а только лишь уважительно — Степан Степанович.

Семерых записали. Для вербовки остальных вывеси-

ли объявление на двери гостиницы, где сняли лучший номер. В комнате стояли два промятых топчана, колченогий стол и табуретка. Эрнест по-барски развалился на топчане, Серега уселся, по-турецки скрестив ноги. Главным советником пригласили Степана Степановича. Он восседал на табуретке, широко раскорячившись, и молча попыхивал трубкой. В его ногах лежал сеттер не очень чистой породы по кличке Демьян Степанов, Демка.

Народ валил разный: безработные, числившиеся на алданской бирже труда, незадачливые копачи, промышленные до последних портков, фартовые... Степан Степанович на всех имел наторелый взгляд и, когда надо было взять, спрашивал пса:

— Ну что, Демьян, возьмем?

Польщенный обращением хозяина, Демка постукивал по полу хвостом, будто молотком на аукционе.

— Берем!

Ну, а если Степан Степанович не обращался к Демьяну, тот хвостом не постукивал, и просившему неопределенно отвечали:

— Подумаем.

Вошли двое. Молодые, рослые, в красноармейских шинелях и буденовках. Один, с лицом продолговатым, как дыня, назвался Мишей Лунко, другого — у того голова словно арбуз — назвал Андреем Ковтуновым. Андрей был объемистее Миши, но будто прятался за его спиной. И на все вопросы отвечал Миша.

— Служили? — спросил Раковский.

— Служили. В артиллерии. Я старшиной, он каптенармусом.

— В г-г-горном деле м-м-маракуете? — спросил Эрнест.

— Нет, не м-м-маракуем. Работали старателями две недели.

— И много з-з-заработали?

— Восемьсот рублей... закопали.

Наниматели засмеялись, а Эрнест заржал. Он всегда был рад похотать над незадачливыми копаками-старателями.

Серге ребята понравились: и молодые, и здоровые, а главное, честные — цену себе не набивают, над своими неудачами посмеиваются. Таких надо взять, но Степан Степанович молчит, лишь трубкой попыхивает, и Демьян хвостом не бьет.

— Ну как, Степан Степанович? Ребята в Красной Армии служили, как ты. Артиллеристы...

Степан Степанович спрашивает:

— От Неверы сюда пешком шли?

— Нет. Приехали на почтовых оленях.

— Ходить много придется... Сапоги-то чинить умеете?

— Нет.

— А плотничать?

— Нет.

— А работы боитесь?

— Нет.

Тут и Степан Степанович захохотал: все нет, да нет, как из пушки заладили.

— Ну, Демьян, возьмем артиллеристов?

Демка на вопрос хозяина тотчас же ответил утвердительно.

На другой день наниматели вывесили полный список зачисленных в Колымскую геологоразведочную экспедицию. В этом списке увидели свои фамилии Миша и Андрей. Были в нем и Петр Лунев, партиец и тоже бывший красноармеец, Евгений Игнатьев, отчаянный мужик с перебитым носом — воевал на германской, четыре года служил в Красной Армии, три — работал на забайкальских приисках. Были и трое веселых алданцев: Яша Гарец, Кузя Мосунов и Петя Белугин. И еще — Тимофей Аксенов, хлебороб.

Алданский политкомиссар Вольдемар Петрович Бертин список одобрил:

— Забрали у меня всех лучших.

Сборы были недолги. Авансы в карманы, сидора на плечи и, напутствуемые Вольдемаром Петровичем, потопали.

Впереди широко шагал Степан Степанович. Последним сознательно держался Раковский, всегда готовый наступить на пятки тому, кто отстанет. Демка, хвост пистолетом, заиндевелые уши по снегу, летел то впереди, то сзади, облаивая куропаток и ворон.

От Незаметного до Неверы — так называли станцию Большой Невер Забайкальской железной дороги — семьсот верст с гаком, почти месяц хорошей ходьбы. Оттопали за пятнадцать дней.

На радостях, перед Невером, в селе Ларино, в бывшей резиденции известного амурского золотопромышленника, шиканули: всю ночь крутили граммофон в трактире, пока пружину не сорвали. В Невере подсчитали свои финансы: денег на самые дешевые бесплацкартные билеты не хватит. Раковский отстукал Билибину пространную телеграмму: в начале, не скупясь на слова, порадовал успешным переходом всех пятнадцати алданцев на Невер, в конце скромно попросил аванс.

Через пять часов получил ответ: «Перевел тысячу. Думаю, до Владивостока хватит». Деликатно, одним словом «думаю» упрекнул Билибин... Пошел Серега вместе с Эрнестом на почту получать эту тысячу, а там еще сюрприз: «Нет таких денег в наличии, ждите дня три-четыре, может, накопятся». Ждать всем табором — только проедаться. Выпросили сколько было, а остальные договорились получить во Владивостоке.

Во Владивостоке — новые неприятности. Золотоливейный швейцар гостиницы «Версаль» с нескрываемым презрением, как сахалинских каторжников, оглядел

Эрнеста, его лохматую шапку и раскисшие торбаса, Серегу в его бобриковой, с подгорелыми полами куртке и отрезал:

— Номеров нет.

Тогда Эрнест зло постучал по жестяному объявлению:

— К-к-как нет? Ч-ч-читай! «Шестьдесят уютно обставленных номеров с-с-с удобствами, ванны, два р-р-ресторана, д-д-джаз с утра до трех ночи, б-б-бильярдная и т-т-т, и д-д-д». А говоришь, номеров нет? Т-т-телеграмму получили? «З-з-забронировать номер для экспедиции. Б-б-бертин и Р-р-раковский»?!

Под действовал ли эрнестовский рык или фамилия известного на весь Дальний Восток алданского политкомиссара и золотоискателя, но швейцар и подлетевший администратор вмиг преобразились, сами стали заикаться:

— Д-д-для товарища Бертина номер оставлен.

— Бертин — это я! Раковский — он! И не передразнивайте!

— Извините, товарищ Бертин. П-пожалуйста, товарищ Бертин, п-позвольте ваши чемоданчики и сидорок.

Эрнесту и Сереге предоставили роскошный номер из трех комнат: с кабинетом, с камином, с зеркалами, с резными шкафами. Как тут терять марку золотоискателей! Пошли в модный магазин, вырядились, как парижские франты, даже белые лайковые перчатки натянули. За гостиницу расплатились за полмесяца вперед и с форсом: сдачу не взяли. В главный ресторан «Версаля» пригласили всех своих алданцев, разместившихся в меблированных комнатах «Италии», и до трех часов ночи, пока играл джаз, отмечали свое прибытие на берега бухты Золотой Рог.

На другой день получили телеграмму Билибина: «Отдыхайте пока, скоро приеду». Вскоре от той тысячи ничего не осталось. Опять просить у Билибина аванс Ра-

ковский постеснялся... Началась такая безденежная пора, хоть продавай лайковые перчатки. Все, что могли «толкнуть» на Семеновском базаре, «толкнули». Даже байковые одеяла из меблированных комнат «Италии» потихоньку сплавляли: «Приедет Билибин — вернем и расплатимся». На вырученные за одеяла деньги покупали кету, она стояла дешевле хлеба.

А Билибин все не приезжал, только телеграммы присылал: скоро, да скоро... А уже шла вторая половина мая... Наконец прибыл его заместитель по хозяйственной части Николай Петрович Корнеев. Все обрадовались! Все к нему как к богу:

— Деньги давай!

Деньги шли за ним следом, переводом. Всей оравой отправились на почту. А там — дудки! Перевод пришел, да не на Корнеева, а на Корнева. Где-то кто-то одну букву поленился написать.

Пока выясняли, уточняли, подтверждали — еще три дня прошло.

Наконец перевод получили, завхоз заключил со всеми договора на полтора года, выдал все, что причитается каждому.

ЗОЛОТЫЕ КОРОЛИ

Билибин, Цареградский и Казанли приехали во Владивосток в конце мая. Юрий Александрович сразу же установил строгий порядок: каждый с утра занимался подготовкой экспедиции — Цареградский и Казанли ходили по различным учреждениям и собирали разные сведения о Колыме, Бертин, Раковский, Корнеев и все остальные продолжали снаряжаться, делать закупки, упаковывали и оформляли багаж. Билибин целыми днями пропадал в солидных организациях: в Совторгфлоте,

в конторе Акционерного Камчатского Общества, в Комитете Севера, в Дальгеолкоме, в Дальзолоте — местном агентстве Союззолота. Вечером все собирались вместе. Каждый отчитывался, предъявлял остатки денег и оправдательные документы на истраченные. Намечали, что делать завтра, получали новые на расходы.

Все шло хорошо. В Комитете Севера говорили, что в Ольском районе, откуда предстояло сухопутьем пробираться на Колыму, транспорт не проблема: есть лошади и не менее тридцати тысяч оленей, но все же посоветовали дать Ольскому тузрику телеграмму, чтоб транспорт подготовили заранее. Билибин «молнировал». В этом же Комитете порекомендовали взять побольше новеньких советских серебряных полтинников: они — надежный путь к щедрым сердцам туземцев, так как идут на украшение праздничных одежд. Полтинников набрали целый мешок. Там же, в Комитете, удивились, что в экспедиции нет врача. Предложили взять с собой доктора Переяслова, человека таких лет, что Билибин подумал: «Если кого и придется лечить, то только этого доктора...» Но зачислил на довольствие экспедиции и этого специалиста — не хотел ругаться с краевыми властями.

Но ругаться все же пришлось. В Дальгеолкоме и Дальзолоте пытались ставить палки в колеса. Оказалось, все эти местные «Дали» сами намеревались отправить экспедицию на Колыму, а теперь назначили туда уполномоченного Союззолота товарища Миндалевича, который за колымское золото было уцепился, и даже, вроде бы, направили туда, на Колыму, рабочих, а он, Билибин, мол, свалился к ним на голову и хочет из-под носа золотой жар загребать...

Это местническое самолюбие могло стать серьезным препятствием на пути экспедиции, более серьезным, чем «тираннозавры» Геолкома. Получалось, что Билибин напрасну добивался в Москве и Ленинграде организации

экспедиции, что сидят там бюрократы, с местами не советуются, ничего не знают, что делается здесь, да и вообще лезут в открытые ворота, куда их и не звали...

Билибин поначалу растерялся, не знал, что делать. Дать телеграмму Серебровскому? Но как объяснишь всю эту петрушку, да и как поступит сам Серебровский?

Но не успел Юрий Александрович послать телеграмму, как Серебровский сам приехал во Владивосток. Он прибыл в личном вагоне, оборудованном под кабинет и гостиницу. Приехал, чтоб объездить все прииски Дальнего Востока и Сибири и «расшевелить золотое болото». Серебровский быстро разобрался в ситуации, узнал, что пока Дальгеолком и Дальзолото никакой экспедиции не организовали — только собирались, рабочих на Колыму направили — но, наверное, поторопились, Миндалевича уполномоченным Союззолота назначили — но не рано ли... Словом, Серебровский посоветовал никаких препятствий Билибину не чинить, а своими делами — организацией добычи золота — заниматься посерьезнее.

Наконец все было готово. Плыть предстояло на японском пароходе «Дайбоши-Мару». Эта дряхлая, изъеденная ржавью посудина пятнадцать лет пролежала на морском дне. Ее подняли недавно и, зафрахтованную Совторгфлотом, пустили по рыбалкам Охотского побережья.

Юрий Александрович, поднимаясь на борт, шутил: — Колумб плавал на «Святой Марии»! А мне придется плыть на какой-то «Дай, бог, шмару»!

Все хохотали, и даже стоявший у трапа и визгливо выкрикивавший по списку фамилии пассажиров японец в узком черном кимоно тоже хихикал, хотя, вероятно, ни черта не понимал. И с этого момента «Дайбоши-Мару» иначе не называли.

В дождливую, но теплую ночь двенадцатого июня расстались с огоньками Владивостока, мерцавшими,

словно янтарики, на берегу и на воде. Прощаясь, молча стояли на мокрой палубе под плащами и рогожами, стояли долго, пока не вышли из бухты Золотой Рог и не взяли курс на север, к охотским дальним берегам.

В Японском море сразу же окутал туман, такой непроницаемый, что с кормы не было видно носа, и посудины будто остановились, лишь в пенном шлейфе, оставаемом винтом, было какое-то движение. Сквозь туман не разглядели остров Хоккайдо, вслепую прошли опасный пролив Лаперуза. В Охотском море туман еще крепче сжал в своих объятиях, к тому же начало покачивать.

Лицо доктора Переяслова стало похоже на незрелый лимон, и старик проклинал медицину, которая не придумала никакого снадобья от морской болезни. Митя Казанли избавлялся от недуга по своей методе. Он пиликал на скрипке до одури — выбивал клином клин. Скрипка ныла пронзительно. Билибин просил Митю уйти подальше, на нос или на корму: пусть там слушают дельфины, они — меломаны.

Но не так беспокоил Билибина вой скрипки — под музыку он крепко спал, — как гудки этой сиплой «Шмары»... Для инженеров и доктора матросы, по приказанию капитана, сколотили из горбыля «каюту» с двухъярусными нарами и застелили их циновками. Спать было можно, но «каюта» находилась на палубе у самой трубы, и громкие, хриплые гудки, издаваемые через каждые пять минут, содрогали это временное жилище, не позволяли глаз сомкнуть. А тут еще матросы, прогуливаясь после вахты по палубе, назойливо стучали деревянными колодками — будто вороны мозги долбили.

Цареградский качку переносил легко, но гудки и стук колодок и его изматывали. Тонкие его губы перекошились в кислой усмешке. Все поэты, воспевавшие море, казались лгунами. Альбом для зарисовок, прихваченный из

Ленинграда, он не доставал, фотоаппарат не расчехлял.

А Миндалевич, «золотой король Колымы», пливший со всем семейством в трюме, страшно завидовал инженерам:

— Инженеры, спецы, как буржуи плывете — в каюте. И почему этот япошка-капитан услужил только вам?

Билибину Миндалевич сразу же не понравился, и он не хотел с ним говорить.

Ответил Цареградский:

— Мы вам охотно бы уступили свой люкс, да вы и ваша супруга проклянете нас, ибо эти гудки и колодки расколотят вам все мозги...

— Да ладно-ть, чего уж там. Мы и в снегу ночевали, нам и трюм привычен. На Севере что — главное? Неприязтельность. Завернулся в шкуру и спи. А я к тому о капитане-то: в двадцать втором мы этих япошек, как поганных кошек, в море топили, и они нас, гады, в топках жгли, а теперича вот с ними якшаемся, а вас, спецов, капитан приглашает в свою каюту на сакэ... А? Политика!

Билибину захотелось дать этому «королю» по его толстым губам. Цареградский скривил усмешку:

— Сакэ — такая гадость!

— На Севере главное — что? Неприязтельность и терпеливость. Дают — пей. Велят ждать — сиди и жди. Жди пароход, который неизвестно когда придет. Жди каюров, которые перед дорогой по три часа пьют чай... А ты сиди и жди, сам не торопись и их не торопи... Да и куда торопиться? На кладбище, что ли? На Севере и на кладбище можно не спешить. Труп, хотя и товар скоропортящийся, здесь лежать может долго, а закопают в вечную мерзлоту, тысячу лет пролежит целехоньким.

— Как мамонт в Якутии, — поддакнул Цареградский.

— Во-во, он самый... Я здесь, в Охотске, пять лет был уполномоченным Дальгосторга, а это в здешних кра-

ях — бог и цари! Потому что на Севере главное — что? Торговля, еще раз торговля и тысячу раз торговля! Через нее все снабжаются, все питаются, через нее государство идет пушнина и золото... И я теперь, как всем известно, уполномоченный Союззолота! Золотой король! А Дальгосторг передали Лежаву-Мюрату... Имя у него громкое. В недалеком прошлом столичный журналист, потом председатель Всесоюзного резинтреста, слышали? А теперича в наших отдаленных краях... А я мог бы и раньше ухватиться за колымское золото. В позапрошлом году, когда был уполномоченным Дальгосторга, приехал ко мне в Охотск этот... Поликарпов. Бородатый, черный, как цыган, и сам без роду, без племени. По Колыме бродил, по всему Охотскому побережью живал. А ко мне приехал заявку делать, застолбить, мол...

Билибин наострил уши, но вида не показал, что заинтересован.

— Да... приехал заявку делать, а золото, подлец, не показывает. Я к нему и так и этак, всю политику пустил. Не клюет, подлец. А я его и раньше знал, богомольца. Однажды совместно в дорожной юрте ночевали. А из нее кто-то до нас икону выбросил в снег. Может, комсомольцы, да и понятно, дорожная юрта — место общественное, все равно как изба-читальня, и доведись мне, партийцу, ночевать... Под иконой должен? А он-то, Поликарпов, ту икону из снега выкопал, обтер и обратно в передний угол.

— Ну, а золото... тогда, в Охотске, он показал?

— Показал бы, товарищ Билибин! Я его своей властью крепко прижал! В тюрьму посадил! В кутузку! Не выложишь золото — не освобожу! И выложил бы, да прокурор нагрянул. Ему бы, прокурору-то, совместно со мной, ради торговли, потрясти этого хищника... А он, буквоед, за отсутствием улик его освободил, а меня чуть не посадил за нарушение законности.

— А может, Поликарпов не имел золота, лишь заявку делал?

— Имел, товарищ Билибин. Чутье говорит — имел. И его дружки опосля сказывали: припрятал он от них самородочек, потому они от него и откололись. Но теперича-то я до него доберусь! Слышал, в Ое обретается...

Но не доплыли до Олы и до Охотска еще не дошли, как покатила на закат звезда «золотого короля» Миндалевича. Бросили якорь на рейде рыбацкого селения Иня. С берега на кунгасе Миндалевичу доставили телеграмму. Лежава-Мюрат из Охотска приглашал его на радиостанцию для важного разговора. Миндалевич отправился на том же кунгасе в Иню. Разговор был не из приятных.

Лежава-Мюрат, кроме «прописной осторожности чиновников», как он однажды выразился, боялся еще и шантажистов. А кто такой Миндалевич, знал хорошо, поэтому весь разговор приказал записать и сдать на постоянное хранение в архив.

Мюрат. У аппарата Лежава-Мюрат. Здравствуйте. Прежде всего, имеете ли Вы лично что ко мне? Отвечайте на заданные мною в телеграмме вопросы.

Миндалевич. Здравствуйте. Отвечая. Главное, еду совместно с обследовательской геологической экспедицией... Указанная экспедиция на основании директив Центра...

Мюрат. Подробности не нужны. Когда заедете в Охотск на пароходе?

Миндалевич. Предполагаем приехать в Охотск через шесть дней.

Мюрат. Передаю важное для вас распоряжение. Правление Союззолота 17 июня передало мне полное руководство работами по Колымскому краю. Вы лично поступаете в полное мое распоряжение. Условились с Со-

юззолотом использовать Вас, если согласитесь и совместная работа окажется возможной. В первую очередь, Вы должны ознакомить меня со всеми планами, вручить все материалы, совместно с ответственными работниками экспедиции пересмотреть весь план работы, что лучше сделать в Охотске. Сможете ли немедленно выехать с ответственными работниками, не дожидаясь отхода парохода? Каждый час дорог. Желательно избежать по поводу лиших разговоров. Подумайте, отвечайте, жду.

Миңдалевич. Отвечаю. Передам начальнику экспедиции Ваше предложение выехать в Охотск. В крайнем случае, выеду один.

Мюрат. Хорошо. Имею еще ряд вопросов. Сколько на пароходе ваших людей и груза?

Миңдалевич. Тридцать пять человек с моим семейством. Груза с инструментами, возможно, наберется до пятнадцати пудов. Вполне понимаю, что главное — учёт транспорта...

Мюрат. Сделаны ли вами предварительные распоряжения по организации транспорта в Оле?

Миңдалевич. Экспедиция запрашивала Олу. Ответ не получен. Имеется ряд конкретных соображений выхода из данного положения. Удобнее обсудить при личном свидании... Дальзолото настаивало, чтобы я взял в Хабаровске сто—двести человек старателей. Я отказался до выяснения с вами вопросов снабжения...

Мюрат. Очень хорошо поступили, но по сообщению из Владивостока на «Кван-Фо» едут какие-то рабочие, везут груз. Что вам об этом известно?

Миңдалевич. Перед моим отъездом из Владивостока, несмотря на мой категорический отказ, выслали четырнадцать человек старателей, отобранных специально для первой необходимости...

Мюрат (перебивает). Товарищ Миңдалевич! До моего вмешательства Дальзолото во главе с Перышкиным

наделало ряд несуразностей, в том числе в Охотске, что я сейчас решительно ликвидирую. Положение создается необычайно трудное, ответственное. Нам всем предстоит каторжная работа, выдержка, предусмотрительность. Передайте всем ответственным сотрудникам мою большую просьбу: к происшедшим персональным изменениям отнестись спокойно, со всей серьезностью к создавшемуся положению. Буду рассчитывать на полную искренность, готовность сотрудничать, решительность и дисциплину... Можете вызвать по проводу в любое время. Помимо меня с Хабаровском и Москвой не сноситься во избежание новых противоречий. Жду Вашего и товарища начальника экспедиции приезда с нетерпением. Ознакомьте его с содержанием нашей беседы. Будьте осторожны лично в сношениях со старыми знакомыми. Вокруг Вашего имени здесь создано неблагоприятное положение, с чем необходимо считаться. Я кончаю, если не имеете дополнительных сообщений. Сейчас Вам передадут распоряжение Союззолота, подождите приема телеграммы № 32437 Перышкина. До свидания.

Миңдалевич дождался телеграммы, которую можно было и не ждать. Она шла на его имя из Хабаровска в Охотск, из Охотска в Иню, а сообщала известное: «Ряду обстоятельств руководство передаем мюрату тчк вы поступаете полное его распоряжение тчк выданную вам доверенность передайте мюрату тчк перышкин».

— Точка. Перышкин, — подытожил Миңдалевич, порвал телеграмму на мелкие клочки и, посыпая ими свой след, поплелся на пароход.

Билибину он в нескольких словах передал разговор с Мюратом и его предложение, но в таких словах, что Юрию Александровичу почему-то не захотелось срываться с парохода и скакать в Охотск.

Билибин подумал и ответил:

— Нет, на лошадях в Охотск не поеду. Да и куда то-ропиться, товарищ Миндалевич, на кладбище, что ль? На Севере спешить некуда и незачем. Сам Север еще не проснулся, так ведь?

— Просыпается. Мюрат говорил: дорог каждый час и предстоит каторжная работа.

— На тюрьму намекает? — усмехнулся Билибин.

— Нет, говорит, надо пересмотреть весь план вашей работы.

— Ну, это мы еще посмотрим! — огрызнулся Юрий Александрович и пошел в свою каюту.

Миндалевич поскакал из Ини в Охотск один.

В Охотском порту для супруги Лежавы-Мюрата сгру-жали рояль. Когда его спускали в кунгас и по зыбистой волне подгоняли к берегу, он издавал никогда не слыхан-ные в этой глухомани звуки.

Его владелица — точеная фигурка в длинной черной юбке и пышной белой кофте — нетерпеливо похаживала по отмели и вертела над собой шелковый японский зонтик.

Капитану она почудилась очаровательной гейшей:

— Хоросая барышня!

Капитан, с тонкими усиками, будто нарисованными пером, в соломенной шляпе и желтых лакированных штиблетах, сам спустился в кунгас и крикливо поторап-ливал гребцов, своих матросов, маленьких, в грубых комбинезонах и огромных резиновых сапогах.

На этом же кунгасе отплыли на берег Билибин и Бертин. Эрнеста Юрий Александрович взял на всякий неприятный случай и ради представительства: все-таки родной брат известного Бертина!

Рояль извлекли на берег и хотели было погрузить на телегу, но капитан любезно предложил «хоросей барыс-не» свои услуги: приказал матросам нести дорогой ин-струмент на руках осторожно, как фарфоровую вазу, и

шустро, как бегают рикши. До города две с половиной версты, и «рикши» потрусили в его сторону, шурша сло-новыми сапогами по рассыпчатой дресве. Рояль звенел струнами, будто хрусталь. «Хоросая барышня» в благо-дарность обворожительно улыбнулась капитану и позво-лила поцеловать свою ручку. Капитан долго смотрел ей вслед и поглаживал подслюненным мизинцем усики.

Издали, среди почернелых изб с перекошенными ставнями, выделялся дом посolidнее прочих. Стоял он на площади, напротив церкви. В него шустрые японцы внесли рояль.

Эрнест, проинструктированный начальником, бабах-нул на пороге:

— Б-Б-Бертин!

Юрий Александрович ему в тон, так же раскатисто:

— Б-Б-Билибин!

Но Лежаву их бабахания не оглушили. Он их ждал почти полмесяца, с тех пор как назначен был уполномо-ченным Союззолота по Охотско-Колымскому краю. Он чуть ли не облобызал долгожданных гостей... Забыв представить своей супруге, усадил за стол, уставленный яствами, и сразу же предложил приступить к делу...

Но его супруга, Жанна Абрамовна, истосковавшаяся по столицам, бесцеремонно оттеснив мужа, сама пред-ставилась Билибину как бывшая московская актриса и жадно начала расспрашивать о Москве, Ленинграде. А когда узнала, что известный художник Билибин, ве-сельчак, балагур, завсегдатая артистических вечеров, — дальний родственник Юрия Александровича, то сама ударилась в воспоминания, пересказала множество ка-ламбуров и острот художника — и все это под музыку своего новенького рояля.

Лежаве-Мюрату пришлось вести деловые переговоры под эту же музыку и самому произносить тосты, в чем был он неистощим, как истинный кавказский тамада.

Миндалевич сидел здесь же, но как в воду опущенный. За столом вели разговоры о колымском золоте. Из кованого сундука Лежава-Мюрат извлек невзрачную, зеленого стекла бутылочку из-под сакэ и — бах, тяжелую, как бомба, на стол.

Билибин впился в нее:

— Золото?! С Колымы?!

— Колымское, — подтвердил Лежава-Мюрат. — Здесь два фунта, а Поликарпов говорит, что намыл бы два пуда, да отощал, все запасы съестного у него вышли.

Билибин взял бутылку осторожно, обеими руками, высыпал пяток золотинок на ладонь. Самородочки были мелкие, из горлышка вылетали без задержки. Приподняв ладонь к глазам, рассматривал матовые золотишки на свет.

— Так вот оно — колымское золото!

Эрнест нарочито презрительно тянул:

— Мелкое. Козьявки. Да и посветлее будет алданского. Может, вернемся, Юрий Александрович, а? Не поедем за этими козявками?

Лежава-Мюрат шутить не собирался:

— Да из-за этих козявок, как только показал их Поликарпов в этой бутылочке, вся моя епархия взбесилась! Хватай, браток, котомку и — айда, куда Поликарпыч укажет. Более двухсот приискателей работу побросало! В Охотске всех лошадей скупили, в лавке все припасы забрали. Не придержи я этот народец — вспыхнула бы золотая лихорадка, как в книжках Джека Лондона! А с меня, с Лежавы-Мюрата, как с молодого барашка, шкуру долой, а мясо — на шашлык! Куда вы, говорю, сумасшедшие? В Хабаровск, во Владивосток, в Москву «молнировал»: прошу запретить въезд на Колыму! Стихию осадил. Но всякое дело — палка о двух концах. Страна сколачивает золотой фонд. И если на Колыме, в моей епархии, открылось золото — тут не разводи контру,

форсируй! Иначе опять меня на шашлык. И никому не докажешь, что ты не баран. И я форсирую! Привел к себе Поликарпова, предложил ему оформить по закону заявку на имя Союззолота и пообещал назначить его старшим горным смотрителем на колымский прииск. И вознаграждение за найденное золото, и руководящая должность!.. Вот как! — Мюрат метнул торжествующий взгляд на Миндалевича. — И вот она — эта заявочка, товарищ Билибин. Я от имени Союззолота и лично товарища Серебровского прошу вас, товарищ Билибин, будучи на Колыме, проверить ее.

Юрий Александрович так и впился в заявку Поликарпова. Где погиб Бориска, точно никто не знал, да и нашел ли он золото? Розенфельд в своей записке не указал, где он видел молниеподобные жилы. Экспедиция ехала без адреса, без строгой привязки, с одной лишь надеждой. И вот в заявке Поликарпова есть и зацепочка, и все точно обозначено: речка Сериникан падает справа в Колыму, устье ключа Безымьянного — в двадцати верстах от устья Сериникана. Заявка — на долину Безымьянного.

— Вот и печка! — воскликнул Билибин.

— Что? — не понял Лежава-Мюрат.

— Ключик Безымьянный — это печка, от которой мы будем танцевать! Жанна Абрамовна, сыграйте нам что-нибудь такое!.. — Юрий Александрович не знал, как выразить словами, но Жанна Абрамовна его поняла.

— Полонез Огинского? Пожалуйста!

Билибин обхватил Лежаву-Мюрата:

— Дорогой кацо! Я с великим удовольствием проверю эту заявочку товарища Поликарпова и выполню задание ваше, товарищ Лежава и Мюрат, и лично товарища Серебровского, которого я имел счастье дважды видеть!.. Мы будем искать золото в долине ключика Безымьянного денно и нощно...

Юрий Александрович еще много сказал восторженных слов и даже пускался танцевать, обнимал Лежаву-Мюрата, величая его «настоящим золотым королем», просил, чтоб показали ему Поликарпова, и он его расцелует...

Лежава-Мюрат посмотрел на Миндалевича. Тот сидел насупившись.

— Нет, — сказал Лежава-Мюрат. — Сейчас Поликарпова в Охотске нет, он на приисках... Но я пришлю его к вам, на Колыму, и там вы найдете с ним общий язык.

Переговоры продолжались еще долго. Обсудили все вопросы: и транспортные, и продовольственные, и как организовать добычу золота, если заявка Поликарпова подтвердится...

Под утро Билибин, Бертин и Миндалевич вернулись на пароход.

В каюте Юрий Александрович всех поднял громовым голосом:

— Возрадуйтесь, догоры! Мы будем танцевать от печки! Я держал на ладони, — и шепотом, — колымское золото!

ПРИЗРАЧНАЯ НОЧЬ

После Охотска пароход еле полз. Билибин говорил:

— Чем ближе к цели, тем медленнее тащимся. От Ленинграда до Владивостока — десять тысяч километров. Ехали десять суток. От Владивостока до Олы — три тысячи. Шлепаем двенадцать суток. Это — какая-то арифметическая регрессия! И если от Олы до Колымы — шестсот километров, то будем добираться месяц?

Миндалевич молчал. Он стал совсем неразговорчивым. Отозвался Цареградский, как всегда, примирительно и смиренно, с тонкой усмешечкой:

— Древний и мудрый Восток жить не торопится.

— Изрек Стамбулов! — добавил Билибин.

А море покачивало судно, и чем мористее отходили, тем гуще обливало молоком непроницаемого тумана. Лишь когда вошли в Тауйскую губу, волны улеглись, и туман отступил. Пароход поплыл по гладкой, словно отполированной ветрами воде, и она держала его, как на огромной плоской тарелке.

За бортом стали появляться касатки, нерпы. Нырять, они сопровождали судно, доставляя нехитрое развлечение матросам и пассажирам. Иногда взлетали над горизонтом фонтаны воды, выбрасываемые китами, и те, кто успевал увидеть эти фонтаны, радовались и почитали себя счастливыми и зоркими.

Пролетали мимо чайки и морские утки, а вскоре показался берег. Слово из воды поднялись дымчато-серые горы.

Они сразу потянули к себе горных инженеров. Билибин и Цареградский прилипли к биноклям.

Шли мимо полуострова Старицкого. Слева по борту возвышался крутой скалистый мыс, напротив его — другой, еще круче и скалистее; за ними возвышалась гора с останцами на вершине, очень похожими не то на корону, не то на средневековый замок. Эта гора в лоции называлась Каменным Венцом. А за этими мысами и за этой горой, как сообщала та же лоция, лежала бухта Нагаева, или по-старинному — бухта Волок.

Лоцию берегов Охотского моря Цареградский и Казанли приобрели во Владивостоке и по этой книге сверяли и изучали путь «Дайбоши-Мару». О бухте Нагаева лоция повествовала, что это самая удобная якорная стоянка на всем северном побережье Охотского моря: и защищена почти от всех ветров, и берега ее так приглубы, что суда могут в прилив свободно подходить к ним. У подножия Каменного Венца есть пресная вода. Один лишь

недостаток: на ее диких берегах нет ни одной человеческой души и нет продовольствия...

Пароход шел левым бортом к северным берегам. То темно-серые, то желтые и буро-красноватые, они обрывались к морю и, медленно разворачиваясь широкой панорамой, проплывали мимо. За ними зеленели, курчавясь кустарниками, невысокие сопки с голыми каменистыми вершинами. За сопками синели горы повыше. А дальше голубели и белели вершины других гор. И не было этим сопкам и горам, уходящим вдаль, как огромные накаты волн, конца и края.

Вечером третьего июля 1928 года «Дайбоши-Мару» бросил якорь на Ольском рейде Тауйской губы, в двух милях от берега. В тишине-якорные цепи пронзительно заскрежетали и громко плюхнулись в воду. С тревожными криками взметнулись чайки.

Огромное алое солнце погружалось в море. Небо розовело, море краснело, и червонным золотом отливали берега...

Когда подходили к рейду, то видели широкую долину. На западе ее курчавились ольхой крутые сопки, на востоке белели снежники гор, а в центре блеснули и погасли окна разбросанных там и сям домиков, сверкнули серебром купола двуглавой церкви.

Наступила белая ночь. Но как она не была похожа на хорошо знакомую ленинградскую белую ночь!

Здесь все чудилось каким-то странным и призрачным.

Солнце уже скрылось, а его отблески все еще светились и, блуждая, мерцали на небе, по воде, по берегам. Эти отблески, серебристые, дымчато-голубые, розоватые и золотистые, переливались, словно перламутр. Эти отблески непонятно почему теснили и беспокоили душу. Никто не хотел спать. Все стояли на палубе и молчали, а если кто заговаривал, то почему-то шепотом, словно боясь нарушить тишину и спугнуть странные отблески.

В эту ночь, наверное, не спали ни звери, ни птицы. Молчаливо и в одиночку летали чайки, отражаясь в стылой воде каждым перышком. Высовывались из воды круглоглазые, усатые, похожие на чертей нерпы и снова прятались. Сизо-черные вороны важно и степенно расхаживали по отмели и что-то поклевывали, как будто кланялись...

— Ну как, Митя? — затаенным шепотом спросил Валентин.

Призрачная белая ночь заворожила Цареградского. Ему хотелось читать какие-то необычные стихи или взять заветные краски... Но ни красками, ни тем более фотоаппаратом не передашь эту красоту. Ее можно только запомнить на всю жизнь, и Валентин верил, что эта ночь никогда не забудется.

— Ну как, Митя? — чуть громче повторил он.

С напускной небрежностью Митя ответил:

— Звезд не видно. А мне нужны звезды. Судя по лодии, мы находимся на одной параллели с нашим Ленинградом, но это надо еще уточнить...

Юрий Александрович в эту ночь тоже был готов сочинять стихи и любовался тем, как на его глазах переодевались, словно красавицы, сопки и горы: зеленые бархат меняли на золотую парчу, на голубую и розовую вуаль. Видел Билибин и как ночь играет перламутром. Но думал о другом.

Был отлив. Морское дно обнажилось почти на целую милю. Выгрузка откладывалась до утра, до полной воды. Местные кунгасы, огромные, с высокими бортами, сейчас сидели на мели, накренившись на бок, обсыхали...

В Охотском море — самые высокие в мире приливы и самые низкие отливы. И трудно было поверить, что через шесть-семь часов море вернется к своим берегам и поднимет эти огромные кунгасы и они свободно и по-

слушно поплывут... И тогда начнется разгрузка парохода. Ждать нужно шесть-семь часов. Но когда дождешься полной воды, то эта же вода затопит мелкие лагуны, что отделяют косы, или, по-местному, кошки, от матерого берега, и тогда, чтоб пройти с кошки на берег, где расположилось селение Ола, придется ждать полного отлива — еще шесть-семь часов...

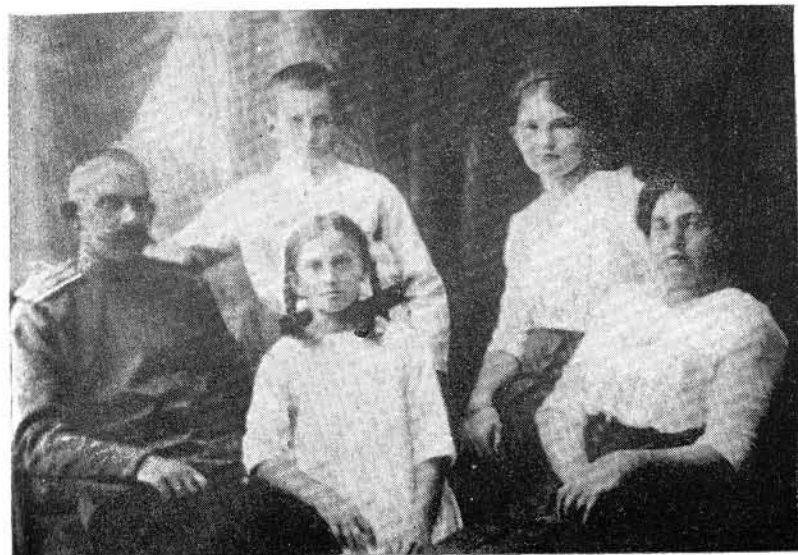
Тут не стихи читать, а ругаться... Билибин, громыхая сапогами, пошел к капитану, поднял его с постели и, обещая хорошо заплатить, попросил спустить шлюпку. Вместе с собой он взял Раковского и Седалищева.

1. Юрий Билибин в детстве и...

2. ...учащийся Смоленского реального училища.

3. Семья Билибиных.

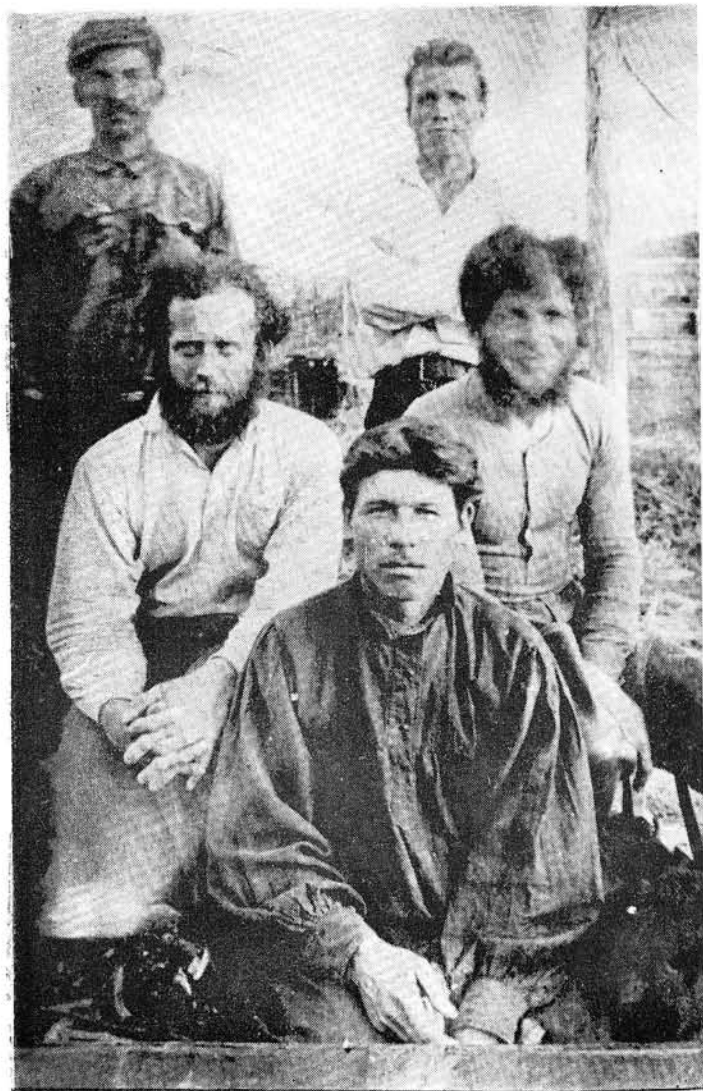

4. Ключ Борискин.

5. Ключ Безымянный.

6. Ф. Р. Поликарпов, подавший первую заявку на колымское золото. Репродукция с картины художника И. Царькова.

7. Группа участников Первой Колымской экспедиции на разведочном участке долины реки Среднекан. Слева направо сидят Ю. А. Билибин, П. Е. Лунев, А. М. Ковтунов, стоят С. С. Дураков, Я. А. Гарец.

8. В таких юртах жили на побережье Охотского моря тунгусы.

9. Сплав по Бахапче. Карбас на мели.

10. Группа участников Первой Колымской экспедиции (Д. Казанли, А.Ковтунов, Е. Игнатьев, Т. Аксенов, К. Мосунов, Д. Переяслов) в бухте Гертнера.

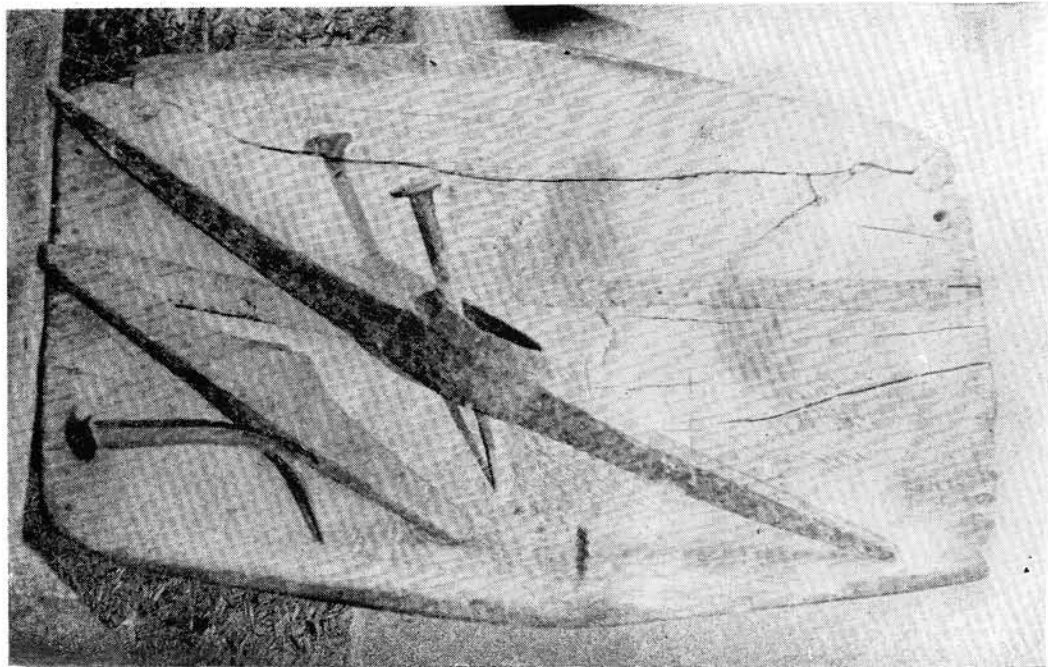

11. Ю. А. Билибин в свободную минуту...

12. Полуостров Старицкого. Группа участников экспедиции на привале. Июль, 1928 г.

13. Лоток, кайло, скребок... Таковы орудия труда первых горняков-золотодобытчиков.

14. До сих пор сохранилась в окрестностях Среднекана одна из штолен, пробитых в сопке экспедицией Ю. А. Билибина в 1931 г.

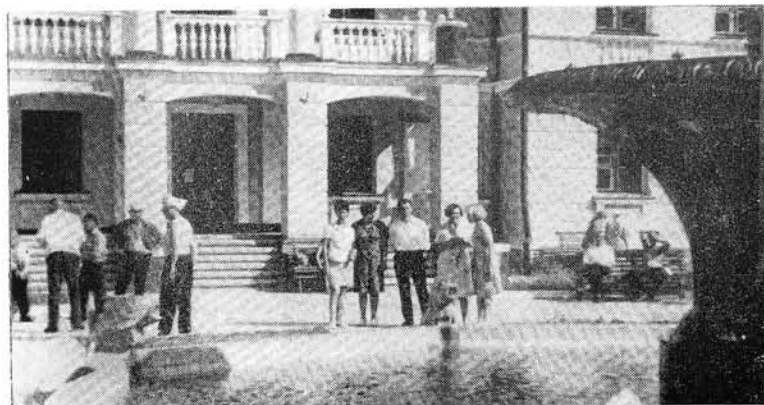
15. Поселок Усть-Среднекан сегодня. Вид с Колымы.

16. Избушка на Талой. Такой увидел ее В. А. Цареградский, впервые описавший целебные тальские источники.

17—18. Так выглядит курорт Талая сегодня. Здесь отдыхают и поправляют здоровье не только труженики Колымы и Чукотки, но и соседних краев и областей.

19. С. Д. Раковский, Рисунок В. А. Цареградского.

20. Заместитель начальника Первой Колымской экспедиции В. А. Цареградский.

21. Проводник экспедиции Макар Захарович Медов. Рисунок В. А. Цареградского.

22. Бывшее заштатное село Ола за годы Советской власти превратилось в красивый благоустроенный поселок городского типа. На снимке — центр Олы.

23. Два неразлучных друга — Валентин Цареградский и Дмитрий Казанли.

24. Личные вещи Ю. А. Билобина на одном из стендов Магаданского краеведческого музея.

Часть вторая

ВЕЛИКОЕ СИДЕНИЕ

ОЛЬСКАЯ ХРОНИКА

Старый тунгус сказывал:

«Давно, давно орочи, оленные люди, жили в верхнем мире, в горной тайге, где мать-земля мягким мхом расстилалась, где рос корень жизни — ягель... Где ягель — там олени. Где олени — там и оленные люди. Олень — пи-радуг, погасили звезды, и запылали багровые сполохи. Так они жили, и много оленей у них было — полная долина.

Но однажды, в долгую зимнюю ночь, вспыхнули шесть радуг, погасили звезды, и запылали багровые сполохи. Они охватили все небо и оранжевыми столбами взметнулись вверх. А потом зелеными шелковыми лентами стали извиваться по черному как сажа небосводу.

Невиданное сияние испугало оленных людей. Они жалась друг к другу, перешептывались. Шаманы изрекали: шесть радуг — знамение Эвоена — бога и праотца орочей, сполохи — его лицо в гневе, зеленые ленты — его волосы... И пророчили шаманы всякие беды. И собаки, как шаманы, страшно выли. Лишь олени спокойно доставали из-под снега ягель.

А когда сияние погасло, с полуночной стороны налетел сильный и холодный ветер. Вокруг все зашумело, завихрилось и закружилось в бешеной снежной пляске. Пурга разметала чумы. Пурга погнала оленей на полуденную сторону. Туда же, гонимые ветром, побрели люди и собаки.

Много дней и ночей шли они. Изнемогали, падали, поднимались... Поднимались не все — только сильные...

Разбродились и потерялись в пурге олени. Лишь собаки да люди остались. Безоленные, голодные, измученные, собрались умирать люди. Но тут пурга улеглась, и увидели они с гор, в полуденной стороне, другой — нижний мир.

В этом мире была весна: зеленела широкая долина, быстрая река бежала по ней в море. А море было большое и синее, как небо.

И еще увидели люди: река от моря до самых гор бурлит и кишит рыбой. Рыба шла вверх, на нерест, так густо, что вытесняла одна другую на берег, в кровь разбивалась о прибрежные камни... Голодные люди бросились в нижний мир с радостными криками: «Олра!», что по-орочельски — «рыба». Олра спасла людей от смерти.

Здесь, в нижнем мире, на берегах реки и моря люди построили из лиственничных жердей чумы, покрыли их корьем и землей... Рыбы вдоволь запасли и для себя и для собак. Другой пищи не знали».

Так оленные люди, орочи, бродячие тунгусы, потеряв оленей, отказались от вольного кочевья и осели в устье реки, у моря, — стали морскими людьми, ламутами, сидячими тунгусами. А все они — и орочи, и ламуты — эвенны, от одного праотца Эвоена. А реку так и называли Олрой. Русские люди перекрестили ее в Олу.

Царевы служилые люди Олу знали давно, но почему-то долго обходили стороной, может, потому, что взять было нечего с ольских тунгусов. На закате, в трех собачьих перегонах от Олы, русские поставили Тауйскую крепостицу, на восходе срубили Ямское зимовье, а на Оле долго ничего не строили. Только лишь в прошлом веке учредило уездное начальство Ольский стан и нарядило сюда служилого казака Иннокентия Тюшева. Был

он в службе старателен, за многолетнее усердие медалями обвешан и до зауряд-хорунжего дослужился.

И христовы слуги, православные священники, тоже долго не тревожили ольчан. В Тауйске сначала часовню срубили, а затем и церковь Благовещенскую в 1839 году освятили. Пять лет спустя в Ямске — церковь Покрова. В Оле лишь через полвека, в 1896 году, поставили двухглавую деревянную церковь Богоявленскую.

Была она однопрестольная, священника своего не имела, он наезжал из Ямска. Престол был в январе. В это время — и ярмарка. Поп с крестом, купцы с товарами, бродячие тунгусы с мягкой рухлядью. Поп исповедовал всех: и сидячих и бродячих. Крестил детей, родившихся за год, венчал тех, кто уже женился, и за все наспех и чохом совершенные обряды брал белками и горностаями. Купцы за охотничьи припасы и мелкую галантерею тоже брали белками и горностаями. Белками и горностаями взимал ясак служилый казак Иннокентий Тюшев для белого царя. Про него говорил тунгусам: высок царь, выше гор и звезд, и много-много шкур надо, чтобы одеть его. Тунгусы верили и попу, и купцу, и казаку Тюшеву, и своему шаману.

Здесь же, на ярмарке, пили огненную воду и под шаманские бубны танцевали древние танцы — хеда. Кончался престол, кончалась ярмарка, и затихала, засыпала Ола до следующего января.

Прежде путь на Колыму лежал через Якутск, Верхоянск, Зашиверск, Алазейск — долгий северный путь, проторенный русскими землепроходцами еще в XVII веке — две с половиной тысячи верст, за год не обернешься. Двести лет спустя, в 1893 году, казак Петр Калинин впервые пришел на берега Колымы с Олы. Этот путь оказался гораздо ближе и удобнее, потому что с юга, с Охотского моря, летом без особых неприятностей можно было доставлять грузы. Калинин решил заняться раз-

возным торгом, а для этого необходимо людей нанять. Таких людей ни в Оле, ни в соседних поселениях он не нашел: у сидячих тунгусов и русских камчадалов одни собачки, а на собачьих нартах до Колымы ничего, кроме собачьего корма, не перевезешь. И тогда Калинин подрядил якутов Михаила Александрова с десятью сыновьями, бездетного Макара Медова, бывалого ходока Николая Дмитриева и еще троих... Они перекочевали со своими низкорослыми выносливыми лошадами поближе к Оле, обзавелись здесь хозяйством.

К ольскому обществу их не приписывали, считали насельниками и называли гадлинскими якутами, поскольку дом самого богатого, Михаила Александрова, находился за речкой Гадлей. Стал Калинин купцом, а гадлинские якуты у него вроде разъездных агентов.

Вслед за Калининным и гадлинскими якутами двинулись через Олу на Колыму торговые люди Соловей и Соловьев, Бушуевы и Якушковы. И выпала на долю бедного и богом забытого Ольского поселения большая честь стать морским портом и исходным пунктом великой, на сто оленьих переходов, торговой Ольско-Колымской вьючной тропы.

Ходил по этой тропе и тот самый Розенфельд, приказчик благовещенского купца Шустова, что узрел однажды молниеподобные жилы и первым сообщил о несметных сокровищах Колымского края. С ним не единожды увязывались конюхами охотские старатели Михаил Канов, Иван Бовыкин, Сафи Гайфуллин и тот самый Бары Шафигуллин — легендарный Бориска.

Иногда вместе, а чаще тайком друг от друга старатели намывали на речных косах небогатое золотишко, потихоньку сплавляли его торговым людям.

После смерти Николая Якушкова, а умер он в двадцать первом году, остался не только пятнистый дом с пристройками, шкурки белок, лисиц, горноста, всякая

мануфактура и мелкая галантерея, но и деньги разной валюты: американские и мексиканские доллары, японские иены, золотые империялы и полумпериялы, романовские рубли, разменное серебро царской чеканки и 273 золотника россыпным, еще не очищенным, шлиховым золотом. Позже, когда в двадцать пятом году прикрыли в Оле торговую фирму «Олаф Свенсон и К°» и Ольский волостной ревком реквизирует ее капиталы, то и среди них оказалось 244 золотника шлихового золота.

Откуда оно, это золото? С материка не повезут? Нет. С Колымы? Когда в 1921 году хозяйничал в Оле со своей бандой есаул Бочкарев, то ведь и он своему начальству во Владивосток с похвальбой сообщал: «Сижу на золоте и одеваюсь мехами».

При бочкаревшине и объявился в Оле рязанский мужик Филипп Поликарпов. Внушительный, сильный, волевой, он рассказал бочкареву, поручику Авдюшеву, все, что слышал о колымском золоте, и на деньги Авдюшева забрал в ольской лавке Олафа Свенсона 10 кулей муки, 13 фунтов кирпичного чая, 28 фунтов табаку, 5 фунтов мыла, 3 фунта свечей, 8 фунтов сухих овощей, 3 рубашки, 3 карандаша, топор, лопату, ножницы, гвозди, порохи, дробь и еще кое-что по мелочи — всего на 464 рубля. Все это, как было сказано в торговой книге, пошло «на золотые работы». И отправился Поликарпов с Сафеевкой в верховья Буюнды, где когда-то ходили Розенфельд и Бориска. Вышли по крепкому насту ранней весной 1923 года, вернулись осенью, но с пустыми руками. Пришлось бы неудачникам неизвестно чем расплачиваться с бочкаревыми, но до их возвращения с бочкаревиной было покончено.

На Охотском побережье установилась Советская власть. Новым председателем Ольского ревкома был назначен Иван Бовыкин, а соседнего, Ямского — Миха-

ил Канов. Они тоже пеклись о золоте и в двадцать четвертом году организовали Ольско-Ямскую трудовую горнопромышленную артель.

Было это в сентябре, когда вновь вернулся из тайги и снова с пустыми руками Филипп Поликарпов. Золота не принес, но рассказал, что, когда возвращался, в верховьях одной речки зацепился за знаки, а найти настоящее золото не хватило сил. Ревкомовцы и решили, что Поликарпов на следующий год поведет на эту речку трудовую артель, но крепкий мужик зацинговал.

И только лишь в двадцать шестом году Поликарпов, Канов, Бовыкин и Гайфуллин, забрав в ольской кооперативной лавке продуктов на две тысячи рублей, пошли на Колыму. Там, на Среднекане, до оттепели били шурфы, но все они оказались пустыми. Спустились ниже, до неведомого безымянного ключа, и здесь-то Поликарпов, опробуя щетку — каменистый сланцевый берег у самого устья, — вымыл шесть крупных золотинок. С этими золотишками артель снарядила Поликарпова в Охотск для переговоров с уполномоченным Дальгосторга Миндалевичем.

В начале 1927 года Поликарпов вновь собрал артель и опять пробрался на тот же ключ, названный Безымянным. Артель проработала до ноября, намыла более двух фунтов и возвратилась в Олу. Здесь Поликарпов встретился со своим приятелем по Охотску заведующим факторией Швецовым, а через него — с Лежавой-Мюратом, с которым начал переговоры. Вместе они и выехали в Охотск. От той зеленой бутылочки с двумя фунтами желтого металла и вспыхнула золотая лихорадка, которую Мюрат пытался пригасить.

Из Охотска в Олу вышла по зимней тропе артель американцев, забредших сюда с Аляски. Бовыкин и Канов сбили артель в самой Оле. С первым рейсом, на пароходе «Кван-Фо», держала путь в Олу артель из Хаба-

ровска. Из Охотска рвались на Колыму еще триста человек... Триста человек Лежава-Мюрат удержал, но одна артель тайком, под туманом, на вельботе пронырнула в Олу, обменяла у якута Александрова вельбот на лошадей и двинулась в тайгу...

СОБАЧЬЕ ЦАРСТВО

Юркие матросы в ярко-желтых комбинезонах за какие-нибудь десять минут — но и они показались Билибину часом — подогнали шлюпку к берегу.

Наконец-то Юрий Александрович, Раковский и Седалищев ступили на обетованную землю. По невысокому пологому берегу, усыпанному звончатой галькой, они взбежали наверх и увидели — теперь уже не как мираж, а совсем рядом серенькие бревенчатые домики, а еще ближе — кособокие низенькие срубы с плоскими крышами — летники, и здесь же — вешала из жердей, унизанные пластанной рыбой. Она даже в эту белую ночь сверкала серебром чешуи и горела рубином красного мяса. Над вешалами высились страшные чучела с обвислыми тряпками, но смотреть было на них весело, как на петрушек, — их и вороны не боялись в безветрие.

Когда подошли поближе, с летников взметнулась туча ворон и затмила белое перламутровое небо, а из-под вешал выскочила свора собак.

— Ну, догоры! Обетованная ольская земля встречает нас вороньим граем и собачьим лаем! Ура!!! Вперед! — весело воскликнул Билибин.

— Ура-а-а!!! — озорно подхватили Серега и Миша.

Но скоро их благодущию наступил конец. Крепкие на ногах, с зубастыми волчьими пастьми, лайки с остервенением закружились вокруг пришельцев. Сбивая друга друга, брызгая желтой слюной, они даже грызлись между собой, будто заранее делили добычу.

— Ну и псы, как у Джека Лондона! — Билибин демонстративно вскинул свою огненную, как факел, бороду и двинулся напрямик.

— Ружье надо было взять, ружье надо было взять, — твердил Седалищев.

Он пытался образумить собак, обращался к ним и по-якутски, и по-русски, но они не понимали ни того, ни другого, и тогда Миша прижался к Билибину так, что наступал на пятки, и опять отчаянно запричитал:

— Ружье надо было взять... Ружье...

Раковский шел последним, прикрывал их с тыла.

Дошли до первых изб. Стояли они — не поймешь как: то ли передом, то ли задом, не по-русски, и разбросаны и там и сям. Были эти избы чуть-чуть поскладнее летников: рублены из лиственницы; но вокруг ни загородочки, ни палисадничка, ни грядки, ни деревца — голо, плешиво, лишь галька поблескивает, да торчат колья с перекладинами, а к ним привязаны собаки.

Привязанные — еще злее бродячих: летом, чтоб не жирели, их почти не кормят. И, завидев людей, да еще незнакомых, они тоже рвутся с привязи...

Сначала надеялись, что на собачий лай выйдут люди и отгонят зверье, но ни в дверях, ни в окнах ни первых изб, ни других, к которым подходили, никто не маячил.

— Дрыхнут все, — сменил свой отчаянный напев на другой Миша Седалищев и опять: — Ружье надо было взять...

А собачье окружение все теснее. И все пуще нагнала рослая настырная псина волчьей масти. Она уже на сапоги Билибина брызгала слюной, оскалив клыкастую пасть...

— Эх, ружье не взяли! — не выдержал и Билибин. — И в руках ничего!..

И тут, как по заказу, грянул выстрел. И этот самый настырный волкодав, взметнувшись дугой и сверкнув

гранатовым глазом, хлопнулся оземь, распластавшись у самых ног Юрия Александровича. Бродячие собаки кинулись врассыпную, а привязанные прижались к земле.

Билибин, Раковский и Седалищев оглянулись.

К ним подходили двое. Один — долговязый, будто на ходулях, в мешковатом, болтающемся пиджаке. Другой — милиционер, — в новенькой тесноватой форме, со сверкающей кокардой на суконной фуражке, с блестящим кожаным ремнем и в маленьких, словно с дамской ножки, юфтовых сапожках, тоже, вероятно, тесноватых, потому что шел он, как балерина на пуантах.

Довольный метким выстрелом, он с восхищением поглядел в дуло нагана, потом бережно вложил его в кобуру и, подойдя к убитой собаке, брезгливо коснулся ее носком юфтового сапожка:

— Точно он, Бурун, кобель ямский... Трех оленей зарезал, давно мою пулю ждал, сукин сын!

Широким шагом подошел и долговязый, протянул Билибину длинную руку.

— Зампредтузрика и райполитпросветкульт Белоключов. А вы — товарищ Марин?

Юрий Александрович назвал себя и сразу спросил:

— Мою телеграмму получили?

— Экспедиция, что ли?.. Что-то сей год облюбовали нас всякие экспедиции. Экспедиция Наркомпути, еле-еле душа в теле, пошла пешком в тайгу, половину продовольствия оставила в Оле, а теперь вот вы... А мы ждем товарища Марина, нового предтузрика. Телеграмму, говорите?..

— Да, «молнию»! — важно вставил Раковский.

— Хе, «молнию»?.. В этом крае ни грома, ни молний не бывает, а как церковь закрыли, и про Илью-пророка забыли... Нет, товарищ Билибин, ничего не получали... Телеграф у нас в Тауйске, за двести верст, но работает так, что лучше б его совсем не было. По крайности, зна-

ли бы, что телеграфа нет, и сами никаких телеграмм не составляли, и от других не ждали б. Застряла ваша «молния» где-нибудь среди сопок...

— Я просил подготовить транспорт: лошадей или хотя бы оленей. Ваше начальство мне говорило: здесь лошади есть, а оленей имеется не менее трех тысяч...

— И лошади есть, и олешек много... Но кто их считал? Оленехозяева точные цифры утаивают, да и считать не умеют... Много, полная долина олешек. Но вам не сказали — каких? Они все не ездовые, под выюком и в нартах не бывали — дикие.

— Точно, олени дикие, подсчету не поддаются и никому не подчиняются, — подтвердил, как отрапортовал, милиционер.

— А там, — зампредтузрика махнул своей длинной рукой, как плетью, куда-то в сторону Хабаровска, — знают о нашем крае по туманным слухам.

— Ну, а лошади-то есть, говорите?

— Есть-то они есть, да не про нашу честь... Наши тунгусы их не держат, камчадалы тоже. Только лишь якуты — коневладельцы, за ними числится голов сорок. Но я уже сказал, что полмесяца назад прибыла сюда экспедиция Наркомпути, взяла в аренду двадцать лошадей и третьего дня как вышла на Колыму. А какие остались, те необъезженные, их якуты на мясо держат...

— Ни ездовых оленей, ни лошадей, одни собаки? — ядовито подытожил Билибин.

— Точно, собак много, и привязных, и бродячих. Всех бы пострелял!

— Собачек много, — подтвердил и Белоключов. — Штук шестьсот на привязи и бесчисленное количество гулевых.

Наш бывший предтузрика Петров, — продолжал Белоключов, — вынес постановление о ликвидации собак как прожорливого класса... Это же левацкий загиб!

И я по его указанию выступал на собрании всех ольских граждан с докладом по собачьему вопросу... Не нужно нам, говорю, товарищи — граждане туземцы, столько собак! Когда построим социализм, будем ездить на автомобилях! Машина, значит, такая, объясняю — собачья нарта на колесах, ходит быстро и без собак. И не будет при социализме ни одной собаки! Слушали, кивали, соглашались вроде. Потом один старик покрыл голову платком, как шаман, значит, и говорит: «Слушай сказку, нючи». Тунгусы всех нас, русских пришельцев, нючами зовут... «Одна птичка другую спрашивает: «Птичка, что у тебя вместо котомки?» — «Собачьи кости у меня вместо котомки». — «Что у тебя вместо котла?» — «Собачья голова. Собачья челюсть мне служит посохом, собачье ребро служит крючком, шкура с головы собаки служит постелью, собачья шкура служит одеялом, собачьи кишки — ремнями...» Понял, нючи?» Как тут не понять! Выходит, без собачки тунгусу нет жизни! И собачка вроде бы как священное животное, о котором песни поют, сказки слагают. А наш бывший предтузрика, как мы его звали, царь Ольский, князь Тауйский, князец Ямский, принц Туманский и прочее и прочее...

— Читал я об этом! — прервал Билибин: ему уже начал изрядно надоедать Белоключов и его доклад о собаках. — Читал в «Тихоокеанской звезде»... Новый корреспондент сообщил, что в Ольском районе половина тунгусских родов отказалась от родовых Советов, снова выбрали себе «князцов» и живут, как жили до революции... И про священных собачек читал... И о причинах такого положения читал... Во всем виноват тузрик Петров, царь Ольский и прочее и прочее... И вся эта б-белиберда... за подписью «Олец», — и Юрий Александрович уставился в Белоключова: не он ли и есть этот корреспондент.

— Уже напечатали! А газетка у вас не сохранилась? Олец-то я!

— Использовал...

— Жаль... Так вот к чему я это все говорю... Нужен постепенный подход, без левацких заскоков и без оскорблений чувств! Мы тунгусу взамен собачек автомобиль обещаем, а он, «и ныне дикий тунгус», Пушкина еще не читал и впервые этот самый автомобиль-то только что, на днях, в кинофильме увидел! Тут нужна тонкая политика, не такая, как при Петре Первом, который насильно бороды срезал... И не такая, какую вел наш бывший Петров, тоже Петр, но уже не Первый — кресты с церкви скидывал, иконы выбрасывал... А вот и наш дом Советов! Все, как в Москве, только крыша пониже, да краска пожиже. Заходите, да голову наклоните, чтоб фонари на лбу не зажечь...

Вошли. Большая комната с голландской печью посредине, печная дверца — чугунная, с отлитой охотничьей сценой, рядом большой резной, с зеленым сукном, письменный стол, на столе — массивный стеклянный письменный прибор и пишущая машинка «Ундервуд», за столом — кресло-качалка с плетеной из рисовой соломы спинкой, над столом — керосиновая лампа под зеленым абажуром, а вдоль стен, под окнами, — широкие, до лоска натертые лавки.

— При старом режиме размещался здесь пристав Тюшев. Он и сейчас здравствует, сто лет старику, но почти каждый день сюда приходит, как на пост... Ну а вы-то, значит, золото приехали искать?

ЖЕЛЕЗНЫЙ КЫЛЛАНАХ

Из тузрика Билибин, Раковский и Седалищев вышли и тяжело вздохнули. Сидели битых два часа и ни до чего не договорились.

Председатель райисполкома Петров — первый партиец в районе, прямой, резковатый, но самый надежный

человек, как говорил о нем Лежава-Мюрат, тот самый Петров, который мог сделать для экспедиции все, видать, с кем-то не сработался и был откомандирован: полмесяца назад отбыл из Олы на «Кван-Фо».

— Петров уехал, остался Петрушка, — Юрий Александрович, передразнивая Белоключова, развел руками, как пугало, и, выругавшись, сплюнул: — Надеяться нам на этого болтуна — только время терять. Барда, догоры, к якутам!

В тот же день, четвертого июля, в полный отлив все экспедиционное имущество было перенесено с кошки на окраину Олы. У беднячек Анны и Матрены Сивцевых за небольшую плату арендовали пустой амбар, соорудили в нем склад, рядом натянули белые бязевые палатки и сразу же взялись за поиски транспорта.

К якутам, с деньгами, с подарками, пошли большой делегацией: сам Билибин, Раковский, Седалищев, Царегородский, Казанли и Степан Степанович с Демкой.

Якуты за Олой жили вразброс на много верст, наслегами. Местности назывались Удликан, Гадля, Тас, Нух, Сопкучан, Быласчан, Нахрыя. Самым ближним урочищем, в трех верстах от ольской околицы, был Удликан.

Как только перешли по шаткому мостику каменистую темную речку Удликан, увидели среди густого ивняка почернелую юрту Иннокентия Свинобоева. Жил Кеша бедняком, извозом не занимался, но в прошлом году и лошаком обзавелся. Прозывали Кешу Нючекан, то есть «русскенький», так как родился он от заезжего рыжего попа и был лицом светел, волосом рус. Жена его, тунгуска Иулита, лет на десять моложе, худощава, чернява, как уголек.

Про нее просветчик Белоключов успел геологам рассказать: выбрали Иулиту членом Гадлинского сельсовета, а в день выборов зашел к Свинобоевым в гости Конон Прудеский, якут с придурью, и стал насмехаться, —

мол, выбрали бабу членом, а баба есть баба. Тут Иулита Андреевна показала Конону свой характер: схватила березовый остол с железным наконечником, которым собак наказывают, да этим остолом и огрела его. А потом на собрании всего общества сделала об этом внеочередное заявление, что и было занесено в протокол для истории.

Геологи всем гамузом завернули к юрте Свинобоевых с визитом вежливости и с надеждой, что член сельсовета Иулита Андреевна чем-то им поможет. Но ни ее, ни Кеша дома не было — ушли на рыбалку. Одна лишь девочка Вера, черноглазая, длинноногая, что-то настаивательно внушала собакам. Заслышав людей, собаки рванули было, но девочка скомандовала:

— Той! Той! Урок не кончен!

И собаки присмирели.

— Ты — кто? — спросил Билибин девочку.

— Учитель.

— И кого же ты учишь?

— Собачек. Маму и папу учила писать и читать, а теперь их учу до двух считать. Собачкин ликбез.

— И научила?

— Научила. Пеструн, считай!

Пестрая, черная с белыми пятнами, лайка очень четко дважды гавкнула и получила кусочек рыбы.

— Дарейка, считай!

И рыжая собачонка вполне членораздельно тявкнула два раза.

— О-о! Цирк! — восхитились геологи.

— Не цирк, а собачкин ликбез, я уже сказала.

Билибин спорить не стал, продолжал устанавливать контакт:

— Это — Пеструн. Понятно, потому что пестрый. А почему — Дарейка?

— Потому что нам ее подарили. Понятно?

— Весьма. А сама ты — Уголек?

— Уголек — это собачкино имя, а я — Вера, и дразниться нельзя.

— Ну, а нас научишь? Мы за науку конфетки дадим, — и Юрий Александрович протянул Вере жестяную коробку монпансье. — Московские!

Девочка схватила было, но призадумалась:

— А зачем вас учить? Разве вы темные?

— Темные. Вот не знаем, как до Колымы добраться, где лошадей найти... — и Юрий Александрович раскрыл коробку.

У девочки глазенки засверкали, как леденцы в коробке, и она сразу предложила:

— В Гадле лошади есть. Александров — богатый саха. У него десять коней, сорок оленей... Пойдемте в Гадлю! Там и школа наша, и учитель Петр Каллистратович! А он все знает!

— Вот и договорились! Бери конфеты, садись на стригунку своего и веди нас к учителю, в Гадлю!

От Удликана до Гадли — верст пять. Шли среди душистых тополей, высоких и прямых чосений, среди ивовых и ольховых зарослей.

Впереди ехала на гнедом стригунке Вера. Она то и дело оборачивалась и без умолку болтала — просвещала темных людей. Про Удликан сказала, что речка местами не замерзает, и показала, где утка держалась всю прошлую зиму. Коров увидела, поведала о холмогорском бычке, которого завез крестком, чтоб улучшать якутских малодойных коровок. Переходили речку — пояснила: Гадля по-русски — нерестилище, сюда на нерест кета идет.

— А ты и тунгусский знаешь?

— Знаю. С папой я говорю на якутском, с мамой — на тунгусском, а вот с вами — на русском...

— Полиглот! — восхитился Билибин.

— Опять дразнишься?

— Нет, Верочка, напротив! Весьма хвалю! Полиглот — это не живоглот, а тот, кто знает много языков. Слово греческое, а ты греческого не знаешь и зря обижаешься.

— Узнаю. Вот поеду в Москву, где такие конфетки делают, выучусь на учителя и все буду знать. А вон — наша школа! — указала Вера на взгорок, где среди мрачных старых лиственниц золотился сруб не совсем обычного, под двумя крышами, с коньками и флажками на коньках, здания. — А вон там Александровы живут. У хотона — это Устюшка стоит. Она — глухая и немая, с ней ни о чем не договоритесь, только я ее понимаю. — Вера подхлестнула своего стригунка, подскакала к Устюшке, длинной, как жердь, девице. Они о чем-то поболтали руками, и Вера, вернувшись, сообщила: — Сам Александров — на рыбалке, старшие сыновья в горы ушли, Паша, Ванятка и Гавря в школе... Вон они бегут, а с ними и Петр Каллистратович!..

Ребятишки скатились со взгорья, как шарики, облепили Веру, она стала оделять их леденцами и всем объявляла, что поедет учиться в Москву и оттуда привезет конфет еще больше. По черным глазенкам якутят, зыркавших на приезжих, Билибин понял, что им нужно, и достал еще три коробки монпансье.

Подошел учитель. Было ему лет тридцать, он, как большинство якутов, невысок, черноволос, но лицом беловат, черты лица утончены той интеллигентностью, которая обычно отпечатывается и на лицах русских сельских учителей. И одет он был, как русские учителя: белая косоворотка на выпуск с наборным ремешком, пиджак, накинутый на плечи.

Об учителе Федотове зампредтузрика тоже кое-что рассказал Билибину. Петр Каллистратович из крестьян, окончил духовное училище, затем гражданскую учительскую семинарию. В Гадле обосновался недавно, обзавел-

ся семьей, в прошлом году как раз на Первое мая у него сын родился — Маратом назвал! Секретарь сельсовета, выступает с докладами, стихи пишет для стенгазеты «Голос тайги». Красный якут! По его предложению якуты гадлинского общества в годовщину смерти Владимира Ильича решили построить школу, чтоб выполнять завет Ленина «Долой неграмотность!», и выразили полную уверенность, что школа и ее культурно-просветительная ячейка в лице ликбеза станет руководительницей и застрельщицей культурного и хозяйственного возрождения местных якутов. Ну, а о том, как строилась школа, Петр Каллистратович сам расскажет...

Политпросветчик не ошибся. Не успели геологи войти в двери, над которыми пламенели суриком слова «Гадлинская единая трудовая школа 1-й ступени имени В. И. Ульянова (Ленина)», как Петр Каллистратович, словно экскурсовод, начал:

— Эти сени сложены из амбарного сруба Макара Захаровича Медова. Есть у нас такой замечательный якут, живет на Сопкучане, в семи верстах отсюда. Когда начали строить, сельсовет постановление вынес, кому сколько бревен заготовить, сколько плах, сколько корья... Макар Захарович все заготовил, да еще подарил для школы свой новенький сруб. Сам-то старик неграмотный, но всех своих детей определил в школу, и сам у них учится. О пользе грамотности объяснять почти никому не приходится... А вот у нас и портрет товарища Ленина, а это траурное знамя Владимира Ильича. Их подарил нам в день открытия школы председатель Ольского райисполкома товарищ Петров!

Ну, а здесь моя келья. Проходите, располагайтесь, почаевничаем. Я уже слышал — у нас торбасное радио хорошо работает, — что прибыли вы искать золото, если не секрет...

Билибин усмехнулся:

— И надо бы держать в секрете, но от торбасного радио, видимо, ничего не скроешь.

— Великолепно! Найдете золото — край перестанет быть диким, пробудится от вековой спячки, от мертвящей тишины! А золото здесь есть! Об этом вот и Слюнин писал, — Петр Каллистратович указал на толстую книгу, стоявшую на самодельной этажерке. — Читали, конечно? Правда, ольское золото слишком мелкое и добыче не поддается. А на Колыме есть и покрупнее. Про Борису слышали? И про Поликарпова слышали? А теперь артели туда наладились... Найдете золото, и снова возродится наш Ольско-Колымский тракт! Больше тридцати лет гадлинские якуты им только и кормились, извозом: одни делали нарты, другие резали алыки, то есть ремennую упряжь, третьи обшивали уезжающих, четвертые занимались в конюхи, пятые кредитовались у купцов и подрядчиков — для всех было что заработать и поесть. А в последние годы тракт захирел, совсем закрылся, и извозных коней нет смысла держать. Население огородничеством занялось, в прошлом году стали выращивать капусту, редьку, даже салат... И кое-кто теперь считает транспортный заработок химерным. Начали на мясо переводить и извозных оленей и коней. Ну, а я считаю, что извоз хотя и отхожий промысел, а благосостоянию не повредит! Нужно только организовать артель, чтоб не так, как было: одни на извозе наживались, другие проживались... И я предложил нашему крестному организовать транспортную артель и даже название дал — «Красный якут», но пока ничего не получилось. А вот откроется Ольско-Колымский тракт, и непременно будет у нас транспортная артель «Красный якут»! Вы согласны со мной, товарищи?

— Согласны! — сказал за всех Билибин. — Но эта артель нужна сегодня, сейчас! И помогите нам, Петр Каллистратович, — нужны лошади, олени! И еще нужны та-

кие проводники, чтоб самым коротким путем провели на Колыму, на Среднекан! Есть такие ходоки среди ваших якутов?

— Есть! Старик Кыллапах... Макар Захарович... Да и Александровы... Правда, их сейчас нет — ушли в горы, а Кыллапах и Медов на месте...

— Ведите нас к ним, товарищ красный якут!

Кыллапах жил в урочище Нух, в трех верстах от Гадли.

— Кыллапах — это прозвище, — говорил по дороге Петр Каллистратович, — перевести затрудняюсь: очень искаженное слово — не то железный, не то беззубый. Впрочем, и то и другое к нему подходит. Сам он мне рассказывал, что Кыллапахом его стали прозывать после того, как жандарм ему зуб выбил. А было это, когда он, еще совсем молодой, вез на нартах двух жандармов и одного ссыльного в Вилуйский острог. Есть предположение, что самого Николая Гавриловича Чернышевского: по времени очень совпадает, да и по описанию внешности... Но это еще надо уточнить. Так вот, когда вез он их на Вилуй, то не поладил с жандармом, а тот, как делал все царские держиморды, — в зубы. С тех пор и зовут его Кыллапахом. А сюда Николай Давыдович прибыл тридцать пять лет назад вместе с Александровым, Медовым и другими якутами. Было ему уже тогда лет под семьдесят, но крепкий старик, железный. Шестьдесят лет все как-то бобылем жил, а на семидесятом женился на девушке-сиротке Марфе Вензель, которую сам и воспитал, и детей нарожал целую кучу: сначала все девочки шли, а потом и сыновья-помощники. Старший сын сейчас у нас председателем сельсовета, младшие, Иван и Алексей, в комсомол вступили, у меня в школе учатся, а старик и сейчас еще крепок, хотя ему уж за сто лет перевалило. В прошлом году Трофима Аммосова, молодого мужика наших лет, за непочтение к старшим так посохом

проучил, что тот милиционеру Глушенко пожаловался, а милиционер протокол на столетнего Кылланаха составил... Смех, да и только — историки не поверят в такое... А вот и он сам!

Кылланах встретил гостей у входа в юрту. Был он одет по-зимнему: голова повязана платком, поверх платка малахай, оленья, изрядно вытертая доха спадала от репьями, на ногах — разбитые торбаса. Был он высок и плечист и, даже опираясь на палку, не казался согбенным.

Знакомство началось с обычного «капсе»:

— Здорово, догор Кылланах! Капсе, догор Кылланах!

Но капсе-новостями обмениваться не торопились, пока прозвучали лишь капсе-приветствия. Прошли в юрту. И в душном, сумрачном жилище началось знакомство со всеми чадами Кылланаха. Представлял их Петр Каллистратович. Билибин, Цареградский и Казанли каждому — и взрослому, и малолетку — пожимали руки и каждого, вслед за учителем, называли по имени, а взрослых и по отчеству. Раковский, как знающий якутский язык и якутские обычаи, вместе с Мишей Седалищевым одаривали каждого подарками, начиная с самого Кылланаха и кончая трехгодовалым мальцом: кому — кирпич чаю, кому — коробочку конфет, кому — шелковую ленточку... Новенькими полтинниками круглолицую, моложавую, лет под сорок, хозяйку Марфу так осчастливили, что она стала прикладывать эти полтинники к плечам и груди и подпрыгивать, как девчонка.

Билибин тоже считал необходимым чем-то задобрить старика, но не знал, как, и, лишь когда увидел его костяную трубку, радостно воскликнул:

— Куришь, Николай Давыдович! А мы специально для тебя табачку привезли, — быстро вытащил из своего сидора три пачки «Золотого руна». — Кури на здоровье, батыр саха! Хороший табак! Лучший в мире!

Кылланах корявыми пальцами раскрыл одну пачку, отвернул блестящую фольгу, понюхал табак, от восхищения зашелкал языком:

— Цо-цо... Черкасский?

— Нет, не черкасский и не турецкий, а наш советский! Московской фабрики «Ява»!

— «Ява»! Хорош «Ява»!

Все, кто курил, начали закуривать, и в сумрачной юрте совсем потемнело. Кылланах пригласил Юрия Александровича и Цареградского на билирик — почетное место, в красном углу юрты, сам сел рядом с ними и всем предложил подсаживаться. Гости расселись по нарам, вокруг камелька. Началось чаепитие и обмен капсе. Разговор вели Седалищев и Раковский, рассказывали капсе из уважения к хозяину по-якутски. Кылланах слушал, то почмокивая отвислыми губами, то восхищенно пощелкивая языком. Обменивались капсе не спеша и так же не спеша и степенно пили чай. Выпили по кружке, по другой... Когда добрались до десятой — всех пот прошиб, но капсе не кончились.

Наконец Юрий Александрович не вытерпел и задал главный вопрос:

— В горы, на Колыму, поведешь?

Старик бодро вскочил, шустро прошелся по ровному земляному полу до двери, но обратно вернулся медленно и тяжело опустился на место.

— Стар я, однако, сопсем стар, нога стар, глаз стар... В гору Петка пойдет. Петка ходит, а моя давно не ходит... Петка туда-сюда и тебя — туда...

— Нам нельзя ждать, пока твой Петька из тайги вернется. Нам надо сегодня туда. Садись на коня и веди...

— Стар я, однако... И коня суох... Но ничево-ничево... Макарка пойдет! Сопсем молодой Макарка! Много-много ходил, хорошо ходил Макарка! Пойдем к Макарке!

Из Нуха отправились к Макарке, в Сопкучан. Впереди

ковылял Кылланах. Солнце припекало изрядно, а он шел с головы до ног в шерсти и мехах, похожий на медведя, и подрагивал плечами:

— Зябко, однако, совсем зябко стало... И табак хорош! Ява!

СПИЧЕЧНАЯ КАРТА

Шли верст пять до реки Ола. Шли густым стройным чосеником, по едва примятой тропе. По перекату перешли на тот берег, и там, за ивовыми зарослями, у подножия невысокой сопки увидели три такие же, как у Кылланаха, юрты с глинобитными хотонами позади. В крайней юрте, почти у самого берега, жил Макарка, Макар Захарович.

Макар Захарович, под стать Кылланаху, такой же высокий и плечистый, но совсем безбородый; обветренное оливковое лицо все в оспинах и морщинах, а в карих узеньких глазах еще искрится огонек. Встретил он гостей не только этим приветливым огоньком, но и любопытством не по годам: кто такие, откуда, зачем...

Ему, «сопсем молодому Макарке», как говорил о нем столетний Кылланах, было без малого семьдесят зим. Перебрался на Олу из Бутурского улуса Хоролуского наслега в 1893 году в одно время с Михаилом Александровым и Кылланахом. Они стали здесь первыми насельниками из якутов. У Калининга ходили в конюхах и каюрах двадцать лет. Шибко шустрый Александров с помощниками-сыновьями обзавелся достатком, а Макар, как и Кылланах, ничего не нажил, кроме юрты-землянки, потому что ему, как и Кылланаху, на помощников не везло. У Александрова их — ватага, у Кылланаха — сначала девчонки, а потом уж сыновья, а у бедного Макара не было детей. И лишь когда женился на Марфе Кудри-

ной, подвалило ему счастье. Марфа привела в юрту Макара трех своих сыновей, уже готовых стать помощниками, а за десять лет жизни с Макаром подарила одного за другим еще четырех.

На сыновей Макара у геологов подарков едва хватило. Билибин и опустевший рюкзак торжественно вручил Макару Захаровичу:

— Ходи, Макар Захарович! Носи мой мешок и нас веди!

Макар Захарович за свою долгую жизнь много ходил. Из Якутска в Охотск ходил. Из Охотска — в Якутск. Всю Колыму исходил. Во всех колымских городах бывал: в Верхнеколымске, Среднеколымске... Но такого заплечного мешка, такой торбы, с кармашками и ремешками, отродясь не видел и не носил.

— А теперь носи! И веди нас на Колыму! Не сегодня, так завтра! Шибко на Колыму надо!

— Зачем завтра? — удивился Макар Захарович. — Лето — Колыма далеко. Зима будет — Колыма совсем близко будет.

— Надо, Макар Захарович, вот как надо! — Билибин ребром ладони резанул по горлу. — На собачках нельзя, на олешках нельзя, а на лошадях можно?

— На конях можно. Однако коней мало-мало. Конни из тайги пришли, на камнях копыта сбили, совсем слабые.

— Найти надо сильных, а слабых подкормить, подлечить. Но надо найти, Макар Захарович! За платой не постоим, и подарки еще будут.

— Как найти? Где найти? Зима скоро. Снег скоро. Уйдут кони. Не вернутся кони. Подохнут кони.

— Не подохнут. До снега успеют вернуться.

— Как успеют? Два месяца туда, два месяца сюда... Макар Захарович был прав. Так говорили и в тузрике: один рейс до Колымы займет не меньше полутора

месяцев, а в первых числах сентября на Колыме иногда выпадает снег.

И вдруг Юрия Александровича озарило: до Яблонового хребта, говорят, километров двести пятьдесят, до снега лошади успеют дойти и вернуться, а от Яблонового экспедиция до Колымы сплавом. И, видимо, такой же мыслью загорелся в этот же миг Сергей Раковский. Они оба в голос:

— По рекам можно?!

— Хорошо можно! Зима будет — река хорошая дорога будет.

— По рекам плыть можно? На лодках, на плотях?

Макар Захарович до этого уважительно улыбался, а тут усмехнулся и наставительно, как несмышленишам, сказал:

— Плоты вниз плыть можно, вверх плыть плоты не можно.

— Сначала мы на лошадях пойдем. До хребта, до перевала, и ты нас поведешь, а как перевалим, ты с лошадьми назад, а мы поплывем на плотях до Колымы, — пояснил по-якутски Раковский.

— Понятно, Макар Захарович? — с надеждой спросил Билибин, хотя сам и не понял, что говорил Раковский.

— Понятно. Сопсем понятно, — заулыбался и закивал Макар Захарович.

— Улахан начальник! — похлопал Билибина по плечу и Кылламах. — Улахан начальник...

Но тут и Митя Казанли, решив, что теперь наступил момент его, картографа и геодезиста, закричал:

— Тихо, горы! Говорить буду я! Отвечать будете вы, Макар Захарович, и вы, товариш Кылламах! Остальные будут молчать. Река Ола течет так, — Митя, вихляя из стороны в сторону, прошел от камелька до порога юрты. — Ола течет от хребта Яблонового до Охотского мо-

ря. Понятно? Отсюда вверх по Оле плоты, конечно, не пойдут. Это — аксиома. А мы, завьючив лошадей, пойдем. Так, Юрий Александрович? Молчать, Юрий Александрович, говорить буду я! Идем вверх. От устья Олы идем. По берегу идем. Километр идем. Два идем. Три идем... — Митя передвигал ноги медленно,отяжеленно и с каждым шагом считал: — Семь идем...

— Кёс, — сказал Макар Захарович.

— Что — кёс? — не понял Митя.

— Кёс — это семь верст! Якутская мера длины! Один переход! — враз стали объяснять и Седалищев, и Раковский, и Петр Каллистратович, и сам Макар Захарович.

Все поняли, что задумал этот шуплый парнишка.

— Хорошо! — обрадовался Митя. — Кёс — это хорошо! — Он отбежал к двери юрты. — Начнем сначала. Масштаб: каждый шаг — кёс! — Но тут он предположил, что в маленькой юрте на земляном полу не расшагаешься и масштаб этот слишком крупный. Митя подбежал к Степану Степановичу, раскуривавшему свою трубку, выхватил у него коробку спичек и объявил: — Каждая спичка будет кёс! Один кёс прошли, — Митя положил спичку на земляной пол у самого порога, — другой кёс. Понятно?

Всем все было понятно, и Макар Захарович, и Кылламах, словно дети, увлеченные игрой, подсказывали и спорили между собой, как положить одну спичку, другую... И очень скоро на земляном полу из спичек была выложена вся река Ола от устья до истока со всеми ее притоками. Из спичек, положенных крест-накрест, был составлен Яблоновый хребет, а по другую сторону этого перевала побежала вниз река Буюнда, что в переводе на русский — «дикий олень», и пала в реку Колыму.

— А где река Хиринникан? — спросил Билибин. — Нам нужна Хиринникан!

— Долина Рябчиков, — перевел Петр Каллистратович.

— Рябчики нам нужны!

Хиринникан, или, как его выговаривали, Середникан, — Долина Рябчиков, оказалась намного кёс выше Буюнды, Долины Диких Оленей, а подняться по Колыме на плотках немислимо...

— Какая улахан река впадает в Колыму выше Середникана? — спросил Юрий Александрович.

— Бахапча, — ответили Кыллахан и Макар Захарович.

— Даешь, Митя, Бахапчу!

И Митя стал выкладывать из спичек Бахапчу с ее притоками. Один из притоков, самый крупный, Малтан, оказался рядом с верховьями реки Олы — только лишь перевалить Яблоновый хребет.

— Улахан Малтан? — спросил Билибин. — По Малтану на плотках плыть можно?

— Малтан можно. Однако, Бахапча не можно.

— Почему?

— Бешеная река Бахапча.

Почему бешеная? Как бешеная?

Макар Захарович нагнулся над спичечной картой и разбросал спички там, где текла Бахапча:

— Тут — тас, тут — тас, много — тас.

— Камней много. Пороги, значит, — перевели Раковский и Петр Каллистратович.

— Понятно, начальник? Улахан начальник, большой начальник, однако, покойник будешь...

— Какой покойник? Чего ты шаманишь, Макар Захарович?

— Моя не шаман. Моя правду знает. Кыллахан знает. Плохая река Бахапча. Бешеная Бахапча. Наши люди не ходят. Давно казаки плыли — все покойники были.

— Ваши люди не ходили. Казаки не проплыли. А мы

проплывем! Проплывем, Макар Захарович! Вон у меня, — Билибин показал на Степана Степановича, — лощманы какие! По всем сибирским рекам ходили! И по Бахапче пройдем! Пройдем, Степан Степанович?

Степан Степанович лишь головой кивнул и выпустил изо рта густой клуб дыма. За него, как всегда, ответил Сергей Раковский:

— Пройдем!

— Но что же получается, догоры? — раздумчиво спросил Билибин, внимательно рассматривая спичечную карту и что-то подсчитывая в уме. — По карте, составленной Геологическим комитетом Академии наук, верховья реки Колымы, как известно, находятся от побережья Охотского моря, от Олы, точнее говоря, в шестистах километрах. А по нашей спичечной карте и четыреста километров не набирается. Кому же верить — почтенным академикам или нашим догорам?..

— А вот пойдем и узнаем! — заявил Раковский. — Почтенные академики-то своими ножками здесь не ходили, а Макар Захарович и Кыллахан все исходили, все кёсы своими ногами измерили. Эта спичечная карта точнее ученой!

— Да я и сам так думаю, — сказал Билибин. — Но вот от радости в зобу дыханье сперло! Из Олы еще не вышли, а двести километров уже отмахали! Спасибо, Макар Захарович! Спасибо, товарищ Кыллахан! Зарисуйте эту карту, догоры! Она войдет в историю великих открытий!

Никогда не думал Митя Казанли, что первую карту ему, астроному-геодезисту, придется составлять из спичек, ползая по земляному полу юрты.

А Юрий Александрович Билибин продолжал:

— Такую карту, товарищи-догоры, следует по русскому обычаю обмыты! Доставай, Сергей Дмитриевич, огонь-воду! А ты, Макар Захарович, будь нашим про-

водником! Будь догором! И веди нас в горы! Проведешь и обратно до снега управишься. И все кони будут целы, а если какая лошадка и погибнет, заплатим, сполна заплатим.

Старик Медов начал было снова причитать и отговаривать улахан начальника от сплава по Бахапча, но тут все, разгоряченные, стали Макара Захаровича уговаривать и на русском, и на якутском языке и так расписывать его достоинства, что получалось — во всей Якутии и на всем свете лучшего проводника и землепроходца, чем Макар Захарович Медов, нет, не было и не будет.

Эти похвалы «сопсем молодому Макарке» обидели столетнего Кылланаха и зажгли его. Он вскочил не по годам шустро и объявил:

— Макарка не пойдет — моя' пойдет! Бешеная Бахапча — начальник смелый, улахан начальник! А сопсем молодой Макарка — трус, однако. Не саха — Макарка, баба — Макарка.

Таких укоров от старика Кылланаха Макар Захарович никогда не слышал. Они его задели за живое. И он тотчас же согласился не только провести экспедицию за хребет, до реки Малтан, но и коней найти, на худой конец, оленей вьючных...

Билибин тотчас же распорядился: все — на мобилизацию и подготовку транспорта!

В поисках транспорта обошли все якутские наслеги и ближние тунгусские стойбища, побывали в семнадцати дворах, одарили подарками Винокуровых, Аммосовых, Неустроевых, Сыромятниковых, Сивцевых, но ни в Удликане, ни в Нухе, ни в Сопкучане, ни в Быласчане, ни в самой Гадле лошадей не купили, не заарендовали, ездовых оленей ни у кого не выпросили. А в сельсовете значилось: у местных якутов числится 42 лошади и 104 оленья, но олени все дикие, под вьюком не ходили —

их держат на мясо, да и лошадей обьеженных раз-два и обчелся, и все они в пути, а диких, что держат на мясо, надо еще приучать к вьюку. У богатого саха Александра было больше всех коней — семь, но ездовых и у него нет. Лишь Макар Захарович предложил своих трех коней, которые должны были вот-вот вернуться из тайги, да еще двух, необьеженных, выпросили у Степана Васильева и Гаврилы Винокурова.

Оленей посоветовал Макар закупить у Луки Громова. Самый богатый хозяин, тунгусский князец Лука Громов! За то, что платил большой ясак белому царю, медаль имеет. У него восемь тысяч оленей, а может, и больше. И все тунгусы Уяганского и Маяканского родов у него под рукой. Если Лука Громов продаст оленей, то и другие тунгусы будут продавать, Лука откажет, то и Советская власть не поможет. Не очень-то Лука Громов признает Советскую власть, но уговорить его можно, если на подарки не поспутишь.

Сергей Раковский пошел с Макаром Захаровичем на речку Маякан, где в это время кочевал тунгусский князец Громов.

Старик Медов всю дорогу кряхтел и жалостливо вспоминал своего ученого коня, которого четыре года назад передал за долг Луке Громову. И должен-то был немного, всего восемьдесят рублей... Конь, конечно, дороже, но отдал он его под залог, а князец продал коня тому самому Конону Прудецкому, которого огрела остолом Иулита Свинобоева. И поделом — злой человек, купил ученого коня, чтоб убить. Макар тогда просил волревком, чтоб Прудецкий не резал коня, а он, Макар, продаст швейную машинку и уплатит долг Луке Громову. Но Конон Прудецкий местной власти заявил: никаких дел с Макаром Медовым не имел, коня купил у Громова. И убил. А он, Макар, с тем конем всю Колыму исходил. Ученый был конь, все тропы знал...

Старик кряхтел и едва передвигал ноги. Сергей так медленно по тайге никогда не ходил. Плелись два дня, на третий на голой луговине — аласе увидели огромное стадо оленей, а на берегу сверкающего, как полтинник, озера — урасы, остроконечные чумы, крытые ровдугой.

Сергей обрадовался — наконец-то дошли, а Макар скис:

— Кусаган, Сергей, сопсем кусаган...

— Какой кусаган? Какая беда?

— Мас суох. Сэргэ суох.

— Коновязи нет? А зачем она нам нужна? У нас коней нет, и сэргэ нам не нужен.

— Мас суох — эн капсе.

— Ясно, — догадался Раковский: он кое-что слышал о таком тунгусском обычае: сэргэ, точнее, просто толстую палку не поставили, значит, гостей не ждут, переговоры вести не желают. — Так что же делать, Макар Захарович? Зря подарки тащили? Так?

— Так...

— Нет, не так! Пошли, будем убеждать, требовать, форсировать!

— Не надо, Сергей! Оленей угонят... Ждать надо. Палатку ставь. Чай пить будем. Ждать будем.

Поставили палатку, разложили костер, заварили ароматный чай — далеко пахнет. Макар Захарович пил, громко причмокивал:

— Хорошо! Ой, как хорошо! Сопсем хорошо!

Пили долго, но из стойбища никто не подошел и никто не глянул в их сторону.

— Барда спать! Чай оставь. Все оставь.

Макар залез в палатку, Сергей послушно — за ним, оставив все съестное у костра. Ночь была короткая, светлая, комары набились под полог. Выкурили их, вновь улеглись и вдруг слышат шепот.

— Пришли, — улыбнулся, как будто встретил долго-

жданных гостей, Макар Захарович и приоткрыл у полога шелку.

Заглянул в нее и Сергей. У костра стояло четверо ребятишек, грязных, тело в коросте, в непричесанных волосах пух. Они глядели на монпансье, перешептывались и глотали слюнки. Сергею стало их жалко, он шепнул:

— Пусть берут.

— Не возьмет. Тунгус чужое никогда не возьмет. Выходить надо. — И Макар Захарович, как бы за своей надобностью, потихоньку, не спеша вылез из палатки, подошел к ребятишкам и ласково сказал:

— Чай пить пришли? Садитесь.

Гости, видимо, хорошо знали старика Медова, но, увидев еще одного, незнакомого человека, задичились.

— Это — Сергей, няча добрый. Не бойтесь.

Сергей снова развел огонь, подогрел чайник и открыл еще одну коробку с леденцами. А когда угостили чаем, то собрали оставшиеся конфеты и по местному обычаю на прощание — кому в платок, кому в тряпочку. Ребятишки со сверкающими глазенками убежали.

Макар и Сергей покурили и снова полезли в палатку, снова развели дымокуры, поплотнее прижали все щели и только стали засыпать — опять говор.

Макар Захарович приоткрыл полог:

— Люди идут! — получше взгляделся и с явной досадой поправился: — Кыыс кэлэ.

— Девки? Бабы?

— Они. Однако, встречай надо.

И опять встали, раздули костер, заварили чай и даже скромными подарками одарили — кому горстку бисера, кому шелковую ленточку.

Сергею хотелось спать, и он ругал про себя и этих кыыс — гостей, и всю дипломатию, но вида не подавал, даже любезничал. Наконец распрощались. Снова Сергей и Макар залезли в палатку и заснули как убитые.

Утром Макар Захарович разбудил Сергея:

— Вставай! Сэргэ есть — капсе будет!

В стойбище гостей ждали. Полным ходом шла стряпня. В котле варилась оленина, аппетитно пахло мясом. Тунгуски щеголяли нарядами: несмотря на жару, все — в камусных торбасах, сверкающих бисером, на каждой — передник, опушенный мехами и тоже ярко украшенный бисером, в два-три ряда серебряными рублями и полтинниками; по плечам, поверх ровдужной одежды, расползлись черными змейками длинные тонкие косички, и у каждой мочку уха оттягивала тяжелая, из стального кольца, серьга.

Гостей провели в урасу, покрытую тонкой ровдугой. В урасе было душно и дымно, посреди горел костер. Перед ним, как перед жертвенником, восседал, скрестив ноги, одутловатый, похожий на Будду, широкоскулый старик с лоснящимися, словно хромовая кожа, отвислыми щеками; на нем был такой же, как у тунгусок, расшитый бисером передник; толстую, в складках, шею оттягивала большая, подвешенная на цепи серебряная медаль.

Старик важно провел пухлой ладонью по цепи, медали и, не вставая и не глядя на гостей, протянул руку:

— Мин князь Лука Громов.

Гости сели. Лука запустил руки в огромную деревянную плошку с мозгами из оленьих ног и жестами пригласил гостей отведать эту самую деликатесную пищу.

Сергей тотчас же извлек спирт и свою походную серебряную с чернением рюмку. Наполнил ее по самые края и поднес хозяину. Лука принял, одним глотком опорожнил содержимое, а рюмку задержал в руках, залюбовался ею. Макар Захарович сразу догадался о его желании, подтолкнул Сергея, и тот, хотя очень дорожил своей рюмкой, торжественно заговорил:

— Великому тунгусскому князю Уяганского и Мая-

канского родов и тайону всей Колымы Луке Васильевичу Громову — дарю с великой радостью!

Макар Захарович перевел. Тунгусский князец милостиво улыбнулся. А дальше угощали спиртом всех, кто был в урасе, строго по старшинству. Всем этим ритуалом очень деликатно руководил якут Медов. Закусывали и вареной олениной, и вяленой, с душком, кетой. Потом долго пили чай с монпансье, неторопливо обменивались новостями, но о деле — ни слова.

Лишь как бы между прочим, вроде невпопад Лука Громов спрашивал:

— Зачем на Колыму?

Раковский отвечал, Макар Захарович переводил:

— Узнать, чем богата.

— Золото копать? Земля царская, копать нельзя. Царь, — Лука показал на профиль Александра III, на медали, — накажет.

— Не накажет, Лука Васильевич, его уже нет, — усмехнулся Сергей.

Макар Захарович переводить не стал.

— Землю копать будешь — мох ачча. Мох ачча — олени ачча...

— Нет, Лука Васильевич, они землю копать не будут, — заверял Макар Захарович.

— Палы пускать — опять мох ачча.

— Нет, и землю жечь они не будут.

— Палы — ачча, — заявил и Сергей. — А за оленей хорошие деньги дадим. Вот! — и зазвенел полтинниками. — Блестят, новенькие, ярче твоей медали...

Оленей Лука продал, но только диких, а ученых оленей — ачча. С дикими оленями, необъезженными, Сергею приходилось иметь дело на Алдане. Можно их, конечно, обучить, но для того, чтобы дело пошло скорее и легче, нужно хотя бы немного обученных. Сергей высипал еще горсть полтинников. Кое-как договорились.

Тунгусский князец Лука Громов продал двадцать пять диких и пять домашних оленей. Обезженных взяли в стаде, а диких отлавливали с их помощью в тайге.

Дикачей два дня держали голодными, чтоб стали послабее и не бесились в дороге, потом связали по пять голов в связки и повели. Но Сергея все еще глодало сомнение: выйдет ли что из этой затей — очень мало времени осталось на обучение.

Стадо пригнали в Гадлю, и на холме недалеко от школы устроили что-то вроде коралья. Огородили холм жердями и начали заниматься воспитанием: обучали оленей ходить под выюком, приручали, следили, чтоб не отходили далеко от домашних, а то ведь на первой же дневке в тайге разбегутся. Дело шло хуже, чем предполагал Сергей. А ведь нужно было обучать еще и диких коней...

ПЕРВЫЕ МАРШРУТЫ

Цареградский и Казанли попросили Билибина освободить их от транспортных забот, чтоб заняться обследованием побережья. Юрий Александрович охотно дал согласие и даже выделил в помощь четырех рабочих: Евгения Игнатьева, Андрея Ковтунова, Тимофея Аксенова и Кузю Мосунова.

У старика Александрова Валентин выпросил в аренду тот самый вельбот, который оставили ему охотские старатели взамен лошадей. Вельбот якуту пока не был нужен, поэтому и уступил, не торгуясь.

Ранним утром на этой посудине Цареградский, Казанли и четверо рабочих вышли из устья Олы и отправились по Тауйской губе на запад — к вожденной бухте Нагаева. Рабочие сидели на веслах, Митя устроился на носу и чувствовал себя на высоте блаженства: его обду-

вал ветерок, мягкими шлепками ударялись в борта волны, солнце сверкало всюю и обещало погожий денек, приятное путешествие. Цареградский сидел на корме.

Сначала шли вдоль низменного побережья Ольского рейда, выложенного накатанной галькой. Затем справа по борту возвысились обрывистые берега, прикрытые лишь сверху густой травой, корявыми лиственницами и ольховником. Насколько глаз хватало, а видно было до самого полуострова Старицкого, тянулись берега: то серые, то пепельно-бурые, то желтые и даже красные. Миновали один кекур, стоящий в отрыве от берега, — Сахарную Головку, второй — Две Скалы. Одна скала поразила своей расколотой надвое вершиной. Была она похожа на человека, подносящего ко рту бокал.

С шутками, с прибаутками, с песнями пробежали одиннадцать миль. Заходить в залив Гертнера не стали: решили обогнуть весь полуостров Старицкого и войти прямо в бухту Нагаева. Цареградский направил вельбот круто на юг.

Миновали еще один заливчик. У его северного мыса поднималась из воды одинокая скала, очень похожая на скорбную женщину с печально наклоненной головой. У южного мыса этого же заливчика стояли три кекура, один другого меньше, как три брата. Это их, словно матери или сестра, провожала одинокая скала. Так показалось Цареградскому, и он загорелся мыслью — написать картину «Сестра и три брата». Это будет первое полотно о диком и романтическом Севере!

Вельбот подошел к Трем Братьям. С голых черных скал сорвалась туча птиц, затмила солнце и оглушила своими криками. От Трех Братьев еще немного проšli на юг, но ветер здесь был покрепче — впереди открывалось море. Оставалось обогнуть еще один, самый южный мыс полуострова Старицкого и взять курс на запад, но встречу поднялись такие волны и так крепко ударили в

нос и днище вельбота, что посудина завертелась и запрыгала на месте. Сильные гребцы сидели на веслах, но противный ветер нажал так, что весла в их руках, казалось, вот-вот переломятся.

— Не пройдем, — сказал Цареградский. — Будем поворачивать назад.

Усталые, мокрые, как мыши, они вернулись к Трем Братьям, зашли в безымянный заливчик и оказались в таком затишье, словно попали в иной мир. Сразу стало радостно и весело на душе. А подкрепились, так и совсем повеселели и безымянную бухтенку назвали Веселой.

Цареградский растянул гармошку своего «Фотокора», и все пожелали увековечиться на фоне морской глади, среди каменных, покрытых сизыми и зелеными лишайниками глыб. Увековечились.

Но велико было желание увидеть хотя бы краешком глаза бухту Нагаева. Валентин решил подняться на ближнюю сопку — она была и самой высокой на полуострове, — обозреть все вокруг и, возможно, полюбоваться бухтой. И он пошел. За ним Митя и все остальные.

По ключику, который прозвали Веселый Яр, сквозь заросли ольховника и кедровника продрались на пологую и голую седловину, потом прошли километра два по плоскому гольцу и, прыгая по серым базальтовым камням, забрались на самую вершину сопки. И отсюда открылась широчайшая панорама.

На юге расстиралось, сверкая, море с двумя голубенькими островками, похожими на облака. На востоке был виден весь Ольский рейд, и даже двуглавую церковь с домиками можно было рассмотреть в бинокль. На севере горы переваливались грядами: синие сменялись голубыми, голубые — белыми. А на западе, совсем рядом — в бинокль видна даже золотистая рябь, — светилась бухта Нагаева. Ее берега были обрамлены зеленью, и она

показалась Валентину Цареградскому оазисом среди голубых барханов морской пустыни и синих гор.

Цареградский решил, что он придет на берега этой бухты попозже, придет с проводником, специальным маршрутом, обстоятельно обследует бухту, опишет и будет первооткрывателем и ее первым поселенцем.

А пока, пользуясь попутным ветром, нужно вернуться в Олу и на вельботе отправиться на восток, вон к тем видимым отсюда высоким синим горам, которыми любовались еще с парохода и которые манили к себе обнаженными складчатыми склонами. Там он наверняка найдет палеонтологические остатки, а может быть, и полезные ископаемые, то же золото, ради которого Билибин рвется на Колыму... А вдруг оно обнаружится здесь, в этих молодых складчатых горах...

Валентин командовал «всем на берег». Спустились — как шары скатились. Вышли из бухты Веселой, подняли парус, и вельбот, подгоняемый крепким ветром, понесло к ольским берегам.

В Оле пополнились продуктами. Вдруг и Юрий Александрович пожелал сплавить к заманчивым горам: ему порядком уже надоело обивать порог тузрика. С транспортом было туго, но что-то все-таки делалось, и можно потратить денег на осмотр гор.

Поплыли.

Погода на Охотском побережье изменчива. Ветер вдруг стих, парус пришлось опустить и сесть на весла. А вскоре с моря навалился такой густой туман, что не только те высокие горы, которые час назад были отчетливо видны даже с полуострова Старицкого, но и ольские берега, которых чуть ли не касались веслами, скрылись. Лодку будто накрыло матовым колпаком.

Туман был промозглый, леденящий, гребля не согревала. Плыли без шуток, без песен. Гребли и Билибин, и Казанли. Каждый час менялись, кто отдыхал — залезал

под брезент. Лишь Цареградский бессменно сидел за рулем. Плыть было опасно. Валентин чутко вслушивался, как бьет прибой о невидимые в тумане прибрежные скалы и камни. По их шуму он старался определить, какие здесь берега — обрывистые или пологие. Там, где волна с грохотом ударяла в берег, Валентин брал мористее, но и далеко опасался уходить, держался берега, чтоб, как только слышатся мягкие накатывающие волны, пристать и выйти на твердую землю.

Нервы были напряжены, и, может быть, поэтому он особенно остро примечал во мраке все красивое: светящиеся воронки, образующиеся от каждого удара веслом, призрачные сверкающие полосы от движения каких-то рыб или неведомых животных, рассекавших под днищем густую черную воду... И откуда это фосфорическое свечение?..

Вдруг Валентин услышал, что шум прибоя изменился — стал тише и мягче, осторожно направил вельбот к берегу и не скомандовал, а попросил:

— Потихе ход, ребята...

Они опустили весла, притормозили. Нет, шум прибоя не усиливался, здесь берег явно пологий.

— Сейчас будем купаться, — пошутил Цареградский.

Геологи оказались на узкой галечной полоске. Перед ними высились темные скалистые горы, вершин которых в тумане не было видно. На берегу валялось много наносника... Собрали что посуше, разложили костер, обогрелись, обсушились, подкрепились, натянули брезентовую палатку. Она была на четверых, а залезла в нее вся семерка. Страшно усталые, спали без просыпу.

Утром тумана как не бывало. По глубокой узкой ложине, где шумел и пенился ключик, взобрались на высокую гору. Она и соседние сопки круто обрывались к морю, а в сторону материка полого переходили в равнину со множеством небольших озер. Одно из них было доволь-

но большим. Прошли к нему, обследовали берега, попробовали воду и предположили, что это озеро, как и все остальные, лежит на дне бывшего моря. Скалистые горы у берегов очень молодые и навряд ли содержат полезные ископаемые.

— Золота здесь определенно нет, — сказал Билибин.

И Цареградский подумал, что нет смысла искать в этих местах древние остатки флоры и фауны. И оба они решили возвращаться в Олу. Казанли с рабочими оставался устанавливать астропункты. Билибин же и Цареградский, думая, что до Олы недалеко — с горы она была хорошо видна, — взяли банку консервов, пачку галет и в пять часов вечера попрыгали по кочкам.

УЛАХАН ТАЙОН БИЛИБИН

Макар сидел в темном углу юрты, низко опустив голову. Он даже не поднял глаза на вошедших гостей. Билибин и Цареградский долго не могли допытаться, что случилось. Макар молчал. Молчала Марья. Юрий Александрович обнимал старика, ласково трепал его по спине...

Наконец Макар Захарович выдавил:

— Убьют.

— Кого? За что?

— Моя убьют...

— Кто убьет? За что?

— Никто не убьет! — выскочил из своего угла Петр, старший кудринский отпрыск.

Ему двадцать лет. Он ловок, строен и крепок. Учитель рассказывал, что Петр первым записался в комсомольскую ячейку, первым сел за парту в школе, когда ему уже перевалило за восемнадцать, и Макара Захаровича, которого звал дядей, и свою мать попытался обучать грамоте — ликбез на дому...

— Никто не убьет. Это — пустые угрозы. Я заявление сделаю: это — дело живоглофов, богатых оленехозяев и коневладельцев. Это или тунгусский князец Лука Громов подстраивает... Жадный князец пожалел: дешево своих оленей продал... Или наш богатый саха Александров. Не понравилось: его как бы обошли... А кто виноват, что он своих коней на лодку поменял... Все кого-то обмануть хочет, нажиться хочет! А теперь от зависти лопается: дядя Макар экспедиции помогает, почти даром помогает, на этой помощи Александров загреб бы, а дядя Макар его конъюнктуру сбил... Конъюнктуру, понятно? И теперь валят все на бедного Макара и на вас, товарищи. Говорят, что вы и палы пускаете, и лес без разрешения рубите.

Наконец Юрий Александрович узнал все, что случилось. В урочище Нальберкана кто-то поджег моховище. Подозреваются члены геологической экспедиции: прогоняли оленей, купленных у Громова, и подожгли. Может, нечаянно, а может, и с умыслом. О пожаре сделал заявление в Гадлинский сельсовет безоленный тунгус Архип Григорьев — за него, конечно, кто-то все это состряпал, и будто бы он, Архип Григорьев, просит раймилицию принять наиболее строгие меры относительно виновников лесного пожара в интересах туземцев, охраны лесного богатства и оленьего корма. И на этом заявлении сам Белоключов резолюцию наложил: разобрать на заседании тузрика! Из сельсовета пошла бумага в тузрик, дальше пойдет в округ, в Николаевск, а оттуда и до Москвы!

С этим заявлением еще не разобрались, а милиционер Глушенко уже новое дело заварил. Экспедиция на речке Удликан, недалеко от юрты Свинобоевых, для оленей, купленных у Громова, поставила изгородь из жердей: полторы тысячи шагов, 223 пролета... Милиционер все подсчитал и усмотрел нарушение: молодняк рубили в запретное законом время. Акт составил по всей форме.

Кроме того, Билибин без надлежащего разрешения краевых властей завез из Владивостока в Олу тридцать ящиков спирта. Спирт тузрик конфисковал, как незаконно завезенный контрабандный товар, а Билибину за контрабанду, нарушение сухого закона и спаивание туземного населения грозила 101-я статья Уголовного кодекса.

Тузрик, правда, на бумаге не написал, а на словах воспретил помогать экспедиции — давать ей коней и оленей без согласия местных властей. Гадлинский сельсовет даже решение вынес: транспортную артель «Красный якут» не организовывать.

— А дядю Макара, — заключил свой рассказ Петр, — вывели из сельсовета и в протоколе записали — за халатность в работе... И еще — что он зажиточный, что батраков имел — это нас, сирот Кудрина, имели в виду... А какие же мы батраки? Дядя Макар с мамой в законный брак вступил, нас усыновил, на ноги поставил! А теперь все будут косо смотреть на дядю Макара... Убить, конечно, не убьют, но грозятся, что наше семейство из ольского общества выпишут и выселят...

— Никто не убьет! И никто не выпишет! Не бойся, Макар Захарович, и не вешай голову! Готовь коней, пойдём на Колыму! И никто тебя пальцем не тронет! Пошли, Цареградский! Пойдем, Стамбулов! И ты, Петя, пошли с нами! Мы им «выпишем»! Мы им такое пропишем!..

Юрий Александрович и Цареградский, забыв про голод и усталость, несмотря на поздний час, а была уже ночь на исходе, вместе с комсомольцем Петей отправились в Олу. Шли быстро. Билибин — впереди, Валентин и Петя за ним едва поспевали.

Макар Захарович проводил их до реки, лодку оттолкнул и на прощание перекрестил:

— Улахан тайон кыхылбыттытах!

— Какому богу он молится? — спросил Цареградский.

— Тысячу раз безбожную агитацию проводил, тысячу раз говорил: «Дядя Макар, бога никакого нет и религия — опиум». Иконы снял, а креститься окончательно и бесповоротно не отвык. А «улахан тайон кыхылбыт-тыхтах» — это не бог, это дядя Макар так назвал товарища Билибина: «Большой краснобородый начальник».

В Олу пришли уже утром. В тузрике ни Белоключова, ни Глущенко еще не было, но старый казак Иннокентий Тюшев, добровольно и с прежним усердием исполнявший обязанности сторожа и уборщика, уже все прибрал, подмел и стоял при входе, как на часах.

Билибин, любивший при встрече с древним служакой перекинуться двумя-тремя шутивными словечками, сейчас пролетел мимо, даже не ответив на его козыряние. В коридоре исполкома его остановил свежий номер стенгазеты «Голос тайги» с броским заголовком: «Экспедиция... Экспедиция».

И он прочитал:

«Чтой-то сей год Олу облюбовали разные экспедиции. Экспедиция Наркомпути СССР, еле-еле душа в теле, пошла пешком в тайгу, а их заменили геологи. Последним, видимо, придется, как это ни хорошо, ждать зимнего пути или выращивать своих оленей».

— Он написал, Петрушка балаганный!

— А вот и здесь, с таким же дубовым юмором, — показал Цареградский на другую заметку.

Под заголовком «Жилищный кризис» сообщалось о наплыве в Олу приезжих и рекомендовалось, кому это нужно, заблаговременно запастись теплым уголком, «а то, чего доброго, придется околевать». Был явный намек на экспедицию и ее брезентовые палатки.

— А вот и про моего дядю, Макара Захаровича...

Под рубрикой «Хроника» Билибин и Цареградский прочитали то, что было им уже известно: Медов М. З выведен из состава Гадлинского сельсовета за халатность

и зажиточность и за то, что использовал в прежние годы комсомольцев Петра и Михаила Кудриных в качестве даровых батраков...

Билибин сорвал газету, несмотря на предостережение Цареградского:

— Не надо этого делать, а то еще одно дело заведут — «об изорвании стенной печати».

— Черт с ними! — выругался Билибин и стал драть стенновку на мелкие клочки, посыпая ими весь коридор от парадных дверей до кабинета зампредтузрика.

В этот момент как раз и заявили — сначала длинноногий Белоключов, а за ним, будто нюхая его след, — маленький Глущенко. Минуты две остолбенело стояли они на пороге...

Первым очнулся милиционер и вкрадчиво спросил своего начальника:

— Изорвание стенной печати?..

За Белоключова вызывающе и громко ответил Билибин:

— Да, изорвание стенной печати! Сплетницы! Клеветницы! Не мы будем околевать!

И понес! И обрушился Юрий Александрович на Белоключова и Глущенко с такой огненной речью, что те и слова не могли сказать в ответ. А Билибин, громыхая сапожищами, напирал на них, а те шарахались от него в стороны, пятились назад, как от бушующего пламени, как от лавины камней... В ярких выражениях Юрий Александрович не стеснялся. Обзывал Белоключова Петрушкой с дубовым юмором, которому не место в органах Советской власти, говорил, что на словах Белоключов за Советскую власть, а на деле — экспедициям НКПС, ВСНХа, посланным сюда Советской властью, не помогает, вставляет палки в колеса, желает околевать...

— А вольноприискателям — этим хищникам — коней продал! Проститутка! — сорвалось с языка Билибина.

— Дьэгээрбэ! — перевел на свой язык комсомолец Петя.

— Это, граждане, нанесение оскорблений во время служебных обязанностей! — завизжал милиционер. — Статья сто пятьдесят девятая Уголовного кодекса.

— Плевать мне на все твои статьи! Пиши протокол, за все отвечу! Но чтоб завтра транспорт на Колыму был! Наша экспедиция от ВСНХа! От Высшего Совета Народного Хозяйства! Зарубите это на носу! И я не позволю срывать ее работу! «Молнирую» в Москву!

— Это вы, товарищ Билибин, ставите под угрозу срыва работу экспедиции. Посылаете людей через Бахапчинские пороги... А если они погибнут? Работа сорвется? Кто будет отвечать?

— Не хороните нас раньше времени! Мы не околевать сюда приехали! А через пороги я сам пойду! И не вам обо мне беспокоиться. Ваше дело, чтоб транспорт завтра был, лошади были, а проводником пойдет с нами Макар Захарович Медов, которого вы исключили из сельсовета! Он сознательнее и смелее вас... Дорогу! — и Юрий Александрович, толкнув Белоклювова в один угол, Глущенко — в другой, устремился из тузрика.

— И я пойду через пороги! — вызывающе заявил Петя. Во время обличительной речи Билибина Петя громко выкрикивал отдельные ее слова по-якутски.

Белоклювов и Глущенко с минуту стояли по углам коридора, затем, как нашкодившие коты, боясь наступить на клочки изорванной стенгазеты, на цыпочках пробрались в свой кабинет. Там они долго молчали, с опасением поглядывая на двери, затем занялись оформлением протокола «о нанесении оскорблений ольскому зампредтузрику во время служебных обязанностей». Подготовили к отправке с ближайшим пароходом и остальные акты. Но Юрий Александрович не сидел сложа руки. Он направил Эрнеста Бертина в Тауйск, на телеграф.

— Если там телеграф по-прежнему бездействует, — наказывал Билибин, — то скачи до самого Охотска и «молнируй» оттуда в Хабаровск и Москву о задержке продвижения экспедиции на Колыму.

Эрнест Петрович согласился выполнять это поручение с великой охотой. Но он еще из Олы не выехал, как торбасное радио, чему способствовал и сам Билибин, донесло цель его поездки до Белоклювова, и зампредтузрика, словно увидев страшный сон, проснулся. Тотчас же спешно распорядился созвать совещание коневладельцев селения Гадля и комиссию по распределению транспортных сил. На совещание послал Глущенко, на комиссию появился сам.

Все коневладельцы Гадли присутствовали на совещании и дали согласие выделить коней.

Постановление президиума Ольского тузрика обязывало выделить для экспедиции и еще пять лошадей от разных организаций и лиц: по одной из артелей Тюркина и Шестерина, личных лошадей Александрова и Георгия Якушкова, одну лошадь давал сам тузрик... Итого для экспедиции было выделено пятнадцать лошадей.

Юрий Александрович был очень доволен такими постановлениями. Жалел он лишь об одном — совещались без Макара Захаровича. Старик порадовался бы вместе с ним и, наверное, снова назвал бы его «улахан тайон кыхылбыттытах»... Жалко стало на комиссии Юрию Александровичу и оскорбленного зампредтузрика. Билибин подошел к нему, схватил его руку и крепко пожал:

— Давно бы так, товарищ Белоклювов! А за то, что я наговорил вам, при всем народе готов извиниться...

— Не надо, не надо, — отчаянно замахал длинными руками, как крыльями мельница, Белоклювов, — а то опять обзовете меня как-нибудь при всем честном народе... Не надо! Перед окружным прокурором будете объясняться...

ПО ТРОПЕ И БЕСТРОПЬЮ

В тот же день, 11 августа, начальник экспедиции издал приказ о передовом разведывательном отряде. В него вошли сам Билибин, Сергей Раковский, Степан Степанович, Иван Алехин, Чистяков и Миша Лунек. Проводниками при лошадях были назначены Макар Медов, его родственник Иван Вензель и рабочий экспедиции Петр Белугин.

Как только он вернется обратно, будет снаряжен и второй отряд — под начальством Эрнеста Бертина. А когда прочно ляжет снег, то на всех передвижных средствах — на лошадях, оленях и собаках — выступят под руководством Цареградского с экспедиционным имуществом и остальные. К началу декабря все должны быть на Среднекане. Таков план Билибина.

Приказ зачитан, срок выхода передового отряда — 12 августа. Экспедиция загудела, пошли толки-перетолки, одни радовались, другие повесили нос. Юрий Александрович всем улыбался, со всеми приветливо здоровался, шутил и смеялся.

Рассмеется, а потом спросит:

— Ну как, догоры, настроение? Доберемся до Колымы? Ичиженки, ребята, подшили? Запаску под подошвы положили?

Вьючили лошадей, как Макар указывал: вместо войлочных потников — какие-то толстые, набитые сеном мешки — бото, а сверху — еще бото. Под огромными вьюками и этими бото якутские коняшки, и без того низкорослые, совсем будто в землю ушли, остались над ними только холмики из вьюков. Ковать коней старый якут не разрешил: кованый конь быстрее в болото провалится, а барахтаясь, подковами ноги побьет, вместе с подковами копыта сорвет — совсем обезножит. Билибин велел беспрекословно слушаться Макара Захаровича.

Четырнадцать лошадей навьючили. На пятнадцатую, когда-то серую, но от старости побелевшую кобылу избрался сам старик, свесив ноги чуть не до земли. Остальные — и Билибин и Раковский — взвалили на себя двухпудовые сидора и пошли пешком.

Весь день 12 августа лил дождь. Под его надоедливый шелест провожали Ола и Гадля шестерку русских людей в неизведанный опасный путь.

Друзья-догоры выпили на посошок. Тузрик, не дожидаясь ответа из округа на билибинскую «молнию», разконфисковал спирт, и сам зампредтузрика вместе с милиционером пришли напутствовать геологов и пропустить по стаканчику.

Молчаливый Степан Степанович сразу же взял широкий шаг, запыхтел из трубки в черную разлапистую бороду и потихоньку шепнул Раковскому:

— Не впервой, Серега, плавать по дурным таежным речкам...

Гадлинские якуты, те, что ходили по тайге и знали, что нет на свете ничего страшнее бахапчинских камней, прощально покачивали обнаженными головами и даже что-то причитали.

Своим землякам старик Медов говорил:

— Ничего-ничего... Бешеная Бахапча — люди смелый! Улахан тайон кыхылбыттытах — догор Билибин!

Учитель Петр Каллистратович с крыльца своей школы не без пафоса произнес:

— Вот и потянулась первая путевая ниточка в край холода, золота и скорби. Преобразит она наш дикий и полудикий край!..

В первый переход отряд прошел совсем немного, каких-нибудь пять километров, но на душе у всех было радостно: кончилось великое ольское сидение!

Билибин раскрыл полевую книжку и на титульном листе крупным красивым, похожим на древнерусский

полуустав почерком простым карандашом, чтоб вовек не смыло, вывел:

«ВСНХ СССР.

Геологический Комитет.

Колымская геолого-разведочная экспедиция.

Дневник передового разведочного отряда.

Начат 12 августа 1928 г.

Кончен...»

Это не был личный дневник. Юрий Александрович не собирался изливать свои чувства. Первый день уместился на полстраничке, но и в самой краткости чувствовались торжественность и уверенность в начатом деле:

«12 августа, воскресенье.

Около 16 часов разведочный отряд выбывает из Олы по Сеймчанской дороге. — Далее перечислил всех членов отряда и проводников. — Груз идет на 14 лошадях.

Весь день проливной дождь. Дорога от Олы до Гадли идет все время долиной р. Ола по сенокосным лугам и небольшим перелескам, сильно размокла. Станом расположились, немного не доезжая с. Гадля, в 5 км от Олы».

Никаких сетований на мерзкую погоду и распутицу. А первая ночь выдалась еще неприятнее:

«13 августа, понедельник.

Ночью на стану умер тунгус Спиридон Амамич, шедший попутно с экспедицией к месту жительства на р. Чаху. Вызывали ольских властей. День простояли на месте. После составления протокола я и Раковский ушли в Олу, где и заночевали.

Весь день был дождь, то усиливавшийся, то ослабевавший».

Юрий Александрович, как многие русские люди, бы-

вал порой суеверен, а тут такое стечение обстоятельств: и тринадцатое число, и понедельник — день тяжелый, и эта неожиданная смерть, и вынужденное возвращение... В Оле опять неприятные разговоры: в пяти верстах вдруг умер человек, а что будет там, за двести верст, кто будет составлять протоколы о погибших?..

Билибин дал подписку о полной ответственности за жизнь каждого, кто будет соприкасаться с отрядом, хотя бы как тунгус Амамич. И Раковский расписался. Он всегда готов был разделить с Юрием Александровичем его участь, а тут, в стычке с бюрократами, поставил свою размашистую подпись рядом с билибинской демонстративно.

Весь следующий день был так же пасмурен. И когда под вечер Юрий Александрович и Сергей Дмитриевич возвратились из Олы, то свой отряд на прежнем месте не обнаружили. Рабочие утром снялись с несчастливого стана и перекочевали через топкую марь и довольно высокий увал, поросший мхом, ерником и морошкой, на берег реки Ланковой. Это — семнадцать километров от Олы. Билибин был доволен инициативой своего отряда, и настроение его поднялось.

На другой день и прояснило немножко.

«15 августа, среда.

По небу в разных направлениях бегут облака. Клочки голубого неба. Проглядывает солнце. Сушимся после дождей.

Из-за предшествовавших дождей переправа вброд через Ланковую невозможна. Ожидаем, пока придет лодка Макара, и на ней переправляемся на правый берег реки, где и разбиваем на косе палатку.

Выше палатки в Ланковую впадает кл. Нельберкан. Вследствие дождей ключик сильно разлился. Перед ним стоят старатели и работники НКПС, выехавшие за

два дня до нас, и четвертые сутки ожидают, пока спадет вода.

При обследовании ключика выясняется возможность переправы вброд при самом устье Нельберкана. Однако, за отсутствием Макара с лошадьми, продолжение пути приходится отложить до завтра.

Назавтра прояснило еще больше. Весь день стоял солнечный и благодаря свежему ветерку нежаркий. Беспокоила мошка, но мошка не комар, терпеть можно. В восемь часов поднялись со стана. Маристым редколесьем выбрались на сухую тропу и по песчано-галечным отложениям, как по булыжной мостовой, потопами со скоростью до четырех километров в час. Встречались мари, тропа иногда утопала... Переправлялись через Нельберкан в его среднем течении. Выбрались к одной из ольских протоков, в ходу были 6 часов 40 минут. Прошли 28, 24 километра.

17 августа, пятница.

С утра тихо и пасмурно.

Выходим со стана в 8.22.

Впереди виден высокий хребет Джал-Урахчан, через который предстоит сегодня переваливать. Дорога от стана идет все время по мари. Очень редкая мелкорослая лиственница, ягоды, мох, вода.

Еще раз, в последний, пересекаем кл. Нельберкан. На косах много ржавого кварца. Тропа идет по ровной, почти совершенно безлесной мари. Начинается подъем на хребет Джал-Урахчан. Хребет начинается очень неожиданно и резко, сразу крутыми склонами, не отделяясь от мари какими-либо увалами.

Делаем привал и чаепитие. Выхожу с привала впереди транспорта. Тропа идет по неширокому ложу. С боков лог ограничен гривками с останцами. Тропа круто взбирается на главный перевал.

Соседние гольцы поднимаются над ним на 300—

400 метров. Отдельные вершины хребта на глаз до 2000 метров. Хребет сложен светлыми, серыми и розоватыми гранитами, б. ч. крупно- или среднезернистыми. Местами они переходят в гранодиориты. Глыбы этих гранитов начинают встречаться вскоре же после начала подъема на хребет и тянутся на протяжении всего пути. Местами в небольшом количестве встречаются куски серых, розоватых и зеленоватых плотных порфиров, по-видимому жильных.

С хребта на юг видны системы увалов, иногда гольцового характера, вдоль берега моря за ними мощные хребты полуострова Кони и острова Ольского (Завьялова).

С главного перевала начинается спуск в долину речки Чаха. К северу, за Чаха, видны увалы и далее, в 40—50 км, мощные горные цепи, представляющие уже, по-видимому, отроги Колымского (Яблонового) хребта.

Здесь останавливаюсь в ожидании транспорта».

Так описан хребет Джал-Урахчан. Ныне восточная часть его, на перевал которой поднялся в тот день Юрий Александрович, означает на картах цепью Билибина. Да и вся тропа называется тропой Билибина, потому что редко кто ходил этим путем. В сухое лето и зимой шли обычно Ольской тропой, по берегам реки Олы, более ровной, без перевалов, но недоступной после дождей. Отряд Билибина вынужден был торить более трудный путь.

Спустившись с Джал-Урахчана, отряд двинулся быстрее. Перевалил еще один водораздел и по широкой долине Маякана, многоводной и глубокой речки, вышли как раз на Ольскую тропу и вечером расположились станом уже в устье речки Нух.

Здесь, немного выше стана, в галечниковом обрыве, утром, пока ловили лошадей, Юрий Александрович произвел первое опробование. Знаков золота не обнаруже-

но, но место примечательно. Отсюда Ольская тропа отворачивает вверх по Нуху, вывершивая его и уходит в долину Буюнды. По Буюндинской тропе обычно и попадают в Среднекан и Сеймчан. Так рассказывал на стане Макар Медов, а Билибин все подробно записывал в дневник.

«19 августа, воскресенье.

...Другая тропа, Баханчинская, идет далее вверх по р. Оле.

Мы движемся последним путем. Переправа через Нух довольно глубока. После Нуха идем по галечным косам Олы, то и дело пересекая отдельные ее протоки...

Долина реки здесь широка, окружена высокими и крупными гольцами. Каменные осыпи с них спускаются очень низко, часто к самой реке. В гальке на косах преобладают различные порфиры всевозможных цветов. Бросается в глаза обилие туфовидных и брекчиевидных пород. Встречаются также кварц, глинистый сланец, халцедон...

20 августа, понедельник.

Утро ясное.

Около стана река прижимается к левому борту и подмывает голец, который опускается к реке осыпями серовато-розовой брекчиевидной породы.

Выходим со стана в 7.55.

Сразу же после выхода переправляемся на правый берег и продолжаем идти косами, изредка бортом.

В наносах р. Олы начинают в большом количестве встречаться порфиры ярко-зеленого цвета, по внешнему виду напоминающие лиственниты. Раньше они хотя и встречались, но в небольшом количестве.

Справа впадает большая речка, текущая в такой же глубокой, как и Ола, долине. После нее лиственниты кончаются.

В 18.45 становимся станом на рч. Тотангичан.

От с. Ола — 151,41 км».

Тропа по Тотангичану сначала шла широкой сухой долиной. Затем долина стала быстро суживаться и мрачнеть. С гольцов крутыми осыпями сползали багрово-красные порфиры. В обрывах речки темнели черновато-серые песчаники. В них Юрий Александрович нашел ракушки: когда-то здесь было море. Первые сборы фауны решил направить Царегородскому, палеонтологу.

Здесь и север дал о себе знать. Ночью на стане было очень холодно, да и днем, хотя солнце сияло, чем выше поднимались, тем холоднее. У небольшого ключика, падавшего в Тотангичан, заблестела аквамариновыми переливами огромная наледь.

Тропа покинула речку и через увал вывела на ровное маршистое место с небольшим озерком. Это и есть вершина главного перевала Колымского (Яблонового) хребта. Билибину он рисовался неприступным, этот перевал. Туземцы сказывали, что на нем растет одинокая, похожая на лосинный рог лиственница, на которую тунгусы вешают ленточки, шкурки, тряпицы — дары местному духу, помогшему одолеть перевал. Вот она, эта священная лиственница, стоит на всех ветрах, склонившись над озерком.

Но где же неприступность? Подъем был невысок и полог, да и по другую сторону никакого крутого спуска. Юрий Александрович, соблюдая туземный обычай, привязал к дереву просоленный потом платок, и тут в его голове сразу родилась пророческая идея:

«21 августа, вторник.

Строго говоря, перевал здесь почти отсутствует, и для проведения тракта или железнодорожного пути с Охотского побережья в бассейн верхней Колымы этот путь является одним из наиболее удобных».

Не минует и пяти лет, как именно здесь Колымская трасса перевалит через Яблоновый хребет. А тогда от-

ряд расположился тут станом, и Билибин, окрыленный новой идеей, ни минуты не отдохнув, поднялся на ближайший голец. Правда, он был невысок, но над уровнем-то моря возвышался вместе с хребтом не на одну тысячу метров, и такая ширь, такой простор открылись с его вершины, что дух захватило, и Юрий Александрович почувствовал себя горным орлом. С этого хребта, могучего водораздела, одни реки текли на юг, к Охотскому морю, другие — в Ледовитый океан.

«22 августа, среда.

Ночью выпал иней. Утро холодное. Довольно сильный северо-восточный ветер.

Подходим к руслу самого Малтана. Здесь это всего лишь небольшой ручеек. Невдалеке от него лежат громадные рога горного барана, свешившиеся с скалы. Здесь и развалины часовни. Место называется «Церковь».

Малтан очень быстро увеличивается в размерах.

Стан «Элекчан». Здесь на берегу реки имеется тунгусский лабаз. У Элекчана Малтан резко заворачивает влево. Перед станом настреляли много куропаток.

23 августа, четверг.

Ночью был дождь, а все окружающие гольцы покрылись снегом. Утром холодно и сыро. Утром дождь прекратился, но около полудня пошел опять.

Первую половину дня стояли, так как долго искали одного коня. Смыл ковшом несколько проб на косах. Знаков золота нет. Много куропаток.

24 августа, пятница.

От самого устья ключа Босандры Малтан течет одним руслом и несет большое количество воды. Можно было бы уже начинать сплав, но необходимо убедиться, нет ли впереди мелких перекатов, чтобы не пришлось бросать плоты.

Переправляемся на левый берег и становимся станом.

Слева впадает речка Хюринда. Косы с многочисленными медвежьими следами.

25 августа, суббота.

Небо подернуто дымкой и легкими облачками. Сквозь них проглядывает солнце.

Становимся станом на левом берегу. Малтан имеет здесь внушительные размеры, и около стана есть сухой лес. Решаем начать сплав отсюда.

Перед самым станом на сопке высятся далеко видные обрывы белых пород. От них называем этот стан «Белогорье», по-якутски «Урюм-Хая».

Это произошло на тринадцатый день пути. Счастливый день!

Макар Захарович сполз со взмыленной кобылки и заявил:

— Мин барда суох.

«Мой путь закончен». Это было ясно без перевода. И все повторили эту фразу по-якутски. Она стала крылатой.

Десять дней топали без выходных, без дневок. Лишь три дня потратили на непредвиденные задержки в самом начале пути. Отмахали, как точно отсчитал своими шагами Билибин и подытожил в дневнике, 243,37 километра за 65 часов 33 минуты чистого хода.

Если судить по его бесстрастным записям дневника, то весь путь проходил легко и гладко. А как часто увязали в таких марях, что развешивали лошадей и вытаскивали их вагами! А сколько купались в ледяных, буйно разметававшихся речках и ключиках, чтобы найти брод! И продирались сквозь такие чащобы, из которых без крови не выйдешь...

На привалах даже Демка растягивался пластом, и Юрий Александрович говорил ему:

— Что, Демьян Степанов, язык вывалил? За куро-

патками не бегаешь? Это тебе не Алдан. Это — Колыма, брат. И тут своя мера длины: колымметры. Понятно?

Пес и хвостом не шевелил. И лишь на последнем стане отлежался и снова стал прытким. Рабочие сразу же принялись за плоты. Одни валили звонкие лиственницы и стаскивали их к плотбищу. Другие резали тальник на кольца, рубили клинья, весла и прочую оснастку. Вязали два плота. Всеми работами руководил Степан Степанович. И пес был у него на побегушках.

— Демка, принеси кисет и спички не забудь.

Демка бросался к одежде хозяина, извлекал из карманов и кисет и спички, приносил в зубах.

На третий день плоты были готовы. Один поменьше назвали «Разведчиком», другой — «Начальником». Билибин не любил, когда его величали начальником, и второй плот, на котором предстояло ему быть капитаном, перекрестил в «Даешь золото!».

Юрий Александрович написал письма и распоряжения, подробно описал маршрут от Олы до Белогорья — сведения о продвижении передового отряда и о том, как идти второму отряду.

Письма и сведения Билибин наказал Медову передать Цареградскому. Набросали писульки своим друзьям и остальные: Раковский — Бертину, Лунеко — Ковтунову, Алехин — Мосунову...

На толстом тополе, стоявшем под самой горой, Раковский сделал затес, топором вырубил:

«29/VIII-28 г. Отсюда состоялся первый пробный сплав К.Г.Р.Э. Иван Алехин. Юрий Билибин. Степан Дураков. Михаил Лунеко. Сергей Раковский. Дмитрий Чистяков».

По просьбе Степана Степановича добавил: «Демьян Степанов».

К затесу Сергей подвел Медова, прочитал ему, что вырублено, перевел и доверительно по-якутски попросил:

— Запомни, Макар Захарович, это место. В случае чего приведешь наших сюда. Покажешь затес.

— А моя? Моя имя? Демка баар, моя суох. Я привел! Сергей подал старику топор:

— Пиши.

И Макар Захарович, пыхтя над каждой буквой, нацарапал: «Медоп».

ДЕМКА — ВЕСТНИК БЕДЫ

На Оле приятного было мало. Медов еще не вернулся, и от Билибина никаких вестей. Бертин привез ответные «молнии», но они не были грозными: окружные и краевые власти отвечали, что в Ольский тузрик направлен новый председатель товарищ Марин, который по прибытии войдет в курс и во всем разберется — Белоклювов откомандируется. Когда Эрнест привез эти телеграммы, Марин уже прибыл, полмесяца входил в курс, но для экспедиции ничего не делал.

...Макар Медов возвратился в Олу в середине сентября. Когда лошади немного отдохнули, в конце месяца выступил в тайгу и отряд Эрнеста Бертина. Цареградскому осточертело сидеть в Оле, и он вместе с Медовым решил сопроводить отряд до сплава.

Стояла глубокая осень. Лиственницы пожелтели и сыпали иголками, устилая тропы шелковистым ковром. Пошли дожди. Река Ола разлилась, и даже речушки, впадавшие в нее, приходилось преодолевать, подолгу отыскивая броды. За день не делали и двадцати километров. Через пять дней, не пройдя и половины пути, вынуждены были остановиться. Повалил тяжелый густой снег, и Макар решительно заявил, что дальше не пойдет: кони погибнут.

С ним согласились. Лошадей развьючили, груз зала-

базили. Поставили низенький сруб и накрыли его палаткой. В этом зимовье остались Бертин, Белугин, Павлюченко и Игнатев, а Цареградский и Медов вернулись организовывать зимний транспорт.

К этому времени в Олу понаехало народу как никогда за всю ее историю. На ольские январские ярмарки столько не съезжалось... Какие запреты ни устраивал Лежава-Мюрат, с каждого парохода в одиночку и артелями, под видом рыбаков и охотников сходили на берег люди. Многие пробирались сюда из Охотска сухопутьем.

Все пустовавшие сараи, амбары, бани, летние юрты и поварни — все было заарендовано пришельцами под квартиры. Жили в брезентовых и ситцевых палатках, шалашах и землянках. Ждали отправки на прииск. Пропадались, пропивались, слонялись по селу и окрестностям, бузотерили.

Марин, Белоклювов и милиционер Глушенко за голову хватались, с ног сбивались, пытались восстановить порядок и благопристойную тишину, веками стоявшими в прежней Оле, и не могли. Несмотря на строгий запрет ввозить спирт, сухой закон был размочен и размыт дальгосторговскими реками и малыми потайными речушками. Во всех грехах, свалившихся на бедную Олу, тузрик винил экспедицию Билибина и руководство Союззолота. Белоклювов писал в краевую газету:

«Прошло три месяца, но ни одной весточки ни от отряда Билибина, ни от работников Союззолота не поступило. Стали беспокоиться за судьбу своих партий. И, беспокоясь, пить до обалдения завезенный спирт. С похмелья покупали у тунгусов несуществующих оленей, расплачивались за них спиртом. В пьяном угаре формировали зимний транспорт. Туземцы вначале нанимались и продавали оленей Союззолоту, затем этих же оленей — геологической экспедиции. Получив задаток и с тех и с других, уключивали за Становой хребет.

Население за все, даже за доставку дров школе или медпункту, требует спирт.

— Союззолото платит нам спиртом, плати и ты, — говорят они тузрику».

Заметка под псевдонимом «Селькор Олец» была опубликована в газете «Тихоокеанская звезда». Эту газету, как и другую, более раннюю, захватил с собой в Олу Лежава-Мюрат. Он прибыл последним пароходом, на котором отбывал откомандированный Белоклювов. Встретились они на борту «Алеута», когда тот стоял на Ольском рейде, и нетрудно представить, как поступил бы горячий Мюрат, если бы знал, что Белоклювов — это и есть «селькор Олец». Лежава, вероятно, сначала мысленно объединил бы его с другим, безымянным корреспондентом, который дал в ту же газету заметку под заголовком «Золотой король Сеймчана и Охотского побережья», а засим... Морская купель была рядом.

В заметке «Золотой король...», опубликованной четвертого сентября, о нем, Лежаве-Мюрате, уполномоченном Союззолота, писалось:

«К нему шли старатели, когда прошел слух о золоте на Сеймчане, просили денег на продовольствие, инструменты и проезд.

— Вы сумасшедшие! Куда вы едете? Там голод, там вы погибнете от голода!

Но «денежным» оказывал содействие, и они ехали в Сеймчан за свой счет. А «безденежным» говорил:

— Нагайками! Нагайками перепорю и выгоню из Сеймчана, если там увижу».

Конечно, дословно так Лежава не говорил и не грозил «перепорю и выгоню». Может, в пылу уговоров, чтоб сдержать старательскую вольницу и не допускать золотой лихорадки, и сказал: «Куда вы? На голодную смерть? Вы что — сумасшедшие? Нагайками надо пороть тех, кто, рискуя жизнью, рвется на Колыму!», — этого он не скрывал, примерно так он и Билибину рассказывал... А тут и «перепорю и выгоню»...

Лежава-Мюрат, кроме прописной осторожности чиновников, боялся шантажистов, но своей политики, своего курса придерживался твердо, проводил его энергично. Сойдя на берег и своими глазами увидев, что в Олу, несмотря на все запреты, понаперло «хищников», а все товары, которые он, как уполномоченный Дальгосторга и Союззолота, забрасывал для приисков Колымы, лежат мертвым грузом, кое-как прикрытые брезентом и рогожей, Лежава-Мюрат, рискуя опять попасть под огонь прессы, накинулся и на тузрик и на своих подчиненных.

Заведующего Ольским агентством Союззолота Миндалевича за бездеятельность, за миндальничанье и за сплетни, которые тот распускал, откомандировал в распоряжение крайисполкома. На его место поставил Коверзу, агента по транспорту, но и ему пригрозил наказанием, если будет творить такие же каверзы. Другому агенту, Кондратьеву, приказал, чтоб тот немедленно, завтра же, занялся отправкой груза на Колыму.

К сведению всех вольноискателей Лежава-Мюрат подписал и вывесил объявление:

«Вся территория Колымы, перешедшая в арендное пользование Союззолота, с 1 августа с. г. объявлена закрытой для первооткрывателей.

Разведки и разработки как отдельными приискателями, так и артелями — лишь с ведома и по соглашению с Верхнеколымской приисковой конторой Союззолота.

Впредь, до обеспечения приискового района необходимым количеством товаров-продуктов и орудиями производства, свободный въезд на территорию приисков воспрещается.

Уполномоченный Союззолота по Охотскому побережью и Верхнеколымскому краю В. И. Лежава-Мюрат».

Валентин Александрович откровенно рассказал ему о всех трудностях, перипетиях и несурезицах в организации транспорта, поведал, с какими боями добился Билибин выхода первого отряда, как и почему затянулся выход второго, который повел на Колыму известный Ле-

жаве-Мюрату Эрнест Бертин, и почему до сих пор сидит в Оле остальная часть экспедиции.

Лежава-Мюрат, внимательно выслушав Цареградского, понял, что молодому, но не такому энергичному, как Билибин, инженеру, да еще в такой обстановке не сформировать зимний транспорт, а две организации, занимающиеся одним делом, все равно что двоевластие... И он, твердо памятуя указание Серебровского во всем содействовать экспедиции, предложил:

— Организацию транспорта и снабжение экспедиции передайте мне, то есть Союззолоту. Будет один хозяин. А я клянусь все грузы экспедиции продвигать в первую очередь! Но, конечно, за счет экспедиции. Расценки будут едиными.

Цареградский сначала насторожился и задумался: одобрит ли это Билибин, не обманет ли Лежава-Мюрат, но когда тот схватил лист бумаги и заявил: «Составим и подпишем договор», — Валентин Александрович охотно согласился: с его плеч свалилась гора.

А 17 ноября Евгений Игнатьев, пробившись по глубоким снегам и незамерзшим речкам, доставил Цареградскому письмо от Эрнеста Бертина.

Написанное 9 ноября, оно начиналось так:

«В. А., с нашим первым отрядом случилась, вероятно, какая-то неприятность...»

А дальше с каждой строкой тревога усиливалась и высказывалось предположение, что отряд Билибина потерпел на порогах аварии, а может, и погиб. В живых осталась только собака Демка.

«Она, сильно истощенная, исцарапанная, покусанная, видать, долго плутала и пробиралась тайгой, пока каким-то своим собачьим чутьем не вышла на наш стан».

Цареградскому не верилось и не хотелось думать, что шестеро его товарищей, что сам Билибин, которого

он считал давним и лучшим другом, и Раковский погиб. В крайнем случае они могли потерять на порогах груз, сидеть без пищи и теплой одежды, не имея возможности сообщить о себе... Но почему их бросила собака? Почему она пришла одна?.. Нет, они, конечно, живы... Надо спасать! Валентин сразу же послал за Медовым, а сам — к Лежаве-Мюрату.

Лежава-Мюрат забежал по комнате:

— Завтра же выезжать по следу Билибина! Хоть на собаках, хоть на лыжах, хоть на брюхе!.. А сегодня, сейчас же, я собираю тузрик и партячейку! Доклад о катастрофическом положении, о задержке транспорта экспедиции будете делать вы, товарищ Цареградский. Да поострее! Порезче! С плеча и ребром! И письмо это прочитае...

Экстренное совместное заседание тузрика и партячейки состоялось в тот же день, утром 17 ноября. С «Алеута», который все еще стоял на рейде, привезли Миндалевича и Белоключова: пусть послушают, к чему привело их оппортунистическое поведение. Может быть, там, в Хабаровске и Владивостоке, поменьше будут наговаривать и поправднее, чем «селькор Олец», напишут обо всем в «Тихоокеанскую звезду»... Кстати, на этом заседании решено было и обсудить ту самую заметку...

Валентин Александрович никогда прежде на подобных заседаниях не бывал, а тут сразу — докладчик! Хотел подготовиться, набросать тезисы... Обратился за помощью к поднаторелому в таких делах Лежаве-Мюрату, но тот отрезал:

— Какие тезисы? Все должно быть здесь и здесь, — хлопнул он себя по лбу и груди.

И Цареградский говорил, сам себя не узнавая: и Циперон и Ювенал. Никогда он не был таким резким и прямым. Не щадил ни Белоключова, ни Марина, ни Миндалевича, ни самого себя:

— Четыре с половиной месяца сидит в Оле наша экспедиция. Может, мы и не очень опытные, но мы делали все, чтоб организовать транспорт своими силами. Взялись даже за обучение диких оленей. Пошли даже на опасный сплав по порогам. Может, это и безрассудство, и теперь в гибели людей будут обвинять нас, меня и прежде всего Билибина... Но мертвые сраму не имут! А вот вы, благополучно здравствующие, что вы делали во время нашего великого сидения в Оле?! Петрушку валяли, как Белоключов?!

Цареградский сверлил Марина и Миндалевича своим горячим цыганистым взглядом. Марин и Миндалевич ежились... Предтузрика пытался оборвать оратора и заикнулся, что «это оскорбление при исполнении»... Валентин Александрович, услышав реплику, шепнул Белоключову, что это, мол, «не для протокола», но тут взвился Лежава-Мюрат:

— Пиши, пиши! Все пиши!

Белоключов, конечно, сократил и сгладил доклад Цареградского. Зато более подробно застенографировал выступления Марина, Миндалевича и свое:

«Белоключов. Мною были даны указания продвигнуть экспедицию, но они почему-то не продвинулись. Сама экспедиция недостаточно внимания проявила к вопросу своего обеспечения предметами первой необходимости, теплой одеждой, катанками... А ведь на Север ехали! А спирта все-таки завезли с избытком!

Миндалевич. Экспедиция приехала самостоятельной организацией и по приезде обособилась — чуждалась как Советской власти, тузрика, так и Союззолота. Но что касается трений между нами и экспедицией, таковых не было. Экспедиция, говоря о трениях, этим самым хочет свалить недочеты своей работы и гибель своих товарищей на здоровую голову Союззолота. Но мы не погибли и

не погибнем! На Севере главное — что? Выдержка, товарищи, и без всякой паники...

Марин. Вопрос о трениях и прежде стоял, обсуждался, и были намечены пути изжития всех трений, но таковые до сих пор не изжиты. Экспедицию давно пора было отправить на место основных работ еще до моего приезда! А что касается гибели отряда Билибина, то никакого Билибина я в глаза не видел. А приступил к обязанностям предтузрика, как известно, 15 августа, а отряд вышел 12 августа, и, следовательно, никакой ответственности за гибель нести не могу.

Лежава-Мюрат. Я, уполномоченный Союззолота, Дальгосторга и АКО, не уполномочен командовать тузриком, но был бы уполномочен... Миндалевича, как известно, с работы снял. На это я уполномочен. Всю власть, как по организации транспорта, так и по снабжению как приисков, так и экспедиции, беру на себя. И никому не позволю вставлять палки в колеса! Тузрик может обжаловать мои действия, но отменять, приостанавливать не имеет права. Все договоры наши с туземцами тузрик должен зарегистрировать и обеспечить их безусловное выполнение как с той, так и с другой стороны. И никаких компромиссов! Послезавтра все мобилизованные и завербованные выступают! Большой аргиш будет! Снег еще рыхлый? Ничего, пробьемся! Нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики! Кто против?»

Цареградский чувствовал себя на коне. Сталью сверкали его глаза на смуглом, горящем румянцем лице.

Ранним утром девятнадцатого ноября первыми из Олы двинулись шесть собачьих упряжек Макара Медова, до отказа загруженных продовольствием, теплой одеждой и горбушей — собачьим кормом. Взяли с собой палатку и железную печку. На первых нартах, чтоб топить путь, выехали приемные сыновья Макара Захаро-

вича Петр и Михаил. На остальных — Цареградский, Казанли, Ковтунов, Мосунов, за один день прошедшие у старика Медова курсы каюров.

И в тот же день, чуть позже, выступили из Олы первые двадцать оленьих нарт, по два оленя в нарте, с грузом экспедиции и приисков, с администрацией и рабочими. Через неделю — еще двадцать нарт. Всего — сто оленей...

Двинулся большой аргиш.

ДЖЕК-ЛОНДОНОВСКАЯ ЭПОПЕЯ

Не мог без зависти смотреть на приемышей Макара Захаровича, на Петра и Михаила, Валентин Александрович. Молодцеватые, проворные, сильные, они были одеты на загляденье: на широких крепких плечах — короткие легкие оленьи дошки, на ногах — складно сшитые торбаса в обтяжку, а на голове у каждого — одинаковый темно-коричневый пыжиковый малахай с ярко-красными ленточками. И каюры они — выученики Макара Захаровича — отменные! Метровые остолы с железными наконечниками в их руках, как сравнил Митя Казанли, будто смычки у скрипачей. Надо притормозить, они ловко вонзают их под нарту впереди копыла, а надо подогнать ленивую собачку, то этим же остолом, словно смычком стаккато, легонько по ее бокам, и ленивица вмиг натянет ремень. А команды: хак! (вперед!), тах! (направо!), хук! (налево!), поть-поть-поты! (разворачиваться!) — звонко и отрывисто звучат в морозном воздухе, будто хлопки, и весь потяг моментально исполняет их, каждый раз взметая из-под полозьев фонтаны снега.

Валентин Александрович старался во всем подражать Петру и Михаилу, и у него получалось неплохо. На третий день езды уже чувствовал себя заправским каюром.

Старик Медов похваливал Цареградского:

— Каюр умный — собачка тоже умный.

Нехитрым искусством управления быстро овладели не только Цареградский и приткий Кузя Мосунов, но и грузноватый Андрей Ковтунов, рассеянный, как все ученые, Дмитрий Казанли, прежде видевший собачьи упряжки лишь на картинках книжек. И все радовались этому, как дети...

А старик Медов каждого похваливал и советовал:

— Купи нарты — каюр будешь, симбир саха будешь!

— И куплю! И на камчадалке женюсь! Совсем саха буду! — задорно отвечал Митя.

То, что ему приглянулась на Оле дочка старожила Якушкова, скуластая смугляночка Дуся, знали все — у Мити ни от кого никаких тайн не бывало, душа у него нараспашку, и Кузя теперь его предупреждал:

— Поть-поть-поть, Дмитрий Николаевич, и хак — на Олу! А то я сам подкачу к твоей камчадалочке. Я до всех девок охоч!

— А я тебя остолом и тах и хук! — отшучивался Митя.

И все заливались звонким смехом и вспоминали при этом, как тунгуска Иулита охаживала остолом якута Кона Прудецкого, оскорбившего ее... Вспоминали и камчадала Иннокентия Якушкова, родного брата Дуси, который в стенгазете «Голос тайги» поместил по этому случаю заметку «Туземка, помни свои права»...

— И Дуся помнит свои права...

— И Дуся остол держать умеет...

— Держись, Кузя...

Макар Захарович уверял, что до Бахалчи они доберутся за неделю. Но в первый день прошли всего километров сорок, да и то не по прямой, а кружа вокруг еще не замерзших мест на реке. И собаки шли плохо: они не втянулись в езду, да и нарты были перегружены.

На другой день сделали шестьдесят километров — теперь уже меньше кружили, но встречный северный ветер почти все время бил в лицо, и, хотя чаще двигались по льду, приходилось забиваться в снег, рыхлый и глубокий. Впереди все время шли и торили дорогу нарты Петра и Михаила. Надо было бы периодически заменять их, но Макар Захарович пока никому не доверял это сложное дело. Он и своим приемышам еще не во всем доверял. Нагонял, останавливал, слезающимися, но еще зоркими глазами подолгу рассматривал окружающие сопки и распадки, подолгу смотрел на медленно, почти незаметно плывущие облака, слюнявил, поднимал кверху палец, чтобы определить направление ветерка. И только тогда указывал Петру и Михаилу, куда путь держать.

Лишь когда остановились на четвертую ночевку, Макар Захарович распорядился поставить нарты Цареградского впереди. Валентин Александрович был горд, рад и немножко обеспокоен. В тот вечер он незаметно для других каждой своей собаке прибавил по полрыбины сверх нормы, каждую ласково потрепал по загривку...

Собаки, хорошо отдохнувшие за ночь, охотно, с радостным повизгиванием шли в упряжку. Только две, которых Валентин ставил в последнюю пару на самом коротком ремне, плелись на это место уныло и понуро. На этом месте и бежать и отдыхать на коротких остановках очень неудобно. Сюда обычно ставят провинившихся собак. Валентин Александрович так и сделал: справедливо, как опытный каюр, поставил в последнюю пару рыжего Буина и ленивую Белку.

Наконец все позавтракали, собрались. Макар Захарович уселся на нарты Цареградского, спиной к нему, и небрежно махнул рукой:

— Ехай.

— Хак! — радостно и гордо воскликнул Цареградский, и его упряжка тронулась первой.

Сначала ехали густой прибрежной тайгой, навстречу бежали высокие лиственницы. Отягощенные снегом, они осыпались мелкими белыми цветами и напоминали Валентину Александровичу лесные сказки из далекого детства.

Из леса вылетели на лед речки Чаха, правого притока Олы, падающего с гор и потому быстрого даже в нижнем своем течении. Макар Захарович предупреждал, что на Чахе лед, вероятно, еще тонок, могут встретиться и полыньи. Цареградский сначала насторожился, но, когда собаки, встревоженные пролетевшей впереди кедровой, понесли во всю прыть, скользя, падая, вскакивая, Валентин Александрович, опьянясь такой ездой, забыл об осторожности и не только не притормаживал нарты, а, напротив, криками «хак!», «хак!» и остолом подбадривал четвероногих. Ветер свистел, полосья визжали, точно комары звенели, и лед, местами зеркально чистый, казался крепким, надежным. Макар Захарович, видимо, был тоже очень спокоен. Укрывшись от ветра за спиной своего ученика, старик навалился на Валентина Александровича всей тяжестью — вероятно, крепко и сладко спал...

И вдруг — толчок! И нарта на две трети левого полоза повисла над провалом; а все пять собак левой упряжки заскользили вниз, увлекая за собой и остальных... Валентин Александрович в ужасе замер: под ним бурлила и неслась густая темно-серая вода.

Когда и как соскочил с нарты Макар, Цареградский не видел, он только услышал:

— Прыгай сюда!

И прыгнул в один миг с этим криком, угодив прямо под бок старику. Макар Захарович, растянувшись по льду, цепко ухватился за копылы нарты. Последовал его примеру и Цареградский. Вместе они удержали сани и огромным усилием стали оттягивать их от полыньи. Им

помогала и правая пятерка собак, особенно старался рыжий кобель Буян: он зубами вцепился в постромки Белки и выволок ее из полыньи.

Когда вытянули весь потяг и оттащили нарты, собаки долго визжали и ошалело отряхивались. А Макар Захарович, насупившись, молчал. Валентин Александрович, избегая его взгляда, долго и старательно поправлял груз, разбирая собачью упряжь.

Подъехали все остальные нарты.

— Искупались, жожаки? — не без злорадства спросил Кузя.

Валентин Александрович, Макар Захарович в ответ — ни слова. Наконец Макар Захарович сел на свое место и спокойно, как будто ничего не случилось, сказал:

— Ехай.

И только когда отъехали километра два, проворчал за спиной Цареградского:

— Худое место, бежать надо... Не умеешь ездить, зачем взял нарта?.. Чужая нарта.

И больше ни слова упрека.

Через несколько часов вечером того же дня пересекли кривун этой злосчастной Чахи и снова въехали в лес. Тропа здесь была извилистой и завалена буреломом. Сидеть не приходилось. Нужно было бежать, поддерживать нарту, скакать через нее. Боясь и за нарту и за свои ноги, трусил, едва поспевая, и Макар Захарович.

А когда, часа через полтора, снова выбрались на ровный лед Олы и можно было спокойно отдохнуть, Макар Захарович ласково проговорил:

— Каюр будешь... Только своя нарта надо...

...На Элекчане, в новом, еще пахнущем смолой, жарко натопленном зимовье, построенном Эрнестом Бертиным, все чувствовали себя бывалыми каюрами; приятно было сознавать, что трудный двухсоткилометровый путь завершен.

Самого Эрнеста Петровича и его рабочих — Павлюченко и Белугина — в зимовье не застали. Макар Захарович осмотрел все урочище и доложил: все трое вместе с собакой ходили в стойбище тунгусов, когда те подкочевали близко, один кёс отсюда, к Элекчану; обзавелись парой оленей, но не ездовыми, а полудикими, видимо, больше тунгусы продать не могли — у самих мало; те трое свалили крепкую толстую лиственницу, выстругали из нее широкие лыжи, смазали их оленьим салом, срубили две березы, смастерили промысловые нарты, нагрузили их тяжело, сами впряглись, обоих оленей завьючили тяжело и пять дней назад отправились в сторону большой реки Колымы, на север, вместе с собакой...

— Но куда они направились? На Бахапчу или Среднекан?

— След завтра покажет.

— Тунгусы откуда прикочевали? Они могли знать, есть наши на Среднекане или нет?

Макар Захарович засыпал и ответил сквозь сон:

— След завтра покажет...

Назавтра, чуть дрогнул рассветом восток и начали блекнуть звезды, выехали. Мороз был такой, что дыхание перехватывало. Шли по следу Бертина. Когда он свернул туда, где розовел рассвет, Царегородский обрадовался: Билибин на Среднекане, нет нужды ехать на страшную Бахапчу, путь — на рассвет, и там, казалось, будет теплее. Но Макар Захарович остановил собак.

— Сергей Длинный Нос и улахан тайон кыхылбыттах Билибин говорили: веди наших туда, — махнул старик рукавицей на запад. — Там — Малтан, Бахапча. Затес там. Читай затес. Знай, где Билибин. Там якут, занка якут, он все знай... Занка Бертин знай — не знай...

— Бертин пошел туда, значит, он от тунгусов узнал, что Билибин там, на Среднекане, — возражал Валентин Александрович.

— Тунгус знай — не знай... Хириникан люди — баар, а Билибин — баар, суох? — стоял на своем старик.

На таком сильном морозе не только дышать, но и думать трудно — мозги будто замерзают. Валентин Александрович туго понимал, что говорит старый якут, но все-таки соображал: тунгусы могли сказать Бертину, что на Среднекане есть нючи — русские люди, и там они есть: Оглобин, Поликарпов, старатели, но есть ли среди них Билибин, Раковский и рабочие экспедиции, тунгусы могли и не знать, для них они все — нючи. Макар Захарович, пожалуй, прав: надо ехать на Бахапчу и там окончательно выяснить, удостовериться. К тому же это займет дня два-три, а до Среднекана — не меньше месяца.

Собачий караван направился к Бахапче. Выехали в долину Малтана. Горы, деревья и даже ровный белесый воздух словно окаменели, замороженные. В этом безмолвии лишь скрипели полозья, да изредка слышались «хак!», «тах!», «хук!», да время от времени то та, то другая собака взвизгивала и на ходу терла отмороженную морду о снег. Холод забирался под одежду, и стыли кости. Все, и якуты Петр и Михаил, то и дело соскакивали с нарт и бежали, размахивая руками, чтоб как-нибудь согреться. Один Макар Захарович сидел закутанный до самых глаз платком вместо шарфа и недвижно глядел в опущенную иномой щель.

— Не замерз? — тревожился Валентин Александрович.

Старик в ответ слабо взмахивал рукой.

Следующий день был такой же: белесоватый застывший воздух, белое безмолвие, нарушаемое лишь скрипом полозьев да треском движущихся нарт, бегущие собаки и люди. Показалось из-за гор тусклое солнце, но его косые лучи были бледны и холодны, да и коснулись они только южных склонов, не опустившись в долину.

А когда оно скрылось и сумерки посинели, Макар

Захарович вдруг остановил нарты у старого, без вершины, раскидистого тополя, похожего на распятие, подошел к нему, смахнул с посеребренного ствола иней:

— Читай.

Все, сгрудившись, в один голос и тихо, но торжественно, точно клятву, читали:

«Двадцать девятого, восьмого, двадцать восьмого года. Отсюда состоялся первый пробный сплав К.Г.Р.Э. Иван Алехин. Юрий Билибин. Степан Дураков. Михаил Лунеко. Сергей Раковский. Дмитрий Чистяков. Демьян Степанов. Макар Медоп».

Долго стояли молча, обдавая друг друга голубыми клубами горячего дыхания. Ночь была тихая, морозная, ясная.

Нарушил молчание Митя Казанли:

— Валентин Александрович, помнишь, Юрий Александрович в письме, написанном отсюда, просил установить координаты Белогорья, начала сплава? Займемся? Ночь будет подходящая, все звезды как на ладони.

Рядом с тополем обнаружили остов палатки, бревна, щепки, оставленные отрядом Билибина. Рабочие быстро натянули палатку на этот остов, разожгли печь, поставили котелок и чайник, привязали на ночлег собак, накормили их и сами сели ужинать...

Цареградский и Казанли почти всю ночь производили астрономические наблюдения, устанавливая координаты Белогорья. И думали о Билибине, его отряде...

Валентин Александрович сидел на нарте у свечи, прилепленной воском к дуге, в замерзающих руках держал хронометр и по нему отсчитывал доли секунды. Дмитрий Николаевич, пристроив на высоком пне секстант, следил за движением Полярной звезды — она висела как раз над вершиной Белой горы — и время от времени командовал:

— Готовься!

— Есть.

Ртуть в искусственном горизонте секстанта замерзала. Лезли в палатку, отогревали, сами немножко согрелись и — снова:

— Готовься!

— Есть.

Валентин Александрович смотрел то на хронометр, то на крутой силуэт Белой горы и вспоминал, что именно с нее, с ее обрывистого склона, взял Билибин отпечатки листьев древних растений и окаменевшие обломки стволов и направил их с Медовым в Олу, а он, Цареградский, определил их как верхнемеловые или третичные. Это было первое определение флоры, которая восемьдесят—сто миллионов лет назад зеленела здесь, а потом была законсервирована в вулканических пеплах. Такие пеплы, как успел узнать он, покрывают огромные пространства Охотского склона, на его водоразделе с бассейном Ледовитого океана. В таких пеплах и лавах могут встретиться богатейшие месторождения золота и серебра, но россыпей они не дают и простым шлиховым опробованием их не уловишь... Когда Юрий Александрович узнает, что образцы, найденные им в Белогорье, определяются как верхнемеловые или третичные, а значит, обнадеживающие, наверное, очень обрадуется и серьезно заинтересуется этими белыми горами...

— Митя, а у нас, в Ленинграде, звездное небо такое же?

— Сейчас там день, звезд нет.

— Ну, а когда будет ночь?..

— Не совсем. Полярная звезда здесь выше. Готовься!

ЧУДНАЯ ПЛАНЕТА

ЛОЦМАНЫ БЕШЕНЫХ РЕК

Перед сплавом Билибин не спал.

«29 августа, среда.

Ночь пасмурная, темная. В 6 часов 50 минут начался дождь. Шел с перерывами.

С утра складываем груз на плоты. На плот «Разведчик» — груз, не портящийся от подмокания: горные инструменты, спирт, мука, крупа, сало, масло. На плот «Дашь золото!» — груз, портящийся от подмокания: личные вещи, экспедиционное снаряжение, сахар, соль, табак, спички, сушки.

Отплываем из Белогорья в 12 часов 51 минуту.

В 13.15 «Разведчик» ненадолго сел на мель.

13.23. «Дашь золото!» сел на мель. Вскоре подошел «Разведчик» и сел рядом.

14.27. Снялись с мели. Вскоре «Разведчик» еще сел ненадолго.

Вследствие очень частых заворотов и постоянных мелей вести точную съемку невозможно. Общее направление долины реки далее — 350°. Скорость средняя плотов 6 км. в час».

На этом закончились записи в сохранившемся дневнике.

Еще на плотбище Билибин ставил мерные рейки и с тревогой отмечал, как быстро падает вода — за сутки

на двенадцать сантиметров! А когда остановились на первый ночлег, тревога усилилась — только за ночь вода убyla на десять сантиметров! Лучшее время после дождей было упущено: Малтан мелел и обнажал перекааты. И скоро пришлось не столько плыть, сколько пахать плотами гальку на перекаатах.

Чтоб хоть немножко приподнять воду, ставили «оплеухи» — заранее вытесанные доски. Эти плотики иногда выручали, но чаще проталкивались шестами. Подсовывали под плоты крепкие лиственничные жерди и, по щиколотки увязая в мелкой гальке, сталкивали их с перекаатов. От этих стяжков* на плечах сплавщиков загорелись рубиновые ссадины. Они ныли, пылали, но на каждом перекаате шесты снова впивались в грудь и плечи и сдирали кожу.

И вдруг — порог!

Нет, сначала были плесы. Один, другой... Потом попался такой тихий и длинный плес, какого еще не встречали. Плыли по нему часа два, не шевеля кормовым веслом, и блаженствовали. Кое-кто даже вздремнул, пригретый теплым осенним солнышком. Тишина, лишь вода убаюкивающе журчит под плотом.

Только главному лоцману этот плес не нравился. Степан Степанович напряженно вглядывался вперед, вслушивался, даже про трубку забыл — она не дымила. И вдруг на крутом завороте гаркнул:

— Бей вправо!

От его крика матрос Лунеко, прикорнувший у кормового весла, чуть с плота не свалился. Все вскочили, затабанили веслами и стяжками. Плоты вырвались из быстрины, закрипели по гальке, врезались в протоку.

Команда была исполнена вмиг и безраздумно. Но потом все стали пересматриваться: зачем свернули с пре-

* Шест, жердь.

красного фарватера в какую-то гнилую протоку? И дружно устали на главного лоцмана.

Степан Степанович молча раскурил трубку, молча сошел с плота и, никому ничего не объясняя, пощажал берегом туда, где за красноталом сверкала река. Демка, «помощник» главного лоцмана, побежал за ним, махая вислыми ушами. Все, немного постояв, тоже двинулись за Демкой.

И там, за излучиной, увидели такие глыбы и такой кипящий омут, что долго слова не могли вымолвить. Эта шивера* разнесла бы плоты в щепы...

— Н-да, — раздумчиво протянул Юрий Александрович. — А ведь ни Макар, ни Кылланах об этом пороге на Малтане не говорили...

Билибин не досказал, что думал, но все поняли его: если на этом, не помянутом якутами пороге плоты могли разбиться, то что же ждет их на Бахапче — реке бешеной...

— Ну что ж, догоры, надо быть осторожнее. Как говорят туземцы, глаза есть, однако видеть надо.

Матрос Алехин сник, матрос Лунеко попытался оправдаться:

— Я пушку видел... Как она пальнет: «Бей вправо!», я чуть с плота не сковырнулся... Ну и голосище у тебя, Степан Степанович, только орудием командовать!..

Вернулись к плотам, осмотрели протоку. Она была невелика, но в трех местах совершенно сухая. Весь день, до глубокой ночи, «оплеухами» и голыми руками разгребали галечные гребни, прокладывали каналы, а по ним проталкивали плоты все теми же стяжками, все теми же плечами с кровавыми рубцами. Так, волоком, обошли порог.

* Речной порог.

Порог назвали Неожданным, протоку — Обводным каналом.

— Есть такой в Ленинграде, — пояснил Юрий Александрович и, остужая холодной водой ссадины на плечах, вспомнил: — Мой отец был полковником, а я на Колыме дослужился до генеральских эполет!

Юрий Александрович в конце дня всегда записывал что-то в полевую книжку. И в эту ночь натруженными, дрожащими от работы пальцами, а они у него были сильные, крепкие, держал он непослушный, прыгающий карандаш... И вдруг, прервав работу, начал вслух рассуждать...

— А ведь этого порога ни Макар, ни Кылланах не видели, потому о нем и не говорили! Лет десять назад его не было. А протока, по которой мы пробились, служила основным руслом Малтана. Так, Степан Степанович, главный лоцман бешеных рек?

— Бывает, — кратко подтвердил Степан Степанович.

— И вот мы найдем золото... И пойдут по Малтану, по Бахапче не только плоты...

— Пароходы, — съязвил Иван Алехин.

Малтан «пахали» пять суток. Когда вышли в Бахапчу, широкую и полноводную, плыть с ее водой стало веселее: меньше перекатов, один плес сменялся другим, плоты несло стремительно, и не хотелось приставать к берегу даже на ночлег.

И тянули уже в темноте, под звездами. Конечно, опасались: не выпрыгнет ли опять неожиданный порожек? Чутко вслушивались, не шумит ли впереди. Но было тихо, слышно только, как журчит, позванивая, водица под плотами.

Обогнули еще одну излучину. «Разведчик» развернулся на правый берег, и тут Степан Степанович шепнул:

— Медведи.

В темноте, на берегу, под густой навесью тальника,

что-то копошилось: одна фигура большая, другая маленькая. Степан Степанович — за двустволку, заряженную жиганами. Раковский — за пятазарядный винчестер. У Миши Лунеко никакого оружия не было, но и он весь нацелился, забыв и кормовое весло, и свои матросские обязанности.

На втором плоту заметили приготовления и тоже потянулись за оружием: Чистяков — за двустволку, Алехин — за берданку, а Билибин, хотя и охотником-то не был, — за сэрвич, небольшую американскую винтовку, из которой не сделал ни одного выстрела. Охотничий азарт захватил всех. Один лишь Демка — охотничий пес — спал на верхотуре груза, свернувшись калачиком.

Большая фигура на берегу приподнялась и, видимо, услышав что-то с реки, начала поворачиваться. И Степан Степанович, и Алехин, и Чистяков, и Раковский, и Билибин, как после они признавались, уже готовы были нажать на курки, и чуть было не грянул залп...

И в этот момент Сергей увидел: над большой фигурой вдруг вспорхнула и погасла искорка.

— Люди! — диким голосом гаркнул он и ногой вышиб из рук Степана Степановича двустволку, а свой винчестер отшвырнул.

На «Начальнике» остолбенели. С разгона второй плот ударился в борт первого, оттолкнулся от него и по быстрине полетел вперед. А за ним течением, бьющим от берега, понесло и выбросило на ту же быстрину и «Разведчика». И тут — чего и опасались:

— Тас! Тас! — кричали люди с берега.

На «Начальнике» никто якутского языка не знал и не сразу поняли, что такое «тас». С «Разведчика» Раковский крикнул:

— Камни!

На «Начальнике» схватились за стяжки и весла, но было поздно. Плот заскрипел всеми связками и перед-

ним торцом полез на камень. Потом он как-то судорожно качнулся и всей кормой, на которой был стеллаж с грузом, опустился на дно. Демка успел прыгнуть на передний, торчащий из воды торец, а люди — Билибин, Алехин, Чистяков — оказались в воде. Они были рослые, каждый по два метра, но всем вода оказалась одинаково — по шею.

А тут и «Разведчика», хотя на нем всю работу тяжками и веслами, понесло на них. Этот плот был поменьше, но все-таки — около тонны груза, да и течение сильное...

Билибин, Алехин, Чистяков ошетинились шестью, пытаясь упереться ими в «Разведчика» и отвести его, но под ногами — никакой опоры. И тогда, не сговариваясь, они толкнулись навстречу «Разведчику», уперлись руками в его передний край, а ногами в свой плот. С «Разведчика» помогали стяжками... Один из них тут же треснул... Напрягая всеми мышцами, общими усилиями, градус за градусом отворотили плот, отвели его и вытолкнули с быстрины к берегу.

На берегу стояли пожилой якут и черноглазый скуластый мальчонка лет двенадцати. В ногах валялась верша из тальниковых прутьев — рыбачили.

Билибин выскочил на берег первым, облапил якута: — Медведи, живы! — крикнул он и подкинул мальчишку: — Живы, медведи!

И все тормозили их, ликовали:

— Медведи! Медведи!

Якут и мальчишка понять ничего не могли — не знали, что были на волосок от смерти. Мальчишка заплакал. Якут-заика, тот самый, о котором говорил Медов, пытался проговорить что-то вроде приветствия:

— К-к-ка-а-а-п-п-п...

— Капсе после будет! Улахан капсе будет! — крикнул ему Билибин и тут же набросился на всех — и на

своего любимого Раковского, и на уважаемого Степана Степановича: — Охотнички, мать вашу так! Медвежатинки захотелось?!

Степан Степанович, конечно, чувствовал себя главным виновником, но оправдываться не стал, а молча пошел в реку. Раковский — за ним:

— Груз спасти надо.

Вслед за ними полезли в ледяную купель и остальные. Вода обжигала. Когда поневоле искупались — не заметили этого, а теперь вода жгла так, что хотелось выпрыгнуть, как из костра.

А Билибина даже купель не остудила.

— Груз спасти... Что — груз?! Людей бы погубили, охотнички! — продолжал он полыхать. — И я-то, поганый капитан: «Потянем, да потянем...» А ты чего, сукин сын, дрыхнул? — накинулся Юрий Александрович на Демку, преспокойно сидевшего на верхнем торце намертво засевающего плота и даже хвостом приветливо завивавшего, когда все на него обратили внимание. — А тебе что снилось?

Усталые до изнеможения, продрогшие так, что зуб на зуб не попадал, выбрались на берег — бегом к жарко пылавшему костру, разведенному якутом. Позвали Демку. Прежде звать его не нужно было. Сидеть на плоту не очень нравилось, и он, бывало, чуть заминка — бросался в лес разминаться. А тут — ни с места.

Можно было, конечно, перенести собаку на берег, но не до нее... Сами не обсохли, не обогрелись как следует, а начали распаковывать тюки, ящики и подсушивать подмокшее. Чтоб не заржавели анероиды, Раковский, влив в эмалированную кастрюлю три бутылки спирта, погрузил в него приборы.

Билибин после того, как спасли груз, успокоился и чувствовал себя виноватым за то, что в пылу гнева бросился на всех. Увидев, как Сергей бережно относится к

анероидам, похвалил его, но тут же, саркастически прищурясь, громко, чтоб все слышали, сказал:

— А про нас-то забыл, товарищ завхоз? Нам тоже нужно для профилактики! После купания и двойная норма не повредит! Да и хозяев-якутов угощать надо! Улахан капсе надо!

Раковский расщедрился и выделил две бутылки. Позарились на третью, но Сергей:

— Стоп! Расходный кончился, тюки развязывать не буду.

— А в кастрюльке-то, — весело напомнил Юрий Александрович.

Плот сняли, подогнали к берегу. И только тут Демка соскочил с него и ударился в тайгу.

Плот загрузили. Стали звать Демку, а его нет и нет. Степан Степанович из своей двустволки раз выстрелил, другой... Нет Демки.

Дураков по-якутски немного говорил, якута попросил:

— Вернется пес — приюти. Пропадет в тайге, сукин сын...

Плоты провели вдоль берега, в обход камней, которые называли Порогом Двух Медведей.

...Бахапча несла плоты стремительно. Порогов пока не было видно. Открылась широкая долина, отступили мрачные, крутые стены Малтана, и светлые сквозные листовенники переливались всеми оттенками золота. Плыли по глубокой, одним руслом шедшей реке. Лишь буруны кое-где прыгали, как белые зайчики. Они не были страшны, но на всякий случай их обходили. Долина Бахапчи постепенно стала сужаться.

— А вот и лебеди плещутся, — сказал Степан Степанович. Он тоже часто посматривал назад — не покажется ли Демка?

Лебедями он назвал всплески белых гребней над гладью реки. Их было много, они, как птицы, налетели

на плот и рассыпались по бревнам белыми перьями. Внизу заскрежетали камни, и плоты запрыгали, будто телеги по булыжной мостовой. Но это был не порог, а только пережат перед порогами. Назвали его Лебединым.

Напуганные первой неудачей, решили осматривать каждый порог, прежде чем проходить. Перед следующим причалили к берегу.

— Увековечим себя, догоры! — предложил Билибин.

Алехин сразу затянул, как протоиакон, «Вечную память». Все засмеялись, хотя и нервно как-то.

— У-у, кладбищенский остряк, — усмехнулся и Юрий Александрович. — Нет, друзья, помирать мы не собираемся, и нет таких крепостей, которые бы мы не взяли. Необходимо каждый порог нанести на карту и назвать. Вот я и предлагаю: порогов, как считают якуты, шесть и нас шестеро. Окрестим их нашими именами. А чтоб не было раздора между вольными людьми, начнем крестить по алфавиту — с Алехина до Чистякова. Согласны? Первый Ивановский.

Ивановский порог шумел весело и буйно, как его крестный. Внимательно осмотрев камни, Степан Степанович сказал:

— Пройдем.

И пошли. Степан Степанович командовал:

— Бей влево! Бей вправо! Влево!

Поворотливые плоты заныряли между камней, как утки, и вынырнули, вышли на чистую воду. Плотовщики облегченно вздохнули, но не успели выдохнуть, как Степан Степанович опять:

— Бей влево!

Вокруг была чистая тихая вода, но лоцман знал, что бывает на такой воде после порога, да еще на крутом завороте. Другим течением, не фарватерным, а коварным, из-под низу, со дна, плоты понесло на скалы, а там это же течение, завихряясь, могло бы потащить и на дно.

Вовремя раздалась команда. Вырвались из хитрого завихрения, прибились к другому берегу.

Юрию Александровичу очень захотелось, чтоб его порог, Юрьевский, оказался посерьезнее. Но когда осмотрели, с презрением махнул рукой на своего крестника:

— Смотреть нечего. Зря время теряем.

Но и на Юрьевском пороге — он был длинный — побить веслами и шестами довелось немало.

Третий порог Степан Степанович оглядел на ходу:

— Пройдем.

— Твой порог, тебе решать, — согласился Билибин.

И с ходу, не останавливаясь, прошли Степановский. Только вымокли до последней нитки: Бахапча то и дело окатывала ледяной водой с ног до головы. И холодно, и жарко.

Порог Степановский оказался длиннее Юрьевского. Выбрались из него только к вечеру и тотчас же пристали к берегу на ночлег.

Смертельно усталые люди были возбуждены и довольны безмерно. Три порога пройдено. Километров двенадцать пролетели. Если так плыть и завтра, то к вечеру — Колыма. Не так страшен черт, как его малюют!

А Билибин уже думал и о том, что если плоты пройдут после небольших дождей, почти в межень, то в большую воду пройдут не только плоты, но и баржи, карбасы. А если одни камни подорвать и убрать, а где-то воду приподнять плотиной, то совсем судоходной станет бешеная Бахапча. И когда на Среднекане откроются прииски, то, пока не будет построена дорога, все грузы пойдут по ней. Лучшее пути нет.

— Будет организовано Бахапчинско-Колымское пароходство, а его начальником назначим Степана Степановича! Согласен?

— Начальником и я согласен, — за Степана Степановича ответил Алехин.

— Где Демка бегаёт, сукин сын? — сказал Степан Степанович и, попыхтев трубкой, добавил: — Впереди ещё три порога. Выспаться надо...

Но заснуть Степан Степанович долго не мог. Ветерок вырывался из ущелья, выдергивал искорки из его трубки.

Четвертый, Михайловский, порог, зажатый между серых мрачных гранитных скал, на выступах которых горели, словно свечки, желтые лиственницы, пенился так, что и камней не видно. А берега, что один, что другой, прижимистые: окажись в воде — и не выкарабкаешься.

Степан Степанович же сказал, мягко и даже ласково:

— Барашки... Пройдем. Только бить надо метко: не по барашкам, а в камни.

На этом пороге Степан Степанович команд не давал. Стиснув во рту трубку, подняв вверх брови и черную бороду, он глядел только вперед, но камни видел все и бил по ним шестом, точно фехтовальщик шпагой. Лунеко и Раковский, да и все остальные, глаз с него не спускали и четко повторяли его удары. Плоты швыряло и подбрасывало, они летели и над водой и под водой... И вырвались из объятий Михайловского порога.

Не успели обветриться, как вновь набежало густое стадо барашков. И только врзались в эту отару, как первый плот, «Разведчик», вдруг зацепился за камень и — как вкопанный. Плотовщики с лету чуть не нырнули.

Второй плот едва не наскочил на первый. Алехин вовремя метко ударил веслом — удачно пролетели мимо. Иван Максимович, довольный этим своим ударом, еще и крикнуть успел:

— Задержались погостить у крестника?!

Сергей, Лунеко и Степан Степанович два часа барахтались, но снять плот не могли. Пришлось отпилить четыре бревна. «Разведчик» и раньше не был широким, а теперь совсем стал похож на челнок. Бревна, которые отпилили, так прижало потоком к камню, что по ним ходи-

ли будто по мостикам. Оставил их Раковский своему крестнику на память, и юркий «Разведчик» полетел догонять «Начальника».

За Сергеевским растянулся километров на пять Дмитриевский, по имени Чистякова, самый длинный и самый опасный: камни там-сям, буруны кое-где играют.

Десятого сентября плоты вошли в Колыму.

— Ур-а-а!!!

— Шабаш! Суши весла!

КОЛЫМА ТЫ, КОЛЫМА

На высокой стройной лиственнице, что красовалась над заилинным галечником и хорошо виделась с реки, сделали большой затес:

«10/IX-28 г. Передовой отряд К.Г.Р.Э. закончил пробный сплав. Иван Алехин. Юрий Билибин. Степан Дураков. Михаил Лунеко. Сергей Раковский. Дмитрий Чистяков. Демка пропал... Прошу Д. Казанли и С. Обручева определить астропункт устья Бахапчи. Ю. Билибин».

Юрий Александрович сожалел, что экспедиция Наркомвода, поверив в непроходимость Бахапчи, не стала ее обследовать, и надеялся, что Казанли, сплаваясь с отрядом Бертина, установит здесь астропункт. А если он почему-либо не сделает этого, то в следующем году этим займется экспедиция Сергея Обручева, которая будет плыть по Колыме... Кто-то обязательно должен нанести на карту точные координаты устья Бахапчи. Порожистая, но вполне сплавная река, послужит освоению Колымского края!

— А теперь, догоры, наша цель — Среднекан!

Отвязали чалки и на рассвете тронулись по Колыме. После каверзного Малтана и бешеной Бахапчи плыть по широкой полноводной и спокойной реке — одно удовольствие. Колыма здесь в высоких берегах, без перека-

тов, бурунов, почти без изгибов и островов. Шевели потихоньку кормовым веслом, поудобнее устроившись на тюках, освежай прохладной чистой водицей горячие волдыри на натруженных руках, залечивай рубиновые эпoletы и любуйся сколько душе угодно красотами вожделенной Колымы.

Слева и справа падало, сверкая по валунам, много речек и ключей, безымянных, не помянутых на спичечной карте Макара Медова. Разобраться невозможно, где какая... Хорошо бы встретить кого-нибудь. Макар говорил, что где-то здесь, близ устья Дебина, реки, впадающей слева, должна быть заимка якута не то Дягилева, не то Лягилева.

Только подумали об этом, глядь, на откосе человек. Плоты — к берегу. Сергей — прямо в воду и, будто белка, скок, скок, наверх. Но человек бежать. Сергей — за ним, тот — от него. Ненормальный или одичавший какой-то... С полчаса гонялся за ним быстроногий Сергей и привел за руку. Беглец оказался уже немолодым: весь какой-то помятый, замурзанный, с бегающими красными глазками... И лишь одно бормочет:

— Мин суох... мин суох...

Его угощали, подарками одаривали, но ничего, кроме «мин суох», не добились. Даже фамилию свою не вспомнил. Узнали только, что река, по берегу которой гонялся за ним Сергей, как раз и есть Дебин.

— Баар... баар, — подтвердил «гость».

Распрощались очень ласково, в торбу и за пазуху напихали ему всяких угощений и подарков. Вслух жалели его: может, родился таким, может, испортили человека медведь или какая-нибудь белая банда, шаставшая по Колыме, а может, он десять лет ни одной живой души не видел и за все это время ни разу, что такое Советская власть, не слышал.

— И мы здесь первые ее посланцы, представители! —

говорил Юрий Александрович, одаривая якута. — Понимать надо!

Дебин — первая большая река после Бахапчи. Дальше должны быть примерно такие же реки справа — Урутукан, слева — Хатыннах, или Березаллах, с березовой долиной, затем Таскан, Лыглыхтах, Ускунья, а там и — Среднекан, по-местному Хиринникан — Долина Рябчиков.

После Дебина решили останавливаться у каждой реки и речки, осматривать устье и брать пробы на золотосность. В устье Дебина в лотке оказались желтенькие крохотные знаки. Такие же намыли на Урутукане и Хатыннахе. А в устье Таскана в лоток Раковского попала маленькая гладенькая золотинка. На речке, впадающей справа, — опять две золотинки. Здесь же, на вечерней зорьке, настреляли жирных уток. Макар Медов называл эту речку Ускуньей, но сплавщики, воодушевленные удачной охотой, перекрестили ее в Утиную, а соседнюю — в Крохалиную. Ликовали охотнички!

Юрий Александрович ел утятину, любовался тусклыми золотинками, первенцами... И восторгался, и сетовал в то же время:

— Вот она — Золотая Колыма! Здесь пряжка золотого пояса Великого и Тихого океана! Эх, долго добирался! Хотя бы на месяц раньше! Мы бы тут все эти речки облазили! Как, Сергей Дмитриевич? А, Степан Степанович! Ну, догоры, колымские аргонавты?

Догоры, колымские аргонавты, конечно, с ним соглашались и тоже вздыхали: лето кончилось, да его и не застали, а уже пахнет зимой.

Колыма здесь хотя и тихая, без порогов, без шивер, без бурунов, но, видно, с трудом пробивала себе дорогу: то толкалась в гранитные скалы — отроги хребта, то продиралась протоками по широким долинам, то устремлялась на север, то круто поворачивала на юг. На плоти-

тах плыли, как на маятнике качались: солнце — то слева, то справа, то в лицо, то в затылок.

И острова начали встречаться. За ними и поросшими тополями и чосениями осередышами трудно разглядеть выпадающие в Колыму речки и ключики. Гадали порой — речка какая пала или это протока самой Колымы? Кажется, пора быть Среднекану — надоело две недели болтаться на плотках, да и прохладно стало.

Наконец увидели какую-то речку. При устье — небольшой галечный осередыш, на противоположном берегу — коса, дальше вниз виден остров с кустарниками. По приметам, вроде Среднекан, и Юрий Александрович сказал:

— Точка! Приплыли.

Причалили плоты, начали подбирать место для склада и палатки. Но Юрий Александрович с Раковским решили осмотреться получше. У правого берега, чуть выше устья, по словам Макара Захаровича, должна быть небольшая каменистая шивера, а ее нет, да и второй островок должен быть «на полкеса» ниже, а тут совсем рядом...

— Нет, догоры, — сказал Билибин, — это еще не точка...

— Запятая? — усмехнулся Алехин.

— Запятая.

Так и стала значиться речка Запятой.

Двенадцатого сентября подплыли к реке, по всем приметам похожей на Среднекан: и за шиверу, как за пережат зацепились, в последний раз поработали стяжками, проталкивая «Начальника».

Пока с ним возились, Сергей пробежался по берегу и скоро вернулся радостный, сияющий:

— Ура-а! Точка! Среднекан! Тут якут заезок* горо-

* Плетень в реке — ловушка для рыбы.

дит, рыбу ловит... Толковый якут! Подтвердил: Хиринникан! Среднекан!

И все ликовали, кричали «ура» и палили из ружей.

Разгрузили плоты, поставили палатку, груз уложили в табор. И только его укрыть успели, как повалил снег. Крупный, тяжелый, сырой, он ложился на землю, на не опавшую еще листву, но не таял.

Якуты говорили: если в сентябре снег ляжет, то до самого июня лежать будет, потому что на Колыме — ни осени, ни весны.

— Колыма ты, Колыма — чудная планета! — радовался Билибин.

— Двенадцать месяцев — зима, остальное — лето, — подхватил Иван Алехин.

И все нараспев, с приплясом, стали повторять:

Колыма ты, Колыма,
Чудная планета!
Двенадцать месяцев — зима,
Остальное — лето.

Так родились первые стихи о Колыме.

А колымские стихотворцы, не задумываясь, что несет им долгая зима, радовались первому снегу и затеяли играть в снежки. Начал Юрий Александрович, запустив большой крепкий ком в своего соавтора — Алехина.

Иван, как всегда, с присказкой:

— Наш ответ Чемберлену! — да промахнулся, попал не в Билибина, а в Раковского, Сергей — в него...

И грянул бой. Даже степенный Степан Степанович и тот ввязался в баталию. Гогот разносился далеко, и зверь разбежался.

— Стоп, догоры! — скомандовал Билибин. — Поразмяли косточки и хватит. Омоемся, чайку попьем и — за дело!

Обнажились, натерлись снегом до красноты — омы-

лись. После чаепития, как решили, трое остались на устье Среднекана сторожить табор, а трое — Билибин, Раковский и Лунеко взвалили на плечи сидора. Раковский взял свой винчестер, Билибин — сэрвич и пошли по левобережью Среднекана.

— Вы там, ребята, остерегайтесь, — напутствовал Степан Степанович. — Средь нашего брата всякие бывают. Заслышим выстрелы — придем.

— Я с вами пойду, — схватил берданку Алехин. — Тут и двое справятся, а у вас Мишка-артиллерист без пушки.

Впереди шагал Сергей Раковский, поджарый, невысокий, шустрый. Билибин старался от него не отставать и умело перенимал шаг непревзойденного ходока. Миша Лунеко выжимал из себя последние силы, но его ичиги почему-то очень скользили. Алехин подталкивал парня и посмеивался:

— Сидор тащить — не за хвост батарейной кобылы держаться.

Наконец за высокими кустами тальника заметили черный, от смолистых стлаников, дымок, а рядом с ним поднимался и опускался, будто кланялся, шест, и донесся скрип.

Юрий Александрович крикнул:

— Ванька, тормози лапти: деревня близко!

— Иван, глянь, и впрямь деревня — колодезный журавль! — обрадовался Миша.

— Оцеп, — поправил Сергей и мрачно добавил: — Хищники скрипят.

Пошли на этот скрип и наткнулись на какой-то помятый железный котел с резиновыми шлангами-щупальцами, как у осьминога.

— Ого, бойлер! Двухкубовый, не наш, американской марки, — недоуменно отметил Юрий Александрович.

От бойлера по заснеженной тропе вышли на изрытую, с кучками вынутого галечника, косу.

— Ну и шурфы... — уныло протянул Раковский. — Ямы помойные. Накопали где придется, куда полтинник упадет.

— Н-да, испохабили землю, — согласился Билибин. — Тут и не подсчитаешь, сколько приходится золота. Ну что ж, пришли — будем наводить порядок. Это, значит, ключ Безымянный — на него дана заявка. Эти, с позволения сказать, шурфы будем считать первой разведывательной линией, а следующие линии заложим выше по ключу. Так, Сергей Дмитриевич?

— Так, Юрий Александрович. А пока познакомиться надо с хищниками-то... Вот один вылезает.

Из ямы, как червяк, выкарабкался худенький щуплый человечек в стеганом черном ватнике, в овчинной папахе, из-под которой едва видны были маленькие глазки, с ножом на опояске в якутском кожаном чехле.

— Капсе, догор, — поприветствовал Сергей сквозь зубы. — Скрипите?

Человечек, еще не поднявшись с земли, вдруг увидел перед собой четыре пары ног, крепко стоящих на гальке, вздрогнул и заморгал маленькими глазками.

— Как золото? — спросил Билибин властно и строго.

Человечек, будто язык проглотив, раскрыл беззубый рот и забегал глазками, чуть приподняв их, по ружьям, висевшим на плечах неожиданных пришельцев. Остановился на безоружном, в долгополой красноармейской шинели Мише Лунеко. Видимо, его посчитал за главного и стал отвечать ему:

— Мало... Совсем мало, начальник.

— А это и есть ключ Безымянный? — спросил, чтоб удостовериться, Билибин и кивнул на узенькую — перепрыгнуть можно — речку, прижатую к правому скалистому берегу у самого устья.

- Аллах знает... Все они тут безымянные...
- А сам-то с именем?
- Как зовут, что ль? Сафейкой зовут. Татарин я бедный, ничего нет: дома нет, жены нет... Ничего нет.
- А золото есть.
- И золота нет. Ничего нет! Вон там хозяин есть...
- Ну, веди к хозяину, Сафейка.

Сафейка, совсем не по-стариковски, вприпрыжку побежал по затоптанной средь снежного снега тропе к низенькой, с плоской крышей, хибаре, срубленной из неошкуранных лиственниц. Из нее доносились крикливые — видимо, там ругались — голоса.

Сафейка распахнул дверь.

— Гости, Иван Иванович! Принимай, хозяин, гостей!

Голоса в хибаре смолкли. В двери показалась грузная фигура и загородила весь проем. Голова, крупная, седая, поднялась над притолокой и засверкала двумя рядами золотых зубов.

— Здравствуйте! Милости просим! Проходите! Сологуб буду. Иваном Ивановичем дразнят, слышали? А на самом деле — Бронислав Янович. А вы зовите как хотите, только в печку не суйте. А это мои артельщики: Софрон Иванович, — указал он на Сафейку, — Гайфуллин, первый в здешних местах разведчик, а здесь, проходите, Бovyкин, Якушков, Канов, Беляевы... С Олы будут...

Маленькое окошечко, затянутое бязью, почти не освещало хибару, и невозможно было не только рассмотреть Беляевых, Якушкова, но и сколько их — сразу не сосчитаешь.

— А вы будете экспедиция? И кто ж среди вас Билибин? — спросил Сологуб.

— Я — Билибин, — как можно спокойнее, но настоятельно ответил Юрий Александрович.

— Сологубы! Билибины! Один род древнее другого, а встречаются на краю света, на золотом пятачке.

Ну, снимайте оружие, котомочки, садитесь. А мы тут немножко вздорим. Снег выпал, ну и разбегаться людишки хотят. Морозы здесь, говорят, ужасные, не то что в ихней Оле. Неделью назад мой напарник Хэттл ушел. Не встретился вам? Американец, а матерился крепче русского. Все Колыму проклинал. Я с этим Хэттлом на Клондайке познакомился, он-то меня и в Охотск затянул, а потом — сюда. А теперь сам сбежал и бойлер свой бросил... Услышал о вашей экспедиции, да еще о каком-то Союззолоте, так и домой потянуло. Много вас?

— Много. Более двадцати человек в экспедиции, не считая Союззолота. А вас?

— И нас немало. Ну, а что ж, ружья-то и котомки не снимаете? Располагайтесь. У нас и банька есть.

— Спасибо. Банькой еще попользуемся. А сейчас дальше пойдем вверх по ключу Безымянному.

— Что так торопитесь?

— Не люблю откладывать на завтра, что можно сделать сегодня.

— По русской поговорке живете?

— По русской.

НА ЗОЛОТОМ ПЯТАЧКЕ

Речка, прихотливо извиваясь, бежала меж высоких каменистых берегов, поросших красноталом, курчавой ольхой, тонкими желтыми березками. Она была очень красива в осеннем наряде, посеребренном снегом. Ее называли Безымянной, а надо бы иначе: Веселой, Игровой, Красавицей.

Когда усталые, измученные и голодные билибинцы пробирались по каньону Безымянной, начальник отряда, словно горный баран, то и дело взлетал на ее высокие берега, осматривал долину и простым глазом и в би-

нокль, восхищался пологими, с мягкими плавными очертаниями, сопками, окружавшими долину, и с высоты кричал:

— На такие сопки можно надеяться! Немолодые, неостроверхние. В таких горах и коренное золото может быть! Как, догоры?

Эту старинную примету знают все золотоискатели, и догоры, устало вздыхая, соглашались:

— Возможно...

— Весьма возможно! — поправлял Билибин.

Юрий Александрович так верил в свою мечту, в золотую пряжку Тихоокеанского пояса, что, не сомневаясь, думал: россыпное косовое золото, за которое случайно зацепились в устье Безымянной, непременно приведет в долине этой же речки не только к более богатой россыпи, но и к тому коренному рудному месторождению, от которого пошла она.

Почему же старатели артели Сологуба, и американец Хэттл, и тот же Поликарпов, подавший заявку на ключ Безымянный, не попытались пройти по нему вверх? Каждый чечако из джек-лондоновских рассказов, каждый золотоискатель Калифорнии и Аляски знает, как идти от бедных россыпей к богатым. А эти даже не попытались...

— Почему, Сергей Дмитриевич?

— Чтоб идти вперед, надо бросить то, что под ногами. Так говорил Вольдемар Петрович. А они зацепились за пяточок и не бросят его, пока всю землю вокруг не изроют, потому что жадные и трусливые, — ответил Раковский.

— А мы не жадные и не трусливые, и нас груз прошлого назад не тянет, — почти декламировал Билибин. — И мы идем вперед! А есть что-то пророчески знаменательное в том, что Вольдемар Петрович Бертин открыл Золотой Алдан на ключике Незаметный, а мы откроем

Золотую Колыму на речке Безымянной! Все великие открытия начинаются с незаметных и безымянных! Запомните, догоры! — И с высокого берега, размахивая руками в обе стороны долины, кричал: — Здесь пройдет наша первая разведывательная линия! От этой красавицы лиственницы! А вон там, от подножия сопки, будем бить вторую. Всю долину покроем сетью шурфов и поймем все золото! Согласен, Сергей Дмитриевич? Согласны, догоры?

Раковский и все друзья-догоры были согласны с начальником, но от усталости у них языки не ворочались. Даже Сергей, неутомимый ходок, с ног валился. Слабым голосом он ответил:

— Согласен, со всем согласен! Я под этой красавицей лиственницей ноги протянуть согласен.

Его поддержали и другие. И здесь, примерно на пятом километре от Среднекана, отмахав в этот день верст двадцать пять с гаком, билибинцы кое-как натянули палатку и заснули как убитые.

Здесь же на следующее утро начали устраивать базу: рубить барак, ставить лабаз. За один день на берегу высоком, но с очень удобным спуском к речке — по камням, как по лестнице, — выросло в десять лиственничных толстых венцов доброе строение с маленьким оконцем на красную сторону, с тамбуром — сенями для удержания тепла. На стропила уложили накатник из тонких лиственниц, на него — ветки стланика, и крыша заблестела изумрудом вечнозеленой хвои. Из больших камней сложили печку, да такую, что первый хлеб, выпеченный Степаном Степановичем и Раковским, хотя и попахивал дымком, показался вкуснейшим.

Но не успели обжиться на новом месте, обновоселиться, не успели перенести свое имущество с устья Среднекана на базу, не начали зарезать первые разведывательные шурфы, как объявились на Безымянной еще четыре

артели. Неведомыми тропами прокрались Тюркин и его кореши — «Турка и турки», о которых недобрая слава бродила по сибирским приискам. В одночасье с ними притопали и те самые охотские, что на краденой шлюпке приплыли в Олу. Их трое с главарем Волковым. Узнав об этом, Билибин вспомнил Лежаву-Мюрата, который строго наказывал и Билибину, и Ольскому тузрику не доверять «туркам» и «волкам». По пятам за ними приплелись одиннадцать хабаровцев с тощими котомками, в подбитых ветром ватниках. И откуда-то, словно из-под земли, появились три корейца. Тридцать «хищников» сгрудились на маленьком пятачке устья Безымянной. Новые начали спорить со старыми, тянули жребии из шапки, рвали участки друг у друга, орали и матерились до хрипоты. У каждого на опояске висел нож, и всякий за него хватался...

Лихорадочно задолбили землю кайла. Повалил в чистое лазурное небо черный дым пожаров. Полилась из Безымянной в Хиринникан мутная вода.

Ужасно недовольный такой бессистемной хищнической разработкой месторождения, Билибин со своим маленьким отрядом был бессилён навести какой-либо порядок, хотя и пытался. Всех и каждого в отдельности старался он убедить искать и добывать золото по определенной системе, по научному методу.

Старатели слушали его, кто разинув рот, кто почесывая затылок. Но всегда находился такой, который косил на Юрия Александровича недоверчивым глазом. Он-то и завершал разговор:

— По-ученому, значит? Отмерить аршином, или, как теперь, — метром, и — копай? А он, что ж, метр ваш деревянный, точнее бога знает, где золото хоронится?

— Нет, полтинник вернее, по-крайности без обману. Пофартит, так пофартит, как в карты... А нет — на бога не взыщи, на судьбу не ропщи.

— Знаем мы вас, ученых. Вся ваша наука — нашему брату голову морочить.

Так отмахивались и на этом расходились и забайкальские «турки», и охотские «волки», и хабаровцы. Кореицы молчали, опустив глаза в землю.

Лишь Сологуб среди своих сказал:

— А может, ученые-то правы?

Бронислав Янович, как успел заметить Билибин, не был таким непробудно темным, как охотцы, хабаровцы и ольчане, да и таким безрассудно жадным «хищником», как Тюркин и Волков, не был. Родился и воспитывался он, по всему видно, в образованной семье, окончил, по крайней мере, гимназию или реальное училище, да и набрался ума-разума изрядно, скитаясь по приискам России и Америки. Особенно он любил всякую механику...

Юрий Александрович надеялся на его поддержку и думал, что если Сологуб со своей артелью согласится работать по-новому, то, возможно, вслед за ним пойдут и другие.

Но Бронислав Янович окинул недружелюбным взглядом своих ольчан и лишь языком цокнул:

— Нет, дорогой коллега, чтоб так по науке работать, механика нужна и много людей. А у нас был бойлер, да и тот в отчаянии поломал господин Хэттл... А теперь и мои ольчане лыжи вострят... Но бойлер я поставлю на ноги!..

Билибину больше ничего не оставалось, как ждать приисковое начальство, которое обещал направить на Колыму Лежава-Мюрата, и надеяться, что эта власть будет действовать в тесной смычке с экспедицией.

И дождался. В конце сентября прибыли управляющий Верхнеколымской приисковой конторой «Союззолота» Филипп Диомидович Оглобин и старший горный смотритель Филипп Романович Поликарпов. Они, не заходя в Олу, два месяца пробирались из Охотска до Среднека-

на. Ехали на лошадях и десять коней вели под вьюками. Приблудная белая собачонка вертелась между ними.

Оглобин прежде никогда не занимался золотым промыслом, всю жизнь, лет тридцать, лесничил, крутыми мерами наводил порядок, пресекая незаконные порубки. Своей твердостью, неподкупностью и энергией пришлось по душе Лежаве-Мюрату.

На Среднекане Филипп Диомидович сразу же повел жесткую политику. Он натянул свою палатку не там, где стояли бараки «хищников», не на берегу, а прямо на старательской площадке, среди накопанных ям. К стволу уцелевшего тополя приколотил фанерку, оторванную от вьючного ящика, а на ней густыми чернилами написал:

«Вся территория от Буюнды до Бахапчи закрепляется за государственной организацией «Союззолото». Все старатели обязаны сдавать намытое золото по цене 1 рубль 13 копеек за грамм в приисковую контору. Копать пески только там, где укажет старший горный смотритель Поликарпов Ф. Р. по согласию с начальником К.Г.Р.Э. Билибиным Ю. А.».

В объявлении чувствовался стиль самого Лежавы-Мюрата, да и характер управляющего сказывался. Вывешенное без ведома Юрия Александровича, оно явилось для него очень приятной неожиданностью и предзнаменованием того, что его надежды на новое приисковое начальство оправдаются: будет крепкая смычка и вольный дух «хищников» будет сломлен! Билибин хотел бы только вместо себя указать в объявлении Раковского, которого он уже назначил заведующим разведовательным районом. Но такая поправка будет внесена.

Среди старателей объявление Оглобина вызвало сильное негодование. В сологубовской артели особенно были недовольны и даже обескуражены тем, что старшим горным смотрителем над ними оказался Филипп Романович Поликарпов. Бовыкин, Канов и Сафейка вместе с ним

много лет бродили по колымской тайге, искали золотишко, а когда в прошлом году зацепились здесь за него, то что-то не поделили. Поликарпов отправился с заявкой в Охотск, а они привели на этот заветный ключик целую артель... Теперь от выдвигенца Поликарпова ничего хорошего не жди. Хэттл вовремя ушел, и им надо поскорее уходить.

Вечером Оглобин возле своей палатки собрал весь приисковый народ, пригласил и разведчиков. Сам сел на пенек, распахнул черную кожанку, выставив напоказ ярко-кумачовую шелковую рубашку, властно оперся рукой в колено и, подкрутив жесткие, пшеничного цвета усы, громко спросил:

— Объявление читали? Ну а теперь — доклад.

Начал с текущего момента и с Чемберлена, который грозит нам. Чем грозит, не пояснил, а сказал, что мы добываем золото не для Чемберлена, а своему рабоче-крестьянскому государству и должны это золото все до крупицы сдавать в государственную кассу, то есть в контору, и это будет наш ответ Чемберлену.

— А кто не хочет — убирайся вон! Все. Вот такие шишки. Доклад окончен. — Оглобин направился к палатке.

Но люди не расходились, переминались, отколупывали от ватников обледелый снег. Наконец кто-то из хабаровцев несмело спросил:

— А где оно, золото-то?

Другой посмелее:

— А транспорт когда придет?

Хабаровцев поддержал и охотец, из «турков»:

— Портки сползают, а ни транспорта, ни золота не видно!

— Когда сползут, тогда и увидишь, — сострил Алехин.

Все — в хохот, лишь заикнувшийся о портках обиделся.

— Им, разведчикам, можно ржать: у них есть золото, нет золота, а за каждый шурф, за каждую проходку денежки в карман. А вы чего ржете?

Все враз смолкли, будто вдруг дошло, что контора за копку ям и промывку песков платить не будет, а только за золото.

Билибин воспользовался молчанием и четко, твердо, так же, как и Оглобин, но с уже нескрываемой усмешкой сказал:

— Тут старатель позавидовал разведчикам. Так я предлагаю всем: идите к нам на проходку разведочных шурфов, и мы будем платить за каждую проходку.

— А сколько?

— На портянки хватит?

— Сколько своим рабочим, столько и вам.

— В Охотске больше платят!

— И у нас, на Амуре, больше.

— А на Алдане, говорят, еще больше!

— Подумаем, посчитаем, возможно, алданскую положим, — пообещал Юрий Александрович.

— Ну и мы подумаем...

THERE IS NO SANDS...*

Контроль за старательским намывом золота Оглобин и Билибин возложили на старшего горного смотрителя Поликарпова и заведующего разведрайоном Раковского.

Сергей и прежде очень серьезно и ответственно относился ко всему, что бы ему ни поручали. После собрания он еще сильнее осознал, что они здесь, в отдаленном крае России, не только разведчики, но и представители государства, стражи его интересов.

* Нет песков...

Отправляясь из Олы, Сергей по просьбе милой, восторженной комсомолки Галины Миндалевич, которая и стихи писала, и декламировала, и пела, и на гитаре играла — а он, Сергей, подыгрывал ей на мандолине, — положил в карман гимнастерки две записные книжки, вырезанные из общей, в черном коленкоровом переплете, тетради, пообещал вести дневник. И еще обещал писать ей, даже если не будет возможности посылать письма.

В пути было много острых романтических ощущений, особенно на бахапчинских порогах, но Сергей не сделал ни одной записи и не написал ни одной строки Галочке Миндалевич. Теперь же Сергей твердо решил делать записи каждый день, но кратко, без эмоций, как в судовом журнале, а о всяких подробностях рассказывать в письмах к Галине и к другу Эрнесту.

На следующее после собрания утро мелким четким почерком, буквами, похожими на бусинки, на первой странице черноколенкоровой книжки Сергей Раковский написал:

«1 окт. 1928 г. кл. Безымянный.

Вчера были на собрании рабочих-старателей. Представитель С. З. Оглобин делал доклад. Ввиду жалоб рабочих на отсутствие золота, так как разведанных участков нет, мы предложили им временно работать у нас на шурфовке. Относительно расценки на работы договориться не смогли. Условились, что мы ее выработаем, а затем предложим.

Домой пришли поздно. Идти было скверно, так как с утра все время шел снег, а к вечеру подморозило.

В конце того же дня Сергей дополнил эту запись:

«Сегодня Оглобин и служащий Поликарпов (работавший ранее в этих местах, приехал с ним из Охотска) были у нас. Совместно с ними обсудили расценки на рабо-

ты. В основу взяли А. З. Наши расценки по сравнению с алданскими ниже.

Снова идет снег».

Снег валил весь день. И снова, как вчера, к ночи стало подмораживать. Обговорив расценки и другие дела, Оглобин и Поликарпов по настоянию Юрия Александровича остались ужинать. Билибин очень хотел развязать язык молчаливому Поликарпычу, чтоб побольше разузнать о Колыме, о его поисках колымского золота.

Выпили, разговорились, ударились в воспоминания. Лишь только Филипп Романович помалкивал. Крепкий мужик, он не пьянел от выпитого, лишь оглаживал свою смоляную бороду-лопату и с поклонами благодарил начальника экспедиции за угощение, а больше за то, что приехал тот на Безымянный проверять его заявку.

— Фартовый ключик... Золотой ключик, — повторял Поликарпов.

Он не верил тем, кто болтал об отсутствии золота:

— Хитрят, креста на них нет. Ключик верный...

Чувствовалось, что Филипп Романович нашел в этом ключике свою судьбу, все свои надежды возложил на него:

— Получу вознаграждение, отправлюсь на родину — в Рязанской губернии я родился, под Скопиным, — хозяйством обзаведусь, женюсь...

А когда Билибин напомнил ему, чтоб разговорить, о том, как Миндалевич сажал его в тюрьму якобы за утайку золота, Филипп Романович отмахивался:

— Бог с ним, с Миндалевичем-то... Ключик зазолотил и — слава богу! Сколько он даст пудиков-то, Юрий Александрович? Мы бы летось два пуда намыли, да отошали...

— Два пуда — это мелочь. Безымянный больше даст. Вот разведем и точно подсчитаем. Но и это еще не все! На Безымянном Колыма клином не сошлась! Таких клю-

чиков, как твой, в этом краю много. Про Бориску-то слышали?

— Как не слышать... Его ключик и искали, да не нашли. Якуты Александровы похоронили Бориску. Где-то здесь, на Хиринникане, а точно где — или рассказать не сумели, иль я не понял. Словом, пока еще не вышли на этот ключик. Александровы сюда приедут и точно покажут Борискину могилу, а там, надо полагать, и его ключ...

— А Розенфельд где ходил?

— Не знаю. С Розенфельдом Сафейка ходил, вместе с Бориской у него в конюхах ходили. Но где ходили, там золото не находили.

— А вот карта Розенфельда, — Юрий Александрович извлек из полевой сумки копию. — Крестиками помечены золотые жилы, похожие, как писал Розенфельд, на молнии.

Все — и Поликарпов, и Оглобин, и даже Раковский — чуть лбами не стукнулись над восьмушкой бумаги.

— А где эти крестики? — в один голос спросили.

— В том-то и дело: крестики есть, а привязки у них нет.

Мало сказал Поликарпыч, и спирт не помог развязать его язык. Никаких легенд, на которые так охочи золотискатели, от Филиппа Романовича не услышали. Поликарпов молчал не потому, что был скрытен, а потому, что никогда языком попусту не трепал. Но и то, что сказал он, было ценно.

Юрий Александрович отправился провожать гостей и проводил их почти до самого стана. А по дороге составлял план поисковых и разведочных работ... Борискин ключ покажут якуты Александровы. Они, вероятно, придут с ближайшим транспортом, а не придут, то их можно и привезти за счет экспедиции и Союззолота — за деньги старик Александров все покажет. И тогда на Борискином ключе экспедиция, как и на Безымянном, возьмется за

дело... Но, пока не разведает, «хищников» на ключ не пускать! Ну, а места, где ходил Розенфельд, покажет Сафейка, если его нанять в экспедицию проводником. И тогда найдутся те молниеподобные жилы, что помечены на карте Розенфельда загадочными крестиками. Другой отряд направим по Колыме обследовать те речки, которые проплывали... А сам Билибин еще раз пройдет по порогам Бахапчи: и золото поищет в ключах, впадающих в Малтан и Бахапчу, и докажет еще раз, что по бешеной Бахапче можно сплавлять грузы.

— Согласен, Филипп Диомидович?

— Согласен. Вместе! — ответил Оглобин. — А сейчас надо пробиваться в Олу, проталкивать транспорт, а то с голоду подохнем. И якутов Александровых я сюда доставлю.

Вечером, сидя у окна за ладно сооруженным столиком, Сергей написал три письма: лирическое — Галинке, грубовато-шутливое — Эрнесту Бертину, нежное — сестре в Иркутск. Письма предполагалось отправить в Олу с Оглобиным.

Задержка транспорта начинала всех очень беспокоить, и вчера, услышав от Раковского и Билибина, как политкомиссар Бертин доставлял продовольствие на голодающий Алдан, Филипп Диомидович твердо решил отправиться, прихватив все девять лошадей, в Олу, чтоб поторопить и организовать транспорт.

Сырой тяжелый снег валил и на третий день. Утопая в нем, вымокшие, разбили вторую разведывательную линию в долине Безымянного. За первую Билибин все же решил считать старательские ямы в устье ключа. Во второй линии от левой террасы долины до правой наметили семнадцать шурфов, каждый на двадцать метров один от другого.

Четвертого октября с утра было ясно, но в обед, когда Степан Степанович и Миша Лунеко приступили к шур-

фовке — начали расчищать площадку, делать зарезку, — снова повалил снег. В этот день Раковский окончательно доработал и переписал начисто расценки для старателей и направил их в приисковую контору.

Сергею казалось, что он хорошо знает старателей... Как бы ни жаждали они шального золота, но, пока его нет, они готовы урвать и медную денгу. Согласятся временно поработать на шурфовке потому, что оплачиваться этот труд будет неплохо, а тем, кто хорошо работает, приисковая контора выделит разведанные участки в первую очередь.

Так думал и Юрий Александрович. Соглашаясь на высокие, не предусмотренные сметой расценки, он надеялся с помощью старателей за короткий срок разведать всю долину ключа Безымянного, а золото, которое будет найдено, покроет все непредвиденные расходы. Об этом он договорился и с Оглобиным, пообещав все разведанные участки незамедлительно передать прииску.

Примерно так думали и Оглобин и Поликарпов, тоже вполне уверенные в золотоносности ключа Безымянного, в том, что труд старателей не пропадет даром.

Но старатели рассудили иначе. Несколько дней они спорили и ряздили. Оглобин как раз перед этим ушел в Олу, Поликарпов в споры и уговоры не вступал, всю кашу пришлось расхлебывать Билибину.

Тюркин, сдвинув шапку набекрень, сверлил Юрия Александровича одним глазом, другой был прикрыт длинной челкой:

— На ученых шурфить? Кукиш с маслом!

— Две ямы уже на углубке. Бросить прикажете? А кто за эти ямы заплатит? — зло огрызались артельщики Волкова.

— Да и заплатят... Бросишь ямы, а вдруг в них бешеное золото?

— За такое золото наш брат сам в петлю полезет!

— А вас, ученых, с потрохами сожрет! — с угрозой процедил Тюркин и пошел от Билибина развалистой походкой.

— Значит, и высокие алдацские расценки вас не устраивают?

Все молчат.

— Значит, ямы ваши не такие уж пустые? Все ли золото сдаете?

— Проверять...

— Проверим!

12 октября Сергей записал:

«Сегодня ходил на стан. Заказал лоток для промывки проб и кое-как достал жестяную банку для согревания воды при промывке проб.

Осмотрел работы старателей. Одна артель, Тюркина, промыв примерно 180 лотков, намыла 166 граммов — прилично... Пласт в их ямах немного светлее, чем у нас. Остальные старатели работают хуже.

Идти на разведку, по предложенной расценке, старатели не согласились. Погода хорошая. Ясно, морозит».

Но каждый день Сергей не мог проверять старателей: своих забот и работы было невпроворот. Он вставал в шесть утра, вместе с Юрием Александровичем делал пробежку вокруг базы, обтирался снегом и в семь часов проводил утренние наблюдения над погодой: записывал температуру, облачность, ветер, отмечал, сколько выпало снега. Потом отправлялся вместе с рабочими на шурфы, и там делал все, что и они: пожоги, зарезки, углубку, заготовку дров. Возвратившись на базу, кашеварил, пек хлеб, снова проводил метеонаблюдения. Вечером — метеонаблюдения, записи в книжку, в шурфовочный журнал, в эти же дни он тщательно готовился к промывке проб.

Старателей чаще проверял Поликарпов, старший горный смотритель. Бывал на их ямах и Юрий Александрович.

25 октября, когда мороз был под тридцать пять, Билибин вернулся со стана поздно. Он любил ходить по крепкому морозу — шапка в руке, дубленый полушубок нараспашку — и возвращался бодрый и веселый. Но в этот день пришел не в духе:

— Все у них по-старому. Хищники есть хищники... Сологуб американку сколотил, а все остальные моют лотками. В бараках, как кроты. Волк намыл двести граммов. И у корейцев неплохо.

— А Турка?

— У него хуже.

— Ворует, подлец.

— Все они подлецы и жулики. Пальцы в рот не клади. А как у нас?

Юрий Александрович, не снимая дубленку, присел к столу и заиндевелой бородой уткнулся в шурфовочный журнал.

— Закончил смывать пробы десятого, девятого, восьмого и седьмого шурфов, — неторопливо ответил Раковский и тяжело выдохнул: — Пусто. Лишь в девятой четверти седьмого шурфа оказались вот такие слабые знаки, — Сергей развернул бумажный пакетик со шлихом и едва видимыми блестками.

— Весьма слабые, безнадежно слабые, — покачивал кудлатой головой Билибин. — Турка и соринками бы их не назвал.

— Все шурфы сели на мерзлоту. От пожаров тают плохо. Через два дня начну мыть пробы двенадцатого, одиннадцатого, шестого и пятого.

Двенадцатый, одиннадцатый и шестой шурфы тоже оказались пустыми. Лишь пятый шурф порадовал знаками и трехграммовой золотинкой. Осталось промыть при-

террасовые шурфы, хотя от них и не ожидали ничего доброго.

— Подвел нас Безымянный, не оправдал надежд, — печально констатировал Билибин. — «There is no sands...». Но неужели американец Хэттл прав?

— Вчера приходил Поликарпов. Чувствует себя виноватым и несчастным, выпить попросил...

— Н-да, заявочка его на долину Безымянного не подтверждается, но пусть он голову не вешает. Подойдут наши. Организуем выше устья Безымянного, по Хиринникану, второй разведрайон. А летом развернем такие поиски! Нам бы лишь лета дожждаться!

Начиналась долгая колымская зима.

ПРАЗДНИК НА ПРИСКЕ

Двадцать первого октября по льду Безымянного, не встретив ни одной полыньи, пришел с прииска Поликарпов. Он принес обратно почту — те письма, которые направлялись в Олу с Оглобиным. Филипп Диомидович уходил с девятью лошадьми и в сопровождении ольчан из артели Сологуба, пожелавших уйти домой. За Среднеканским перевалом они встретили такой глубокий снег, что пришлось вернуться. Три лошади у них пали, трех, вконец истощенных, вынуждены были убить уже на стане, а те, что остались, настолько ослабли, что, если не поставить на корм, подохнут... Кормить же на приiske их нечем: ни овса, ни сена...

— Вот она, матушка-тайга, — закончил свой невеселый рассказ Филипп Романович и еще печальнее добавил: — По такому снегу олени с Олы не пройдут, транспорта нам скоро не дожждаться.

В этот воскресный день погода стояла хорошая, слегка морозило. Никто не работал. Юрий Александрович

вместе с Елисеем Ивановичем, представителем Якутского ЦИКа, недавно приехавшим на прииск, ушли на охоту. Один лишь Раковский возился с шурфовочными журналами: зарисовывал разрезы ям и писал на них: «пусто», «пусто»...

Закончив, Сергей закрыл журнал и, чтоб как-то утешить Поликарпыча, бодренько заговорил:

— Якутским правительством к нам специально прикомандирован человек! Владимир Елисей Иванович. Приехал он с представителем Тасканского кооператива Поповым Петром Васильевичем. Мы заказали им теплые вещи, лыжи, кое-какие продукты. Правда, многого не обещают, но кое-что к первому декабря подбросят, оленей подгонят...

Филипп Романович то ли уже знал об этом, то ли не очень надеялся на эту помощь, как-то безучастно выслушал, поднялся и направился к выходу.

— А может, его, товарища Владимирова, попросить насчет коней? — как за последнюю соломинку ухватился Сергей. — Пусть отведет и ваших и наших в Сеймчан, к якутам, у них сено, наверное, есть, до весны постоят, а мы за прокорм заплатим!..

Поликарпов в дверях остановился, оживился:

— Это было бы хорошо! А то, ей-богу, жалко лошадок.

С охоты Билибин и Владимиров возвратились поздно и без добычи. От Юрия Александровича и ждать ничего не следовало, но представитель Якутского ЦИКа заявлял о себе как об опытном охотнике...

— Зверь ушел, птица ушел... Плохая зима будет, — пояснил он.

Раковский тотчас же высказался о лошадях. Елисей Иванович охотно, даже с радостью, ухватился за эту просьбу:

— Отведу коней в Сеймчан и сам договорюсь об их

постое. А после поеду в Таскан, потом в Оротук, помощь организую! В декабре вернусь, ждите!

В следующее воскресенье на охоту вышли Раковский и Степан Степанович. Но и они ничего, кроме пяти белок, не принесли. Белок забросили на крышу.

Морозы крепчали с каждым днем. Ночью третьего ноября в градуснике замерзла ртуть. Когда утром измерили температуру вторым термометром, то он показал минус сорок семь с половиной градусов. Значит, ночью было все пятьдесят.

Юрий Александрович очень обрадовался:

— Вот и зима... Зима! Крестьянин торжествует! — И он весь день декламировал Пушкина, читал наизусть «Евгения Онегина». И под это чтение самозабвенно вошелся с бутылками.

Собрав все порожние посудины, он разливал по ним спирт и воду: сначала высчитывал на бумаге, рисовал графики, потом тщательно отмерял жидкости стаканом, царапинами нанеся на него деления, а затем эти жидкости перемешивал. Одну из уже готовых смесей выставил на мороз и, когда смесь в бутылке зашуговала, он, сверяясь с показаниями ртутного термометра, воскликнул:

— Расчет точный, как в аптеке!

Все бутылки со смесями Билибин и Раковский развесили под стрехами.

Рабочие, вернувшись с разведки, были немало удивлены и остановились перед баракom с разинутыми ртами.

Первым высказал догадку Алехин:

— Ясно. Заместо фонарей. Как в большом городе, иллюминация!

— Братцы! — от всей души поддержал его Миша Лунеко. — Ведь через три дня — праздник! Октябрьская годовщина! А мы заработались и счет дням потеряли...

— Темнота! — с некоторой обидой протянул Юрий

Александрович. — Деревня! Это же — термометры! Спиртовые термометры собственного изготовления! Смесь воды и чистого спирта, в точно рассчитанных отношениях! Вот в этой бутылке расчет такой: как смесь зашугует — значит, пятьдесят градусов мороза. А в этой — пятьдесят четыре, здесь — пятьдесят восемь и так далее до семидесяти! Понятно, темнота?

— Понятно, — не очень радостно ответили рабочие.

— Понятно-то понятно, товарищ начальник, но сколько же на эту затею спирта пошло? Не весь ли запас?

— Весь, товарищ Алехин!

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

— Юрий Александрович, а чем же Октябрьскую годовщину отмечать?

— Трудовыми успехами, Степан Степанович!

— И не жалко вам, Юрий Александрович?

— Жалко, Степан Степанович! — смеясь и с трагическим надрывом возопил Билибин. — Но ничего, догори! Все это добро не пропадет и от нас не уйдет! Как под праздник вот эта, к примеру, бутылочка, самая крупная, зашугует, так и мы ее зашугуем!

Все закричали:

— Ура! Качай начальника!

— А к празднику-то она зашугует? — засомневался кто-то.

— Зашугует! — авторитетно заверил Раковский. — Погода, по моим наблюдениям, установилась хорошая, морозит основательно.

Ему поверили, и его предсказание сбылось. Шестого ноября зашуговала в бутылке смесь хотя и не самая крепкая, но приличная, градусов под шестьдесят. Седьмого бутылки торжественно и бережно внесли в барак и с подобающими великому дню тостами распили.

В этот момент с прииска появился профуполномоченный, он же и старший артельщик хабаровцев — Андрей

Шестерин, чтоб пригласить разведчиков на стан, на торжественное собрание. Все потопали дружной колонной и песню грянули: «Смело мы в бой пойдем...».

С этой песней ввалились в барак хабаровцев — самый большой на приисковом стане. Билибин и Раковский прежде бывали здесь, на промывке несков. Мыли старатели лотками прямо на земляном полу, среди нар. Тогда терпко пахло сырой землей, пылью, осевшей на неошкуренные стены, шерстью непросыхающих полущубков, портянками, махоркой, людским потом. Сегодня на вошедших пахнуло свежим ароматом хвои. Все стены, пол и даже закоптелый потолок были убраны ветками стланника.

— Благодать! — воскликнул Билибин. — Как на рождественской елке!

— Как в кедраче! — поправил кто-то его, видимо, сибиряк.

— А у нас, братцы, в России, так после дождя в бору пахнет. Не надышишься!

И все с щемящей тоской начали вспоминать свои родные места, еловые, сосновые и кедровые леса...

— И какой черт загнал нас на эту Колыму?!

— Тут и лесов таких нет, и запахов таких нет...

— Цветов нет...

— Ничего, товарищи, ничего, — успокаивал Оглобин. — Здешняя тайга тоже по-своему богатая и красивая. Говорю вам как бывший охотский лесничий. Вот дождемся весны...

Но кто-то из хабаровцев вдруг оборвал:

— Дождетесь весны, на-ко выкуси!

И пошло:

— Транспорт где, Оглобин?

— Жрать чего, Оглобин?

— А золото где? Ученые, где золото? — это уже на разведчиков.

— Где обещанные участки?

— Понаехали на нашу шею...

— Праздник... Какой праздник на пустое брюхо?

Филипп Диомидович отступил в передний угол, встал под красное знамя, которое смастерил из своей кумачовой рубахи, и простер вперед руку:

— Тихо, товарищи! Вот сделаю доклад, и все будет ясно.

— Какой еще доклад?!

— Опять про Чемберлена?

— Долой Чемберлена!

— Долой доклад!

— За транспорт говори!

— За участки катай!

— Скоро, товарищи, скоро должен подойти олений караван. Большой аргиш — по-тунгусски называется...

— Большой аргиш — на тебе шиш! Где он?

— Сами, товарищи, видите, какая зима выдалась. Такой, говорят, здесь не бывало. Снегу выпало много, снег рыхлый. Мы вот пошли в Олу, да вернулись...

— Трех лошадей в тайге оставили, кобыла — ваша мать!

— Да, три лошади у нас пали, трех пришлось застрелить... Рано вышли, поторопились. Теперь, видите, морозы ударили, наст будет, и караван наверняка пройдет. Он теперь в пути, наверное. Скоро придет. А там, глядишь, и золото пойдет побогаче: сытому завсегда счастье подваливает...

— Подвалит — держи шаровары шире, а то не унесешь!

— Ученые обещали новые участки, да кукиш кажут.

— Какие они ученые! У них у самих в шурфах пусто.

— А премии получают за пустые шурфы-то...

— Им жить можно — у них жрать есть что и спирту завались!

— Они спирт, как буржуи шампанское, со льдом пьют. Для этого на мороз вывешивают.

— Пойти к ним на базу да посрывать бутылки!

— Товарищи! — звонко выкрикнул Раковский и встретился петухом. — Вы тут преувеличиваете! Премии наши рабочие действительно получили за октябрь, потому что работали каждый за двоих. Ведь вы-то не пошли на шурфовку. Пошли бы, работали так же, как наши рабочие, получили бы и премии, а может, и по сто граммов спирта к празднику, хотя спирт у нас не для того, чтоб пить... Вывесили мы бутылки на мороз не для этого, а ради научных целей. Это понимать надо, товарищи...

— А кто не поймет, — резко и зло встал Билибин, — и придет к нам срывать бутылки, то мы этой темноте просветим черепные коробки. Ясно?

Наступило молчание, Сергей через минуту стал продолжать, стараясь говорить как можно мягче:

— Что касается золота, товарищи, и новых участков, то — да, ключик Безымянный, как устанавливает наша разведка, оказывается бесперспективным, то есть золота в его долине нет, и передавать вам на промывку нечего.

— А зачем нас сюда звали?

— Никто вас не зазывал, — в один голос ответили Оглобин и Билибин.

— Но мы дело не свертываем, товарищи, — продолжал Сергей, сам радостно удивляясь своей выдержке. — Намечаем поставить разведку от устья Безымянного вверх по Среднекану, по Левому Среднекану. Возможно, россыпушка, за которую тут зацепились, в далекие геологические эпохи принесена древней рекой оттуда. Так, Юрий Александрович?

— Весьма возможно, — уже спокойнее и миролюбивее отозвался Билибин.

— И еще, — продолжал Сергей. — По рассказам Поликарпова Филиппа Романыча, Гайфуллина Софрона

Иваныча, давно работающих здесь, где-то в долине Среднекана мыл золото Бориска. Но где, на каком ключике, пока мы точно не знаем. И я, товарищи, и вот Юрий Александрович обращаемся ко всем вам: по разным долинам и распадкам вы ходите на охоту...

— Кто-то ходит...

— Помолчите! Парень дело говорит!

— ...ходите на охоту и, может, заметите — сейчас под снегом, правда, трудно заметить, но можно — где-нибудь ямки, человеком выкопанные, или бугорки наваленные — покажите нам.

— А вы там разведку поставите?

— Да, поставим, — твердо, но спокойно заявил Билибин. — Никому не разрешим копать ямы так, как накали здесь.

— Вот всегда так: наш брат, старатель, открывает первым... Первооткрыватель, а ученые приходят, сливки снимают, а нам — кукиш!

— Вы еще пока ничего не открыли, — снова повысил голос Юрий Александрович, — а уже первооткрывательские требуете. Получите, если найдете Борискин ключ и он окажется промышленным. А пока, — не удержался Билибин, — пока вы здесь не первые открыватели, а последние хищники! — и сам пожалел, что так сказал, сразу смягчил: — Насчет жратвы. Тут кто-то говорил, что у нас жрать есть... Скрывать не собираюсь: кое-что еще есть. Из Олы мы взяли в обрез, рассчитывали, что наши подойдут к ноябрю, теперь сами растягиваем, перешли на урезанный паек, но кое-чем поделимся с вами. Так, Сергей Дмитриевич? Он у нас и заведующий разведрайоном, и завхоз...

— Конечно, поделимся, но сами, товарищи, понимаете: нас — шесть, вас — тридцать, если мы даже весь свой скудный запас отдадим, то и сами с голоду помрем, и вы... У меня есть еще одно предложение: пока транспорт

не подошел, а якуты обещали кое-что подвезти только в декабре, то не направить ли нам в Сеймчан к якутам, свою делегацию... Может, они чем-нибудь выручат, а Сеймчан — это не очень далеко, Софрон Иванович Гайфуллин там бывал, дорогу знает и по-якутски говорить умеет, проводником быть не откажется.

— Моя везде ходил! Моя готова!

— И я пойду, — объявил Оглобин.

— Я тоже пойду, — сказал Билибин.

— Так и решим, — подытожил Филипп Диомидович.

По дороге домой Юрий Александрович все нахваливал Раковского:

— Молодец, Сергей Дмитриевич, умница и дипломат. А я вот не могу с этим народцем: иногда жалко его — темнота, своего добра не видит, а иной раз такое зло берет...

ЗАПИСИ В ЧЕРНОЙ КНИЖКЕ

После праздника немного потеплело, и снова повалил крупный снег. Потом поднялся ветер — он задул с северо-запада: сильный, холодный. А когда через три дня стих, то ударили такие морозы, что позамерзли в бутылках все смеси. Прежде хоть в полдень отпускало, а теперь и днем и ночью «шептали звезды» — шуршал, смерзаясь, выдыхаемый пар. Солнце не показывалось, оно лишь бродило где-то за горами и освещало розоватым светом вершины далеких сопок. В долине было сумрачно, хотя небо безоблачное, чистое, бездонное, сияло лазурью, и странным казался мерцающий снег, сыпавшийся из этой лазури — очень мелкий и совершенно сухой.

— Результат рекристаллизации, — объяснил Юрий Александрович, — бывает только в очень сильные морозы.

Работать на воздухе было невозможно, но все же приходилось: заготавливали дрова — печку топили и днем и ночью, — были и другие неотложные дела... Да и не могли сидеть сложа руки. Раковский предложил проект устройства тепляков для промывки проб прямо на линиях и при любом морозе. Билибин одобрил проект, и все взялись за строительство.

Золотые руки у Степана Степановича. Без единого гвоздя смастерил небольшие, легкие, но вместительные нарточки. Перед отправкой в Сеймчан наведаясь на базу Оглобин, долго восхищался этими санками:

— Теперь можно ехать! С такими самокатками хоть на край света! И пора ехать. Продовольствия у нас почти нет. Последнюю кобылу тоже придется забить, хотя в ней одна кожа да кости... Берег ее для тяги, думал, в Сеймчан возьмем подкормиться, но она еле ноги переставляет. Вот такие шишки. Но живы будем — не помрем! Вы, товарищи, пожалуйста, и мне и Гайфуллину такие салазочки-то сделайте. Мы в них вместо лошадей впряжемся! Так, Юрий Александрович?

— Так, Филипп Диомидович. Как сказал Александр Сергеевич, «себя в коня преобразив».

— Хорошо сказал товарищ Александр Сергеевич, прямо в точку сказал... А вот промывочка-то у нас понизилась, упала. Хабаровская артель совсем перестала мыть. Уходит к перевалу, туда, где лежит одна из падших лошадей. Берут палатку, рассчитывают, что одной лошади им хватит на две недели... Потом пойдут дальше, к другой. Вот такие шишки. Пора идти в Сеймчан.

В те дни в черной коленкоровой тетради Сергей записывал:

«29 ноября 1928 г.

Сегодня домыл пробы с левого борта. Вечером пришел Оглобин. Поговорили о положении вещей и решили, что он,

Ю. А. и Софрон Иванович пойдут на Сеймчан в субботу утром. Надеются приобрести там хотя бы немного мяса, так как на прииске у всех, исключая первую артель, остается продуктов не более, как на две недели, да и то при очень урезанном пайке. У нас также положение печальное. Остается пуд муки.

Пасмурно. Морозы сдали. Вокруг луны ореол.

«30 ноября 1928 г.

Сегодня сделали промысловые нарточки для Оглобина и Софрона Ивановича. Лунеко ходил на стан, принес последний пуд муки. Придя, сообщил, что на прииск вчера вечером приехал один тунгус на оленях, сегодня или завтра подъедут еще двое. Они идут с охоты на ярмарку в Олу. Видимо, у них нет продуктов. Подробнее узнаем с приходом остальных тунгусов, так как этот ни по-русски, ни по-якутски не говорит.

Пасмурно, часов с двенадцати пошел снег, вечером — перестал. Морозов нет. — 29,5°.

Субботнее утро выдалось и с туманцем и с морозцем. В семь часов Юрий Александрович, Оглобин и старик Гайфуллин перекинули через плечи брезентовые лямки.

Провожал делегацию весь Среднекан. Провожали с добрыми пожеланиями и надеждами, и все были бодры и веселы.

Сафейка вихлялся и среди провожающих и среди отъезжающих:

— Моя везде ходила! Сеймчан ходила! Колыма ходила!

— Через неделю ждите! — кричал на прощание Оглобин. — Живы будем — не помрем! И пустыми не придем!

Отведя Раковского в сторонку, Филипп Диомидович потихоньку его попрощал:

— Романыча тут навещай. Что-то сдает Романыч. С людьми совсем перестал разговаривать, только и говорит со своими — Белкой и Филей. Вот такие шишки. Ну, прощай. Через неделю придем! Живы будем — не помрем!

Веселым и бодрым, как всегда перед дорогой, держался Юрий Александрович. Он шутил и смеялся, декламировал из «Евгения Онегина» строчки про торжествующую зиму и про шалуна, дворового мальчика, а потом тонким голосом певицы Вяльцевой с граммофонной пластинки затянул:

Гайда, тройка! Снег пуши-и-истый...

«1 декабря 1928 г. Суббота.

В часов семь Ю. А., Оглобин и Софрон Иванович отправились на Сеймчан. Поликарпов остался один. Оглобин просил его навещать. Тунгусы на стан не приехали, видимо, и не приедут. Якуты обещали прибыть к началу декабря, но и их почему-то нет.

С 1 декабря садимся на голодный паек. Работу временно приостанавливаем.

Погода без изменений».

«3 декабря 1928 г.

Двое ходили на охоту, двое на стан — доставать лыжи. Убили всего лишь шесть белок. Стирал белье. Ружье Лунеки стреляло на третий раз».

«4 декабря 1928 г.

Составил сведения о работах за ноябрь. Ходили на охоту, убили всего лишь одну белку. Ходили в самую вершину ключа Безымянного, пришли поздно.

«6 декабря 1928 г.

Хлеб закончили вчера. Ночуем со Степаном Степановичем у Поликарпова. Осмотрели работы. Поликарпов дал мяса (фунтов 10). Продуктов у всех, исключая первую артель, почти нет. Осталась лишь только забитая лошадь, ее будут делить на всех».

Но ее не успели разделить. Седьмого декабря лошадь пропала. Эту весть принес к разведчикам сам Поликарпов. Украли, видимо, «турки», а может, и артель Волкова, но Филипп Романович не стал допытываться, чьих это рук дело, не потому, что боялся, а потому, что не желает осложнять ситуацию... Да и надеялся, что люди сами назовут вора, и осудят своим судом, и мясо отберут.

Сергей сначала горячо возражал:

— Дело надо обязательно расследовать самим и кобылятников наказать, потому что сегодня лошадь пропала, завтра собаку, Белку, сожрут, а там... Я завтра сам пойду по баракам. Буду вроде еще раз осматривать работы, а заодно все разузнаю. Этого дела так оставлять нельзя, Филипп Романович.

На следующий день Раковский собрался было на стан, но тут к разведчикам подкатил на оленях уполномоченный Тасканского кооператива Аммосов и двое якутов. Они привезли семь пудов мяса — на всех и на неделю не хватит, но Сергей несказанно обрадовался этому, стал угощать гостей, расспрашивать...

Два дня отдыхали якуты у Раковского. Уезжая, Аммосов подарил Раковскому лыжи, рукавицы и шапку. Обещал пригнать для летних работ двадцать оленей, прислать кожи для оленьей упряжки и еще кое-что из продуктов и теплых вещей, и все это — к Новому году.

Только на третий день после пропажи лошади пришел Раковский в барак Тюркина. Там его встретили чуть ли не с распростертыми объятиями: притворялись невин-

ными и заискивали, надеясь получить кое-что из привезенного якутами. Сразу же завели разговор об охоте, и те лыжи, которые неделю назад не давали разведчикам, теперь охотно предложили сами, а вместе с лыжами и охотничью палатку и походную железную печку. Сергей не отказался и в благодарность пообещал поделиться продуктами.

Мясом Раковский поделился и с Поликарповым и со всеми старателями. Немного дал и первой артели, чтоб не обидеть. Пуд отвесил своим рабочим Степану Степановичу, Алехину и Чистякову — они с печкой и палаткой ушли на многодневную охоту, немного оставил и себе с Лунекой.

«10 декабря 1928 г.

Сидим с Лунекой голодные. Со всем имеющимся у нас съедобным кой-как дотянем до приезда (12 или 13) Ю. А. и Ф. Д. с Сеймчана. Положение в общем незавидное.

Погода опять портится, видимо, установится после новолуния. Хабаровцы завтра принимаются за Собольку (собака)».

«12 декабря 1928 г.

Вечером в четыре часа ушел на стан к Поликарпову, узнать, нет ли чего нового. Утром двое из артели Тюркина пришли к конторе и застрелили Белку (сука, приставшая по дороге к транспорту).

Поликарпов молчит, подарил мне филина (нашел его подбитого, выходил), наверное, боится, что убьют и Филю. Соболька съедена почти целиком, от нее осталось на одно варево, а в ней было ведь фунтов 30 мяса.

На промывке остались артель Тюркина и Сологуба. Корейцы во вторник мыли в последний раз.

В общем положение осложняется. Ждем ушедших на Сеймчан, не сегодня-завтра должны быть или сами с мя-

сом или уж пошлют кого-нибудь с известием о положении дел, если у них вышла какая-нибудь задержка».

«13 декабря 1928 г.

Осмотрел работы. В два часа вернулся домой. Часа через два пришли наши охотники. Они промышляли на р. Таранок (за вершиной Безымянного). Несмотря на то, что брали с собой продукты — немного мяса, фунта три муки (последняя, что у нас была), проохотились пять дней, убили штук шестьдесят белок, которыми и питались. Домой принесли около десятка. Другой дичи не попадалось. Скеерно».

«14 декабря 1928 г.

Чистяков ходил на охоту, убил пять белок. Сегодня съели часть белок, которых достали с крыши — бросали их туда еще в октябре месяце. Их оказалось там 30 штук, хватит еще и на завтра, и филину немножко дадим, а затем, если наши не подьедут, придется приниматься за кедровок.

Что вкуснее — собака, белка или кедровка? Наверное, собака. Алехин говорит, белку есть все равно что крысу: они одной породы, у белки только хвост пушистый. Но тайга-магушка заставит и крыс есть.

Погода установилась. Начались морозы. Пилили дрова».

«15 декабря 1928 г.

Сегодня утром съели белок и на ужин осталось штук восемь кедровок и три белки. В первом часу отправились на стан к Поликарпову, где узнал, что только что наши пришли с Сеймчана, привели с собой лишь двух лошадей из тех, которых отводил Елисей Иванович. Больше привезти ничего не могли, так как все олени сеймчанских жителей погибли, а сами якуты перебиваются тем, что удастся добыть за день».

И ХОЛОДНО, СТРАННИЧЕК, И ГОЛОДНО

Лошадей, приведенных с Сеймчана, сразу же забили и стали раздавать мясо. Лошади, как говорят якуты, были сухие, в обеих — пудов двадцать со всеми потрохами, а на приске — сорок один человек. Получилось по восемнадцать фунтов на едока.

С распределением — целое горе. В первую голову явились со своими претензиями хабаровцы: они считали, что раз Союззолото направило их сюда, то и кормить должно. Вслед за ними набросились на Юрия Александровича и «турки», и «волки»:

- Почему трех остальных лошадей не привели?
- Сожрали их там?
- Мы тут собак ели, а они там конину кушали!
- Благородные!

Оглобин отвечать был не намерен и, слова не сказав, ушел в свою халупу. С Сафейки спрашивать нечего. Юрий Александрович кратко и решительно, тоном, не допускающим никаких возражений, отчеканил:

- Лошадей оставили для предстоящих работ.
- К черту ваши работы!

— И без работы подышаем, кобыла — ваша мать!

— Не подохнете. А кобыла — ваша мать! — зло и с обидой отгрызнулся Юрий Александрович. — Встретили, называется, спасибо сказали.

Билибин, круто повернувшись, пошел вслед за Оглобиным, там свалился и спал всю остальную часть дня, всю ночь и на следующий день. Спали и Филипп Диоминович, и Сафейка.

Отоспавшись, Юрий Александрович сразу же пошел в баню — вместе с ним и Раковский. Банька тесная, на двоих, но нажарил ее Сологуб от всей души: от камней такой пар валил, что друг друга не видели, отчаянно работая кедровыми вениками. Парились долго: и сидели,

и лежали, и выбегали на шестидесятиградусный мороз, катались по колючему снегу и снова парились.

— Пивка бы ленинградского! — вздыхал Юрий Александрович.

— Да и кваску бы неплохо, — вторил Раковский, — с изюмчиком!

Парясь, рассказывал Юрий Александрович о поездке в Сеймчан, о его жителях, о какой-то старухе:

— Фамилия ее Жукова. Зовут Анастасия Тропимна.

— Трофимовна, — уточнил Сергей. — Якуты ни «в», ни «ф» не выговаривают. Помните, Макар Захарович даже свою фамилию написал «Медоп»?

Но Юрий Александрович почему-то упорно произносил:

— Тропимна. Родилась Анастасия Тропимна Жукова точно сама не помнит когда, но более ста лет назад, во времена Александра Первого. Современница Александра Сергеевича Пушкина! Вот кто такая Анастасия Тропимна!

Раковский хотел вставить, что среди якутов такие долгожители не редкость, что сам Юрий Александрович в Гадле видел такого же древнего старика Кылланаха, который якобы еще Чернышевского сопровождал в ссылку. Но Кылланах, видимо, не произвел на Билибина такого сильного впечатления, как Анастасия Тропимна, да и говорил о ней Юрий Александрович с такой шемящей грустью, что Сергей воздержался от своих замечаний, но все-таки с ехидцей спросил:

— Но Пушкина-то она наверняка не помнит?

Юрий Александрович будто не слышал, продолжал:

— Более ста лет прожила Анастасия Тропимна Жукова и, подумать только, за всю свою долгую жизнь ни разу не видела в глаза хлеб. Какой он, хлеб-то? Не знает. Просила меня, как бога, прислать хотя бы кусочек, чтоб хоть перед смертью попробовать... Как только при-

дет наш транспорт, обязательно пошлем печеный хлеб. Сам поеду, сам повезу. Хорошо бы, к рождеству подошли. На старое рождество Елисей Иванович назначил в Сеймчане собрание всех живущих в окрестностях якутов. Он как раз перед нашим прибытием уехал из Сеймчана в Таскан. В Оротук, видимо, не поедет, вернется и — к нам. Затем — снова в Сеймчан. Мотается, старается товарищ Владимиров, представитель Якутского ЦИКа, беспокоится... И на собрании будут говорить, как нам помочь. Вот бы к этому собранию и подвести кое-что Анастасии Тропимне и всем другим сеймчанским якутам. Но почему наши не едут? Неужели все еще в Оле сидят?.. Как бы не пришлось снова в Сеймчан за остальными лошадьми топать...

До первого жителя Сеймчана километров шестьдесят. Их мы, утопая в снегу, прошли за четыре дня. А до самого дальнего, наверное, девяносто, а может, и сто — как ходить... Юрта от юрты — за версту. Юрт немного, а за неделю не обойдешь. Юрты все неудобные, холодные, бедные...

А она, Анастасия Тропимна, хорошо помнит купца Калинкина и его супругу. Знала его, когда он еще казком служил. И всех, кого видела на своем веку, хорошо помнит. Память у нее хорошая! Если бы Пушкина видела, и его бы помнила! Кстати, Розенфельда, который видел Гореловские жилы, она тоже знала. Из себя, говорит, невзрачный, но добрый, обо всем ее расспрашивал и все в книжку записывал, а вот где он ходил и где Гореловские жилы, Анастасия Тропимна не знает, и никто в Сеймчане не знает. Сафейка один знает, где ходил Розенфельд, но тот аллахом божится, что не видел никаких Гореловских жил. Верю я ему...

— Софрон Иванович — честный мужик, — с жаром поддержал Сергей. — Зря мы о нем при первой встрече-то плохо подумали...

— Человека хорошо узнаешь, когда с ним пуд соли съешь. А вот Анастасия Тропимна сразу Сафейку узнала и встретила как старого друга. Поцеловались даже по-стариковски. Хорошая память у ней, а вот полковника Попова не помнит!

— Какого полковника?

— В сельсовете дали нам еще одну, такую же любопытную, как записка Розенфельда, бумажку. Какой-то полковник Попов, а о нем в Сеймчане никто ничего не слышал, и как попала бумажка в церковь — никто не знает... Словом, история эта покрыта мраком и в самой бумажке сплошной туман. Пишет этот полковник, что где-то в притоках реки Колымы он открыл золото. Точное местоположение, как и Розенфельд, конечно, не указывает, но дает возможность гадать: какой-то левый приток Колымы впадает в нее близ Среднеколымска. Вон куда махнул...

— А может, Верхнеколымска? — заинтересовался Сергей.

— Нет, пишет: Среднеколымска. А вершина этого притока подходит к вершинам речек Сеймчан и Таскан...

— Ну, конечно, Верхнеколымск! Описка у него!

— А там, где золото нашел, есть недалеко и месторождение слюды и еще — какой-то необычайный водопад. В общем приходи и мой золото. У одного — зигзагообразные молнии, у другого — необычайный водопад... Морочат нам головы все эти розенфельды и полковники, а мы цепляемся за их штаны. Ученые... Ну-ка, Сергей Дмитриевич, хлестани меня, ученого, веничком! А я — тебя! Как тут Поликарпов-то себя чувствует? Молчит, говоришь? Переживает, значит? Базу нашу, наверно, придется менять, нечего делать в долине Безымянного.

Они похлестались, пожарились, повалялись в снегу и снова парились.

Билибин продолжал:

— А еще я видел в Сеймчане столб. Анастасия Тропимна, говоря о Калинкине, вспомнила про столб и взялась нам его показать, как достопримечательность Сеймчана. Усадили мы ее на коня, сами пошли пешком. Верст пятнадцать шли. И увидели: на высоком берегу Колымы торчит саженный толстый столб из лиственницы. А на столбе глубоко и красиво, этакой вязью вырезано:

«Ольско-Колымский путь открыт в 1893 году Калинкиным Петром Николаевичем и его женой Анисией Матвеевной. Сей столб поставлен в 1903 году».

Вот как увековечил себя бывший казак Петька Калинкин, и бабу свою не забыл. А прежде, говорят, неграмотный был, расписаться не мог. А мы, весьма грамотные, на Безымянном никакой памяти о себе...

— Так мы здесь ничего и не открыли, — усмехнулся Сергей.

— Мы тут Золотую Колыму начали открывать! А еще запомни, Сергей Дмитриевич, в заслугу геологов ставятся не только открытия. Убедительно доказать, что, к примеру, на Безымянном нет золота — это тоже очень важно. Геолог не имеет права даже из самых добрых побуждений обманываться и других обманывать: его ошибки в расчетах дорого обходятся. Но мы на Безымянном сделали все, что могли, и честно. Заявку Поликарпова проверили, задание Союззолота выполнили. Совесть наша чиста, и мы с полным правом можем доложить об этом и Лежаве-Мюрату и самому Серебровскому. А память о нашей первой базе все же надо оставить.

После бани Сергей записал:

«16 декабря 1928 г.

Утром перевесили мясо. Всего в двух лошадях оказалось 21 пуд плюс еще три пуда потроха, переведенные на вес мяса. Исключая первую артель, которая взяла себе

лишь 1 пуд 7 фунтов, выдали всем из расчета 20 фунтов на человека. Себе пока взяли из этого мяса 4 пуда 28 фунтов. Остатки распределим завтра.

Ходили с Ю. А. в баню первой артели».

В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Рождественские морозы наступили и на Колыме. Правда, и без них не было тепло. Дни и ночи стояли ясные, лишь временами слабенький ветерок наносил с юго-запада перистые облачка, такие тонкие и прозрачные, что сквозь них видны были звезды. Ночью двадцатого декабря Сергей увидел две ложные луны, а в следующую ночь он и Билибин долго, стоя на морозе, любовались бледно-золотистым ореолом вокруг луны.

— К холоду, странничек, к голоду...

— Ореол вокруг луны — к потеплению, — возразил Раковский.

Юрий Александрович спорить не стал: в приметы погоды, даже наукой обоснованные, он не очень верил, поэтому пошутил:

— Никто так точно не предсказывал погоду, как два брата в одной деревне. Один говорил, что будет тепло, а другой — холодно, и всегда кто-нибудь из них был прав.

На этот раз оказались правыми и Билибин и Раковский. Сначала, за два дня, как и предполагал Сергей, морозы градусов на десять сдали, а потом, как раз под самое рождество, сбился прогноз Юрия Александровича — днем зашуговала, а вечером замерзла семидесятидвухградусная, самая крепкая смесь.

А в ночь под рождество вдруг что-то грохнуло, как выстрел. Все выскочили из барака и долго недоумевали: вокруг стояла такая тишь, что слышно было, как пар, смерзаясь, шелестит льдинками.

Кто же стрелял? Неужели кто-то из старателей подходил к базе? И зачем? А может, все-таки подъезжают ребята из Олы?

Первым догадался Степан Степанович. Он подошел к красавице лиственнице, под которой стоял барак, и провел ладонью по ее коре. От нижних веток до самой земли толстый, в два обхвата, ствол точно кто распорол. Степан Степанович заскорузлой ладонью ласково и нежно провел по трещине, словно по живой ране. И другие в глубоком молчании подходили и осторожно касались пальцами этой раны.

В ту ночь разведчики долго ворочались на нарах. Даже Алехин, который, бывало, пальцем не шевельнет без присказки, без прибаутки, притих. Весь этот месяц они не работали, только лишь охотились да пилили дрова, но чувствовали себя усталыми, измученными и слабыми как никогда.

В воскресенье Чистяков и Степан Степанович ходили вниз по ключу Безымянному выпиливать бревно, загородившее дорогу. Бревно — рыхлая и нетолстая ива, но возились с ней долго, часто переводя дух и отдыхая. Выпилили и откатали: дорога в узком каньоне была свободна. Долго стояли, ждали, глядели — не едут ли ребята из Олы.

Первым прошел по расчищенной дороге Сологуб. Сверкая золотыми зубами, он ввалился в барак и с порога прокричал:

— С наступающим праздничком, с рождеством Христовым, добрые люди! Дорогу-то для меня расчистили? Или для деда-мороза? Ну, считайте, что я и есть дед-мороз, и подарок вам принес. Вот — шесть фунтиков муки. Больше не можем.

Все, конечно, обрадовались и благодарили Бронислава Яновича. Юрий Александрович налил ему стопочку зашуговавшей на семидесятиградусном морозе смеси:

— Не обессудьте, закусочки нет.

Сологуб, не снимая шубы, выпил и насупил свои лохматые черные брови. Видно было — хочет что-то сказать, но молчит. И все выжидательно смотрели на него.

Наконец заговорил:

— Нехорошие дела затеваются... Правильно, Юрий Александрович, вы нашего брата хищниками обзываете... Хищники, как есть хищники!

— Ничего, Бронислав Янович, мы их с Оглобиным прижали, а вот подъедут наши и сам Лежава-Мюрат, мы их приведем в полный божеский вид!

— Да я не об этом, Юрий Александрович...

— О чем же? Говори. Мы здесь не кисейные барышни, в обморок не упадем.

— Сафейка исчез.

— Убежал?

— Убежал — это хорошо... Как бы чего хуже не случилось...

— Да ты что, дед-мороз, загадки, что ли, пришел загадывать? Говори, что случилось!

— Помните, Юрий Александрович, когда вы с Сеймчана вернулись и я вас в баньку приглашал, кто-то вам в спину прошипел: «Не подохнем, если тебя сожрем»?

— Ну и что? Подумаешь... Злой человек чего не скажет...

— А наш брат, голодный, на все пойдет И пошел. Да что тут тянуть... Проиграли Сафейку! И тебя проиграли, Юрий Александрович...

— Как проиграли?!

— Ну, как играют... В карты. Золото перестали мыть. Стали в карты играть. Сначала играли под то золото, которое припрятывали. Потом под конину, под пайки, которые на всех разделили, а потом — и под человечину. Ставят на кон того, кого хотят убить — кто в печенках сидит. Проигравший должен убить, а есть будут вместе.

— Так это же людоедство!

— Говорил я Поликарпову: до людоедства дойдет!..

— Да что вы на меня-то кричите, добрые люди? Я не людоед и в карты не играю. Недобрую весть принес, так не обессудьте...

Сологуб ушел как привидение. Да и был ли он? Заходил ли? Был. Заходил. Вот принес и оставил мешочек муки... Предупредил о страшной и дикой опасности, нависшей над Билибиным. Но во все это не верилось, не укладывалось это в голове. Было похоже на какой-то кошмарный сон. И после ухода Сологуба все сидели на своих нарах, как после тяжелого сна.

Юрий Александрович накануне приволок большую мохнатую ветку кедрового стланика, пахнущую смолой и хвоей, и, установив ее в переднем углу, обрядил разноцветными пустыми пузырьками, бумажными обертками. Перед приходом Сологуба радовался этой елке, смотрел на нее умиленно, видимо, что-то вспоминал. Так он и теперь, после ухода гостя, уставившись на елку, улыбался чему-то и молчал.

Первым прорвался звонкий петушинный голос Миши Лунeko:

— Арестовать людоедов! Всех арестовать!

— А ты кто, Миша? Прокурор или милиционер? — спросил Алехин.

— Красноармеец я! Старшиной батарей был!

— Все мы были... А ныне твоя «пушка» на третий раз стреляет, — остановил его и Степан Степанович.

Миша присел на нары и снова все примолкли.

Потом нарушил тягостное молчание сам Юрий Александрович:

— Ну, меня — это понятно: я у них действительно в печенках сижу, да и мясо кое-какое есть на моих костях. А Сафейку-то за что же? В нем-то какой навар? И мужик он со всеми угодливый.

Потом Сергей свое повторил:

— Говорил я Поликарпову: дойдет до людоедства... Как на Алдане было, помнишь, Степан Степаныч?

— Помню. Но ничего, обойдется. Только, Юрий Александрович, один не ходи. Да и без ружья в тайге нельзя.

Юрий Александрович, видимо, обиделся, подумал, что Степан Степанович за труса его считает:

— А я пойду! Без ружья пойду! Выплюсь и пойду, завтра же, к Тюркину и Волкову... С праздничком поздравлю и сяду играть с ними в карты. Я причешу их королю бороду! Все золото, которое они прячут, выиграю и самих на сковородку посажу...

— Я с вами, Юрий Александрович! — заявил Алевтин. — В карты играть и я мастак...

— Не хорохорьтесь, ребята, не травите голодного зверя, — снова остановил всех Степан Степанович. — Ложитесь-ка спать, а я муку замешу, все-таки завтра праздник.

— А мне надо ведомость закончить.

Раковский в те дни составлял ведомость трат, расхода и наличия товаро-продуктов, инструмента, материалов, спецодежды — всего, что было получено от завхоза экспедиции в Оле. Делал Сергей это по распоряжению Билибина. И когда в графе наличия против разных круп, сахара, масла, мясных и рыбных консервов ставил прочерки, то у него под ложечкой невыносимо сосало и щемило. Сергей испытывал настоящие танталовы муки, и ему казалось, что Юрий Александрович нарочно дал ему такое распоряжение. И при этом еще одно свербило в душе: перечисляя все съеденное, израсходованное, использованное, он будто подводил окончательный итог прожитой жизни.

Но Сергей Дмитриевич распоряжение начальника выполнил: все проверил, все пересчитал, и теперь осталось только подвести черту.

Ведомость Раковский составлял в записной книжке, в которой вел и дневник. В ночь под рождество он написал:

«24 декабря 1928 г.

Закончил проверку всего полученного в Оле от завхоза. Алевтин и Лунёко ходили вверх по ключу — никакой дичи. Срубили пасти на зайцев. Смотрели капканы и плашки — ничего нет.

Настроение у рабочих прескверное. Мяса остается лишь на завтрашний день, да шесть фунтов муки принес Сологуб...

Сологуб...

Тоскливо на душе... Невеселая встреча праздника... Пожалуй, так встречать приходится впервые...»

В бараке тихо. Слышно, как замешивает муку Степан Степанович да потрескивает свечка.

И вдруг Юрий Александрович, сидевший на нарах все в той же позе, со скрещенными ногами, радостно, словно что-то открыл, воскликнул:

— Догоры! А я знаю, хотя отсюда и не вижу, что пишет Сергей Дмитриевич в своей черной книжке! Он пишет: «Никогда еще не приходилось встречать так рождество». Сергей Дмитриевич, угадал?

Ошеломленный Раковский уставился на Билибина: неужели Юрий Александрович знает все, что творится в его душе?!

— Угадал! Телепатия! Чтение мыслей на расстоянии! Говорят, лженаука, что-то вроде магии, чревоугадания, а я вот прочитал на расстоянии... И могу читать все, что у каждого на душе! Как Христос! Как Будда!

Все, кроме Степана Степановича, воззрились на новоявленного Будду.

— А каким образом? Ну, кто скажет, каким образом я узрел, что пишет в своей черной книжке Сергей Дмитриевич?

Ответил Степан Степанович, не отрываясь от дела:

— Все мы сейчас думаем одинаково...

— Верно, Степаныч. И никакой телепатии. Мудрый ты человек, Степаныч, хотя фамилия твоя не соответствует уму твоему. Сменить тебе ее надо на Мудрецова, например, или на Степана Мудрого. Был Ярослав Мудрый на Руси, а почему тебе не быть Степаном Мудрым на Колыме? Сейчас многие фамилии меняют и в газетах об этом во всеуслышание объявляют. Был, например, один гражданин Козлов, стал Баранов...

— А животным так и остался? — усмехнулся Степан Степанович.

— Да, фантазии у него на большее не хватило. А я свою фамилию менять не собираюсь. Нет, Билибиным родился — Билибиным помру!

Все, конечно, в это время не столько слушали разглаговольствования Юрия Александровича, сколько думали о том, что ожидает их, и понимали — балагурит начальник, чтоб отвлечь себя и других от мрачных мыслей.

ПОД РОСТОВСКИЕ ЗВОНЫ

— Би-ли-би-ны, — продолжал Юрий Александрович, — это звучит как малиновый звон. В российских гербовниках, в энциклопедиях, в грамотах эпохи Ивана Грозного Билибины поминаются. В шестнадцатом веке был приказной дьяк Билибин Шершень. От этого Шершня и пошли, весьма возможно, все Билибины.

— От насекомого? — кольнул Алехин.

— Шершень — это имя, темнота. На Руси имена давали, как прозвища: Шершень, Волк, Курица... И весь-

ма возможно, не без оснований. Шершень Билибин однажды, видимо, кого-то ужалил, его и сослали во Псков... Но отец мой прямым предком нашего рода считал Харитона Билибина. Когда рисовал родословное древо, то Харитона изобразил корнем, а от него — две огромные ветви со множеством веточек и листочков. Сам Харитон и его два сына: Иван — первый, Иван — второй — были богатейшими купцами в Калуге, заводы имели. Знаменитый художник Левицкий их портреты писал, в музее хранятся. И внука Харитона, Якова, писал. Ну, те, Харитон и Ивановы, были типично русскими купцами, бородатыми и брюхатыми, а Яков — это уже светский щеголь, завитой и с бантиками. Он и вольнодумец-масон, и коммерции советник, и почетный гражданин. В годы нашествия Наполеона поступил, как Кузьма Минин — пожертвовал на алтарь отечества двести тысяч рублей. В Петербурге у него дом-салон: поэты, артисты, великий композитор Глинка бывали... Но к концу жизни промотался или, как говорят семейные архивы, «его состояние пришло в упадок». И все его потомки должны были учиться на медные деньги. К тому же дед мой, Николай Алексеевич Билибин, одарен был талантом детей строгать. Семь сыновей у него было — дочери в счет не шли. Ясно, что на такую ораву никакого наследства, никакого приданого не напасешься. Ну, и, как говорится, нужда заставила калачи есть — всех выводила в люди. И отец мой, когда рисовал родословное древо, не купечеством кичился, не дворянством, а под каждым листиком подписывал, кто есть кто... Посмотришь на древо и видишь: «сидят» на верхних веточках военные, ученые, врачи, художники...

Есть в нашем роду математик, Александр Яковлевич, а его родной брат Иван Яковлевич Билибин — всем известный художник. Русские сказки, сказки Пушкина с его картинками, весьма возможно, видели?.. В девятьсот пятом году художник Билибин царя Николашку со все-

ми его регалиями ослом нарисовал, за что подвергнут был аресту, а журнал, который напечатал рисунок, закрыли. Сам я изучал алгебру и геометрию по учебнику дяди, Николая Билибина, а его сын, тоже Николай, — ученый, этнограф. И вот сейчас, когда я с вами сижу здесь, на Колыме... — торжественно произносил Юрий Александрович.

— ...и жду, когда съедят... — таким же тоном продолжил Алевин

Но его оборвал Степан Степанович:

— Помолчи ты, бесконвойный Алевин...

— ...не язык, а коровья лепеха, — удачно скалал Юрий Александрович, и все, даже Алевин, захотали.

Отсмеявшись, Юрий Александрович продолжал:

— И вот сейчас, когда сижу я с вами здесь, на Колыме, в ночь под рождество, голодный и холодный странник, в это же время сравнительно недалеко отсюда, на берегу Охотского моря, на Камчатке, так же сидит среди коряков или ительменов этот самый ученый-этнограф Николай Николаевич Билибин — изучает их быт, строит для них культуру...

— ...и ест оленину, а у нас конины осталось только на завтрак.

На этот раз никто Алевина не одернул, все помолчало, пока Юрий Александрович опять не заговорил:

— Ничего, доторы, выживем... Каждый Билибин оставил свой след в истории России! И мне дали имя неспроста — Георгий! Юрием я стал недавно, на Алдане, звать...

— Ну, это все равно: что ты Юрий, что Георгий, что Егор — повесь портки на забор, — опять подковырнул Алевин, и все тихо посмеялись, кроме Юрия Александровича.

— Нет, не все равно. Юрий — это мирское имя. А Ге-

оргием меня нарекли в честь святого, храброго воина и заступника всех простых людей, Георгия Победоносца, самого любимого святого на Руси!

А когда меня крестили, то вся Россия в колокола звонила! Не верите?

А дело, рассказывают, было так. Родился я в Ростове, но не в том Ростове, что на каком-то Дону, а в Ростове Великом, в древнерусском граде, про который пословица гласит: ехал черт в Ростов, да испугался крестов. Церквей и крестов там, как деревьев в лесу. Народ ростовский — крепкий, щи лаптем не хлебал, в зипунах не ходил, стучал сапогами по деревянным тротуарам. Мужики все — высокие, светлоглазые, у каждого борода-лопата, все русые...

— А как же рыжий там родился? — опять поддел Алевин.

— Есть и рыжие, и золотистые, вроде меня... Крестили меня в Ростовской градской Рождественской, что на Горицах, церкви. Там в книге за тысяча девятьсот первый год запись учинили: «родился шестого, крещен девятого мая Георгий. Родители — штабс-капитан третьей гренадерской артиллерийской бригады Александр Николаевич Билибин и законная жена его София Стефановна». Мама моя — дочь болгарина Стефана Вечеслова, который вместе с русскими освобождал свою страну от турок, а потом переехал в Россию.

Так вот, когда меня в этой церкви крестили, богобоязненный, дряхлый попик с клубничным носиком взял меня, голенького, из рук крестницы и понес в алтарь. Только внес — вдруг во всю мощь ударил Сысой — самый большой колокол на звоннице Успенского собора Ростовского кремля. А Сысоем — именем своего сына — назвал его митрополит, при коем колокол отливали и вешали. Звон Сысои от звона всех колоколов отличался: красивый, бархатный, с мелодичным призвуком, и такой

мощный, что за двадцать верст слышен. Но в то время Сысой и все другие колокола Успенского собора не звонили, а если и звонили, то очень редко, по большим праздникам, да и то не каждый год, потому что больше ста лет, как резиденция ростовского владыки была перенесена в Ярославль и кремль в Ростове запустел. В тысяча девятьсот первом году в кремле квартировала как раз та самая гренадерская бригада, в которой служил мой отец и все офицеры которой были приглашены на мои крестины.

И вот, как только раздался первый удар Сысой, побоязненный попик вздрогнул и чуть было меня, раба божьего Георгия, не грохнул о каменный пол, потому что не знал, из-за чего звон. Пожар? Так звон не всполошный. Война? Звон не набатный. Уж не владыка ли преподобный из Ярославля пожаловал? А может, сам государь-император из Питера? Но об их визитах заранее было бы известно. А может, наваждение на грешную душу? Или просто в ушах зазвенело?

Положил меня батюшка на холодный пол и стал в алтаре, святом-то месте, кошунственным делом заниматься — в ушах ковырять. Проковырял, а звон еще сильнее. До конца еще не замер, как начали ему подзванивать малые колокола. И снова во всю мощь ударил Сысой! И полился строгий, торжественный Ионинский звон.

Выступил священник из алтаря с вознесенным младенцем и возопил дребезжащим голоском:

— Знамение, православные! Великое знамение! Под звон Сысой раб божий Георгий в алтарь введен! Под Ионинский звон выведен! Благодатью господа нашего преисполнен есмь и во веки веков будет! И мы, грешные, при сем быть сподобились. Амины!

— Амины!!! — дружно, как на параде, гаркнули офицеры.

Они, как только в первый раз ударил Сысой, пони-

мающе и с восторгом переглянулись. Папа мой, хотя и не был с ними в стоворе, тоже догадался, кто устроил этот благовест. А когда священник возгласил аминь, то он, скрывая смех в глазах, низко, с небывалым смирением, опустил голову.

Поп перекрестил его лысину.

Не имея больше сил сдерживаться, сквозь расправший смех отец невнятно проговорил:

— Гре-гре-гренадеры, б-б-батюшка, гре-еее...

— Грешны, все мы грешны, — по-своему расслышал попик, — аз многогрешен. Один господь без греха и милосерд. И он на раба божьего Георгия и родителей его ниспосылает милость свою.

А как вынесли меня на свежий майский воздух, Ионинский звон сменился Егорьевским — в честь новокрещенного Георгия. Плавно, размеренно ударили враз три больших колокола, а вслед им звонко вторили маленькие, будто сыпались с неба серебряные монетки.

А когда подходили к дому, где приглашенных ждали наливочки и всякое прочее питье, Егорьевский звон сменился Иконофановским, веселым и праздничным: большие колокола звучали звонко, как бокалы, а малые — рюмочками...

Мой папа любил всякие розыгрыши, проказы, развлечения и был в нескрываемом восторге:

— Вот звонари — так звонари! Не звонари, а музыканты! И где вы их только разыскали?

— Весь Ростов обшарили, господин штабс-капитан!

— Не перевелись на Руси великие звонари! За шкалик «Комаринского» отзвонят!

А звон Сысой все еще разносился и по городу, и за двадцать верст от города. После сказывали, что все звонари и Ростова и окрестных сел, услышав Сысой, забрались на свои колокольни и звонницы и, не задумываясь, бухнули во все колокола. Звон полился от села к се-

лу, от Ростова докатился и до Ярославля, и до Москвы... Ну, а Москва зазвонила, то и вся Россия ей вслед.

И вот, на двадцать восьмом году моей жизни, под рождество Христово, меня хотят сожрать какие-то «волки» и «турки»? И даже без панихидного звона? Нет, я сам кого угодно сожру! — весело закончил свой рассказ Юрий Александрович.

Досыта насмеявшись, все словно забыли и про голод и про остальные горести. Смотрели на кедровую елку, обвешанную пустыми пузырьками, и, видимо, вспоминали счастливые свои годы и дни. Молча глядел на елку и Юрий Александрович. Больше он в ту ночь не рассказывал, лишь раз-другой ронял привязавшееся «и холодно, странничек, и голодно» или вдруг начинал мурлыкать про Трансвааль.

Праздники и семейные торжества Билибины справляли весело. Да и вся жизнь из теперешнего далека казалась сплошным праздником. Жизнь армейского офицера, как у цыгана, кочевая, а детям это очень нравилось. После Ростова жили в Карачеве, таком же древнем уездном городишке, с базаром, где забываемо и приятно пахло хлебом, коноплей, кожей и лошадьми. Потом немного — всего полгода — пожили в чопорном и скучном, где ни побегать, ни порезвиться, Царском Селе в казенных флигелях офицерской школы. А затем живой и шумный Самара-городок, где рядом и Волга, и Жигули, и базары с яркими игрушками, шарманками, каруселями. За Самарой — Смоленск.

В Смоленске пробыли больше, чем в других городах: две войны и две революции пережили. Здесь Юрий Александрович, тогда — Юша, Георгий, учился в реальном училище. В гимназии, где учительствовала мама, учились сестры Людмила и Галя.

Папа был в то время, перед войной, уже полковником. Неистощимый на выдумки, он делал жизнь семьи

веселой, праздничной. Дом, который они снимали по Киевской улице, — старый, деревянный, с палисадником — был превращен в уютное гнездо.

Строгий на вид, с усами, торчащими как пики, и острой бородкой, папа сочинял шуточные вирши, редактировал рукописный семейный журнал «Уютный уголок», сам разрисовывал его картинками, рамками, виньетками и подписывался — «редактор Шампиньон», «художник Пупсик». Его сотрудниками были все члены семьи, выступавшие под псевдонимами: Муха, Мурзилка, Кругломордик, Галка-Мокроглазик, Стрелокоза, леди Зай.

Леди Зай, Софья Стефановна, в первом номере журнала поместила свои мемуары «Мечтам и годам нет возврата» и путевые заметки «Поездка за границу». В мемуарах, конечно, в назидание дочкам она писала, как училась в институте благородных девиц и жила в дортуаре вместе с помещичьей дочкой Арефьевой, которая как, бывало, ляжет в постель, так только и разговаривала у нее о женихах и выгодных партиях. Училась эта Арефьева кое-как, трудиться не собиралась, а Софья Вечеслова даже и не помышляла о жизни без труда. В путевых заметках леди Зай рассказывала, как они, папа и мама, ездили за границу, были в Германии, во Франции, в Италии, в Швейцарии, осмотрели проездом Вену. Но не оставили радостных впечатлений эти «заграницы». С похвалой отзывалась только о немецкой чистоте и аккуратности. Немецкая стряпня ей не понравилась... Долго не могла она отвязаться от каких-то кошмарных предчувствий после того, как посмотрела в Берлинской национальной галерее картину «Шествие смерти».

Второй номер «Уютного уголка» вышел шестого мая, в день рождения Юши, и на первой странице сообщалось: «Сегодня господин Мурзилка вступает в 14-ю годовщину своей жизни. В два часа дня в помещении редакции будет традиционный именинный пирог. Кушать

можно обильно, но не объедаться. Для кошек и собачонки Дэзи, верного друга Мурзилки, — улучшенный обед.

В этом же номере, в разделе «Семейная хроника», повествовалось об одном из героических подвигов именинника:

«30 апреля Георгию проведена операция горла — вырезаны аденоиды*». Опируемый нисколько не боялся и накануне, говоря о предстоящих на завтрашний день развлечений, причислял к их числу и операцию. Во время операции не только ни разу не крикнул, но даже и не пикнул. После, по предписанию врача, оперированный проглотил несколько порций мороженого в кафе сада Блонье».

В конце того же номера было объявление: «Первого июня близ станции Лизно Риго-Орловской железной дороги и местечка Лёзно Могилевской губернии будет открыта дача. Дача находится в благоустроенном имении и имеет много достоинств: рыбная речка, купальня, лодки, большой сосновый лес, в нем — грибы, масса цветов, возможность пользования лошадьми (тройка и одиночки в шарбане), качели, гигантские шаги, ослики... Выезжают на дачу все сотрудники журнала».

Накануне этого выезда мама и дети побывали в Москве, навестили многочисленную билибинскую родню, три дня осматривали Кремль и Зоологический сад. В Москве Юшу экипировали, и на дачу он выехал в суконном форменном пальто, в шлеме, с ботанической сумкой через плечо и с сачком в руке. Он чувствовал себя путешественником, отбывающим в дальние страны, ученым, уходящим в неизведанные края, больше всех волновался и всех смешил своим комичным видом.

Примерно так писала Галка-Мокроглазик в «Очерках дачной жизни», опубликованных в третьем номере «Уютного уголка».

* Глоточные миндалины.

Третий номер вышел 15 июля, в день 40-й годовщины редактора журнала. Юбилей был отмечен вкусным пирогом, аппетитной закуской и прочими прелестями земной жизни. А были они вдвойне прелестными, ибо подносились в шалаше, сооруженном господином Мурзилкой и самим редактором Шампиньоном. К обеду Мурзилка и Шампиньон чуть не поймали щуку, но, застигнутые дождем, вынуждены были прекратить лов, укрылись в каком-то сарае и там сочинили поэму «Щукиада». Она была поменьше гомеровской «Илиады» и пушкинской «Гавриилиады», но вполне достойной «Уютного уголка». Ее намечалось поместить в очередном, четвертом номере.

1914 год начинался в доме Билибиных, как и все предыдущие годы, весело и счастливо. На елке была устроена бесплатная и беспроигрышная лотерея: разыгрывались кровная арабская лошадь, две породистых собаки и другие призы. И хотя арабского скакуна почему-то никто не выиграл, а из двух породистых собак оказалась одна — шаловливая Дэзи, все были довольны. Новый год был встречен шампанским и пирожными из лучшей кондитерской Смоленска.

Но закончился этот 1914-й тихо и грустно. Началась война, и редактора «Уютного уголка» призвали на фронт...

Вокзал визжал гармошками, орал пьяными глотками, стонал бабьими причитаниями и песней про Трансвааль. Песня была трогательной до слез, и пели ее всюду...

На папиных плечах сверкали погоны 56-го паркового артиллерийского дивизиона, на груди скрипели ремни. Юша тогда не понимал, из-за чего горела Трансвааль, в песне пелось о старом буре и его сыновьях:

...и за свободу борются
двенадцать сыновей.

Да и кто из тринадцатилетних мальчишек не хотел воевать... Попросил отца взять его на войну и Юша.

Но Александр Николаевич прижал сына к груди, пощекотал его щеку клинышком бородаки и ответил куплетом из той же песни, изменив одно лишь слово:

А младший сын — тринадцать лет —
Просился на войну.
А я сказал, что — нет, нет, нет,
Мурзилку не возьму.

Рождественские вечера и новогодние елки устраивались по-прежнему, но журнал «Уютный уголок» не издавался, не вывешивались и шуточные объявления.

Заводили граммофон, Георгий подражал певцам и певицам, передразнивал их. Особенно у него забавно получалась Вяльцева, когда он пел точь-в-точь таким же, как у нее, тоненьким с подвизгами голоском про чарующие ласки, про ветерочек, про тройку:

Гайда, тройка, снег пушистый,
Ночь морозная кругом...

Большую часть времени Георгий проводил за книгами. В училище мальчика часто хвалили, в классном журнале против фамилии Билибина стояли одни пятерки.

Его сочинение об Илье Муромце зачитывалось перед всем классом. Автор сравнивал русского богатыря с Рустамом из «Шахнамэ» и подчеркивал, что им обоим свойственны бескорыстие, добродушие, храбрость и хладнокровие в бою...

На этом месте словесник прервал чтение и заявил:

— Я верю, что Георгий Билибин так же будет отличаться всеми достоинствами, когда пойдет сражаться, как и его отец, полковник Билибин, за веру, царя и отечество! — но затем словесник будто камни заворачивал: — Дальше реалист Билибин отмечает, что богатыри люби-

ли бражничать и никто с ними не мог сравниться в количестве выпитого вина... На эту человеческую слабость не следовало бы обращать внимание. И еще: реалист Билибин пишет, что Ильа Муромец никогда не заискивал перед великим князем Владимиром, а Владимир сам кланялся Илье и просил богатыря о защите своего княжества... Это тоже не к месту и не ко времени. А в общем сочинение достойно высшего балла! И посмотрите, каким почерком оно написано! Как будто летописец писал! И разрисовано заставками, буквицами... вполне в русском стиле... Художник Билибин случайно вам не родственник?

В 1918 году Георгий Билибин заканчивал дополнительный класс реального училища, при отличном поведении показывая отличные успехи по всем предметам. Это давало ему право поступить в любое высшее учебное заведение...

И в том же году, весной, распахнулась дверь, и на пороге появился папа — в шинели, но без погон.

— Здравствуйте, сотруднички «Уютного уголка»!

Все бросились к нему.

— Не задушите своего редактора, — закашлялся отец, схватившись за грудь.

Мама испугалась:

— Что с тобой?

— Пустяки, ехал на открытой платформе, простудился.

Папа был на Румынском фронте. Письма от него приходили редко. Знали, что после февраля солдаты выбрали его командиром того же арtdивизиона, которым он командовал и прежде. Папа писал, что война всем осточертела, что скоро солдаты воткнут штык в землю, будут замирение и тогда он вернется.

Но все-таки приехал неожиданно и не так скоро — через год. Радости не было конца, но родители иногда

с тревогой поглядывали друг на друга и о чем-то тихо переговаривались...

— В заграничных банках — ни одного франка, — камбурил папа.

— А вспомни, Шурочка, как мы рвались домой из этой заграницы! — с ужасом воскликнула мама.

— Лучше быть повешенным на горькой, но родной осине, чем скитаться по чужбине... Да и все образуется! Вот — декрет! — папа выхватил из полевой сумки шершавый листок с присохшим клеем на обороте.

А на другой день, рано утром, он простился со всеми и ушел. В тот день все ходили как в воду опущенные, говорили тихо, словно при покойнике, то и дело выглядывая в окно.

Папа вернулся поздно ночью — похудевший, с воспаленными глазами, но возбужденный и радостный:

— Все в порядке, товарищи сотруднички! Могу считать себя полностью проверенным и завтра начинаю служить в Красной Армии! Да и тебе, Георгий Победоносец, не пора ли запеть «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...»?

И они, отец и сын, стали служить вместе. Штаб Западной армии РККА находился в Смоленске: Георгий был сначала посыльным, потом письмоводителем, делопроизводителем, а вскоре и начальником учетно-статистического отделения.

С того дня, как папа вернулся с фронта, кашель у него не проходил, но он, как и прежде, оставался весельчаком и заводилой. Двадцать пятого декабря в столовой он вывесил объявление:

«Сегодня в доме Билибиных рождественский вечер под названием «Смех сквозь слезы». Елка освещается восковыми огарками. Большая беспроигрышная продовольственная лотерея: монпансье, крупа, хлеб ржаной, баранки ржаные, лепешки ржаные и ячменные. Товарообмен. Разнообразные подвижные игры, в их числе: «Холод-

но, странничек, холодно, голодно, родименький, голодно». В этой игре по подсказке одного из участников «тепло — холодно» или «сытно — голодно» остальные отыскивают спрятанные предметы продовольствия и, найдя, съедают их.

Во время вечера музыкантом Мамурой будут исполнены на пианино любимые публикой музыкальные пьесы.

В течение всего вечера самовары подаются по первому требованию. Чай морковный».

Через пять дней — новое объявление:

«Проводы тяжелого, 1918 года и встреча загадочного, 1919-го. Елка. На ней горят 15 восковых огарков, висит множество картонажей. Участники вечера сидят вокруг грустной елочки, каждый думает свою думушку (кто веселую, а кто и невеселую).

Беспроигрышная лотерея: картошка печеная — 10 штук, селедка, огурцы соленые — 3 штуки, лепешки, хлеб.

Меню на ужин: конский бифштекс с картошкой; маринады — грибы, пикули, капуста, чай морковный, скороспелая наливка.

Вот и все!»

...Всю ночь проворочался Юрий Александрович на нарах, вспоминал детство и юность... Заснул он только под утро и видел во сне отца. Отец почему-то превратился в алданского политкомиссара и протянул ему плитку шоколада: «На, возьми, а то с голоду помрешь».

СКАЗОЧНАЯ КУХТА

Утром двадцать восьмого ноября Царегородский снособошел старый тополь, еще раз прочел затесы на его серебристо-глазетовой коре:

«29/VIII-28 г. Отсюда состоялся первый пробный сплав К.Г.Р.Э.»

И его обожгла мысль: «Двадцать девятого, восьмого... Ровно три месяца назад».

Стоя под распятием тополя, Валентин Александрович твердо и громко, как с трибуны, провозгласил:

— Товарищи! Мы повторим маршрут Билибина, пройдем Малтан и Бахапчу! И что бы ни случилось с его отрядом — найдем наших товарищей!

Все были готовы к этому, все отправились сюда с такой целью, а после того, как без особых приключений преодолели без малого триста пятьдесят километров, были уверены в успехе.

Один лишь старик Медов тряс головой, обмотанной поверх шапки бабым платком:

— Бешеный Бахапча, шибко бешеный. Камни тут-там. Река тут-там не замерз, плыть надо. Нарта плыть — суох...

— Полыньи и камни обойдем, Макар Захарович! Где Билибин прошел, там и мы пройдем! А выберемся на Колыму — помчимся по ее льду на всех парусах!

— И на собачьих парах! — весело добавил Кузя Мосунов.

— Через неделю, максимум через десять дней мы должны быть на Среднекане. Должны, Макар Захарович. У Билибина продуктов, если даже они не потеряли груз на порогах, было только на три месяца, только до декабря.

После этого короткого митинга все шесть собачьих нарт двинулись с Белогорья.

Нарты ходко скользили по ровному льду Малтана, запорошенному снегом. Река то сужалась, то расширялась, то разбивалась на протоки, огибая пустынные галечные осередыши и длинные острова. За островами, густо поросшими высоким ивняком, матерые берега не разглядишь. Цареградский распорядился перед разбоями делиться: одни нарты шли по левой протоке, другие — по правой. В этом был определенный риск: протока могла оказаться слепой и непроходимой. Но иначе нельзя, можно было разминуться с людьми Билибина или их следами.

Все пристально всматривались в берега, в сопки, в распадки, за каждой излучиной ожидая увидеть хоть что-нибудь, напоминающее о людях. Но долина была пустынна: никаких признаков жилья, кочевья, даже зверья. Изредка на девственно белом снегу встречались вмятинки мохнатых куропачьих лапок, и они, как единственные приметы чего-то живого, несказанно радовали.

И вдруг за небольшим лесистым островком, в самом конце длинного плеса, что-то померещилось. Будто там, из кривулины, выплыло маленькое облачко, а под ним что-то темнело. Валентин Александрович смахнул иней с заиндевелых ресниц и не очень уверенно промолвил:

— Макар Захарович, посмотри, что там...

Медов, сидевший к нему спиной, развернулся, взгляделся:

— Однако, тунгус — идет, — и закричал всем каюрам: — То-ой!

Со всех нарт по долине покатилося:

— То-ой! То-ой! — и заскрипели железные наконечники остолов по ледяному панцирю.

Разгоряченных собак, увидевших оленей, остановить нелегко. Понесли... Остолом — не сдержать и не осадить. На ходу перевертывали нарты. Тунгус попятился, оттянул своих оленей в сторону, от беды подальше. Так и остановились на почтительном расстоянии.

Макар Захарович пошел на переговоры. Собаки рвались, рыли снег, захлебывались в лае. Якут и тунгус беседовали очень долго, обменивались всеми капсе. Наконец старик Медов возвратился.

— Тунгус с Буюнда сказал: нючей не видал. Другой тунгус, с Таскан тунгус, сказал этому тунгусу: нючей видал, шесть нючей видал, два плота видал, Колыма плыли.

— Когда это было?

— Когда скоро снег лег.

— В сентябре, значит? А где они остановились?

— Тунгус Таскан не знает. Другой тунгус, Сеймчан тунгус, сказал: Хиринникан.

— На Среднекане, значит? А что они там делали?

Макар Захарович пожал плечами и снова ушел на капсе. На этот раз вернулся быстрее:

— Груз сняли, ночь ночевали, четыре нючи груз взяли, пошли Хиринникан, два нючи остались, много груз остались...

— А какие они? Приметы какие? Волосы, глаза, рост? Как их зовут, знает?

Старик опять потопал на расспросы. На этот раз их диалог был что-то подозрительно долгим и, видимо, неспокойным. Слов не хватало, объяснялись руками. Якут, плечистый, высокий и долгорукый, размахивал широко. Тунгус, маленький, весь в мехах, издали похожий на евражку, ручки свои коротенькие, словно евражкины лапки, все прижимал к себе.

Воротился старик насупленным, еще более ссутулившимся и даже злым, хотя принес вести отрадные. Бросал их, словно тяжелые камни:

— Плохой тунгус! Мало знает! Один Длинный Нос знает! Это Сергей!

— Раковский, значит? Длинный Нос!

— Билибина не знает! Улахан тайон кыхылбыттах не знает! Моя знает! Жив улахан тайон кыхылбыттах!

Валентин Александрович ласково обнял Макара Захаровича...

Но Медову, видимо, было не до нежностей, да и не привык он к ним — оттолкнул Цареградского:

— Назад пошли! Элекчан пошли!

— Зачем назад? Вперед, Макар Захарович! На Колыму! Через Бахапчу!

— Глупый ты! Бахапча бешеный! Бахапча — Хиринникан далеко. Элекчан — Хиринникан близко.

Валентин Александрович опять попытался обнять старика:

— Спасибо! Спасибо за то, что глупым назвал. Товарищи! — крикнул Цареградский, обращаясь ко всем. — С Билибиным все в порядке! Билибин жив! Все живы! Все на Среднекане! А раз с Билибиным все в порядке, то, как мудро решил товарищ Медов, наш красный якут, и я, ваш улахан тайон, нам незачем ехать в Среднекан кружным путем, то есть по Бахапче. Возвращаемся на Элекчан! И оттуда — на Среднекан! Назад, товарищи! То есть вперед, товарищи!

Нарты подняли. Упряжь поправили. По уже проторенной дороге собаки бежали шибче. Через три дня вернулись на Элекчан, в знакомое и уютное зимовье. Устроили дневку и, отдохнув, были готовы ехать на Среднекан, надеясь догнать и перегнать Эрнеста Бертина и первую партию оленьего каравана, которая шла из Олы и лишь два дня назад миновала Элекчан.

Но тут Макар Захарович — он все время после встречи с тунгусом ходил словно в воду опущенный — отозвал Цареградского в сторонку:

— Литин, жди оленей тут. Еще олени скоро будут. Моя пошла Ола.

— Как — в Олу? Придем на Среднекан, тогда — в Олу. Ведь так договаривались?

— Литин, ты взял шибко много груза. Корма собачкам — мало. Хиринникан — туда, Ола — туда, юкола не хватит. Погибай собачка. Чужая собачка...

— Что ж делать? — растерялся Валентин Александрович, чувствуя, что старый якут чего-то не договаривает. — Я не могу отпустить вас с полдороги. Ты же знаешь, Макар Захарович, как мне необходимо попасть на Среднекан. И как можно скорее! У Билибина нет продуктов, их хватило только до декабря, а сегодня...

— Там Сеймчан якуты, Таскан якуты... Помогут. Би-

либин на Бахапча не погибай, на Хиринникан много лет жить будет. А собачка зачем погибай? Зачем моя погибай?

— Как «моя погибай»? Что ты говоришь, Макар Захарович? Ты что-то скрываешь?.. Может, тот тунгус угрожал? Опять хотят убить, да?

Макар молчал. С большим трудом Валентин Александрович кое-что выведal...

Тунгус, похожий на евражку, которого расспрашивал Макар Захарович, сначала промолчал, а потом все же решился и передал Медову решение Элекчанского родового Совета.

Были еще тогда, как переходная форма к Советской власти, такие родовые Советы кочующих тунгусов. Вывеска советская, а под ней те же старорежимные князцы с царскими медалями на груди и царскими печатками в торбе — тот же Лука Громов, что продавал диких оленей экспедиции, Григорий Зыбин...

Эти князцы, эти новые оленехозяева, о русских, об экспедиции и Союззолоте распускали всякие небылицы и, когда первый зимний транспорт Союззолота продвигался на Среднекан, уключивали от его маршрута за сто и двести верст. Они-то, эти громовы и зыбины, и протасили на собрании родового Совета наказ убить Макара.

А все за то, что он, саха, якут, ведет нючей на Север. Русские без него не прошли бы, а теперь прошли, а за ними много русских пойдет. Пришлые люди, чужаки дешенних мест, тайгу запалят, ягель сожгут. Олень помирай — тунгус помирай. И виновник всей гибели — саха Макар. Его уже раз предупреждали, последний раз предупреждают: не уберется за Элекчанский перевал — убьют, со всеми кудринятами и макарятами убьют.

Так, может быть, с риском для себя известил Макара Медова тунгус-«евражка».

Макар Захарович, рассказав Цареградскому всю эту историю, просил ничего не говорить приемным сыновьям Михаилу и Петру: парни горячие, комсомольцы, на рожон полезут. Сам старик не испугался, но разумнее пока отступить. Да и корма собачкам в обрез... На обратную дорогу в самом деле не хватит.

Теперь долго молчал Цареградский. Наконец сказал: — Ну, что ж, Макар Захарович, возвращайся на Олу. И там сразу — в тузрик! Тузрик должен отменить незаконное постановление родового Совета. А еще лучше в ОГПУ. Классовые враги по их части. И никого не бойся. Никто тебя не тронет. Мы этого не допустим!

Расставались грустно. Печально улыбались раскосые карие глаза Петра и Михаила. У старика слезу пробилло...

— Прощай, догор, — говорили всем и каждому сыновья Макара, — прощай, тобариш. Мы приедем на Колыму.

— И моя придет... Зима пройдет, лето пройдет — моя придет...

Вторую партию большого аргиша ждали пять дней. Без дела не сидели. Перебирали груз, благоустраивали зимовье, в звездные ночи определяли астропункт: Элекчан должен был стать перевалочной базой.

Но Цареградскому в эти дни казалось, что он, после ольского великого сидения, снова попал в полосу невезения. Быстролетная езда на собачках, джек-лондоновская эпопея оборвалась, как приключенческая книга без последних страниц. На первый олений транспорт он опоздал, и всего на каких-то два дня.

А ехать с первой партией было бы лучше. И не только потому, что придет она на Среднекан и доставит очень нужный груз. Шли с этой партией и пассажиры: приисковые старатели, административно-технический персонал, горный инженер Матицев и горный смотритель Кондрашов, молодые специалисты, с которыми познакомился

Цареградский на Оле; шли почти все оставшиеся в Оле работники экспедиции, даже старик-доктор Переяслов. Теперь они все впереди, может быть, уже подходят к Среднекану, а он, их руководитель, остался... Большой аргиш — сто оленей, сорок нарт — ведет Давид Дмитриев, сын столетнего Кылланаха — человека бывалого и надежного.

Проводник второй партии — Александров — тоже не лыком шит: самый богатый саха на Охотском побережье, тридцать пять лет ходит по колымской земле. У него десять лошадей, пятнадцать оленьих нарт и морская шлюпка. Мужик старательный, но прижимистый и себе на уме. Билибин не мог с ним договориться о перевозках. Лежава-Мюрат просил Александрова вести караван. Быть проводником первой партии наотрез отказался: и стар, и болен, и олени слабы, и снегу много... Не соглашался вести вторую, по уже проторенной дороге, опять ссылаясь на свой застарелый ревматизм ног и подагру рук.

Но Мюрат от кого-то узнал, что на пути есть горячий целебный источник, которым в прежние годы Александров пользовался, и поймал его на слове:

— Вот и хорошо, Михаил Петрович, очень кстати, что есть у тебя ревматизм и такая аристократическая болезнь, как подагра. На пути подлечишься. Считаю, что за счет Союззолота на курорт едешь.

И цену набивал этот Михаил Петрович, но Лежава расценки на все транспортные операции установил твердые. Единственно, что выторговал Александров — это приличный аванс. Лежава-Мюрат в Александрове был уверен, знал, если тот возьмется — не подведет. И не поскучился на аванс.

Выставил старый якут все свои пятнадцать нарт, столько же подрядил у других, нанял каюрами тунгусов, бывших под его рукой, и вместе с четырьмя своими сыновьями повел вторую партию большого аргиша.

От Олы до Элекчана первая партия торила дорогу двадцать дней. А партия Александрова пролетела весь этот путь без дневков за четыре дня. Останавливались только на ночевках, чтобы подкормить оленей на ягельных местах. Александров так спешил, что чуть было не проскочил мимо Элекчана. Сидеть бы тогда Валентину Цареградскому еще неизвестно сколько.

Цареградскому и его товарищам Михаил Петрович охотно разрешил пристроиться к своему обозу и разместить их груз по облегченным нартам.

Не задаром, конечно.

Вниз по знакомой долине олени шли скоро, и Валентин Александрович радовал себя надеждой, что, если и дальше так будут идти, пожалуй, нагонят первую партию. Но у Черного озера, пустынного, с голыми, как в тундре, берегами, свернули вправо и стали подниматься по Хете, притоку Малтана, на крутой и высокий перевал. Поднимались два дня.

Когда взяли его и начался спуск, казалось, есть где разбежаться. Но осторожный Михаил Петрович на седловине распорядился выпрячь оленей и привязать сзади нарт, а к нартам пристроить тормоза: полозья обмотали веревками, нарты сдвоили. Спускались тоже два дня.

Внизу лежала узкая долина реки Талой — той самой, где есть горячий источник, о котором был слышан и Цареградский. Источник сразу же дал знать о себе. Вся долина утонула в тумане, а когда стали подъезжать к берегам реки, то увидели, что вся она — в огромных незамерзающих промоинах и парит, несмотря на пятидесятиградусные морозы.

Немного проехали вдоль этой реки... И вдруг Александров останавливает аргиш и объявляет отдых: большую дневку, дня на три-четыре, а может, и неделю. Цареградский стал возражать, но Михаил Петрович заусмехался:

— Большой начальник Мюрат велел. Олени устали, ноги болят, руки болят. Мюрат лечить велел, — и на трех ездовых нартах, нагруженных только продуктами да палаткой, направился в распадок. — Горячий вода там. Шибко помогай вода!

На обрывистых утесах, на столбах — киргиляхах, похожих то на башни, то на каменных идолов, выглядывали из-под снега кое-где белые туфы и застывшие лавы. Когда-то здесь извергались вулканы, и горячий источник, вполне вероятно, — живой свидетель такого извержения. Цареградскому очень хотелось осмотреть ключ, и он попросил Александра взять его с собой.

— Мешать не будешь — ехай.

И они поехали вдоль ручья. Ручей, живой, словно летом, весело бежал по камням. Над ним кружевами нависали заиндевелые ветви краснотала, ольхи и сверкали и искрились на солнце, будто елочные гирлянды.

Валентин Александрович громко выражал свое восхищение:

— Сказка! Рождественская сказка!

— Что говоришь? Ты что там! — оборачивался якут.

— Сказка — говорю! Иней, как на елке!

— Кухта.

— Что?

— Кухта — говорю!

— Подумать только — все это создано водяными па-рами...

Вскоре они свернули за небольшие моренные холмы, нагроможденные ледниковой эпохой, и въехали в небольшую котловинку. И тут, чуть не задохнувшись от застоявшегося сернистого газа, погрузились в липкий обволакивающий туман.

Снегу не было. Вместо него земля, камни, прошлогодняя трава серебрились изморозью. Кусты и деревья снизу доверху были щедро унизаны мохнатым инеем, будто

облиты борной кислотой. Было сумрачно, но все мерцало и фосфорилось каким-то нездешним светом. А наверху, там, где лучи солнца, пробившись сквозь расщелины гор, касались вершин тополей и лиственниц, поблескивало перламутром.

— Кухта, — вслед за якутом повторял Валентин Александрович.

Александров остановил нарту возле какой-то темной лужицы, кувившейся сизым паром, и стал натягивать над нею бязевую палатку. Пар быстро набрался под ее пологом, как в бане на верхнем полке. Старик мигом обнажился и шустро полез в воду, даже не проверив ее. Мутноватая, она еще более замутилась и синеватыми глинистыми разводами обволокла распластанное жирное тело. Нежась, Михаил Петрович переворачивался с боку на бок, кряхтел:

— Ха! Ха! Хорошо! Шибко хорошо! Шибко горячий вода...

Валентин Александрович не рискнул потрогать «шибко горячий вода», но извлек из рюкзака термометр и стал измерять. Температура воздуха была минус сорок четыре по Цельсию. А в лужице спиртовой столбик взлетел и замер на отметке плюс сорок четыре.

— Долго нелзя, Михаил Петрович.

— Можно, долго можно.

Лужица была не одна: чуть повыше был еще грифон, а за ней — еще. Каждая кипела газовыми пузырьками, и каждая, мутновато-темная, в заиндевелых берегах, походила на старинную, почерневшую от времени картину в серебряной раме.

Цареградский измерил температуру луж и установил, что чем выше грифон, тем и температура выше. Если в нижнем — сорок четыре, то в среднем — пятьдесят шесть, а в самом верхнем — шестьдесят восемь, следовательно, здесь где-то бьет из земли и сам источник.

- А сколько же бывает летом?
- Шибко горячий! Мясо варить можно.
- Ты сам-то не сварись, Михаил Петрович. Уже кра-
сней как рак. Вылезай-ка.
- Рано вылезай-ка. Долго сиди надо. Еще пить надо.
Шибко надо.

Кожа старика заалела, покрылась мелкими бисерин-
ками газовых пузырьков, глаза блаженно осоловели.
Но вылезать он не торопился. Отмыл от грязи руки и, за-
черпывая воду пригоршнями, стал лить на лысую голо-
ву. Совершив омовение, стал пить воду из ладоней, по-
фыркивая и отдуваясь:

— Ха! Ха! Шибко кусно!

Валентин Александрович тоже решил испытать воду
на вкус. Зачерпнул кружкой из другой, более горячей
лужи, осторожно подул и глотнул. Вода сильно отдава-
ла сероводородом, но пить было можно.

Прошло не меньше часа. Цареградский, опасаясь за
жизнь старика, потянул его за руку. Александров не со-
противлялся, но и не двигался. Пришлось его выволаки-
вать, одевать, как малое дитя.

Якут едва ворочал языком:

— Юрта там, юрта веди...

Валентин Александрович тащил грузного старика на
себе:

— Нельзя так, опасно, был бы один — погиб.

— Можно. День можно, другой можно, еще можно,
неделя можно... Рука дурная погода не сгибай, приехай,
неделя лежи, рука хорошо сгибай.

Тащить, к счастью, пришлось недалеко. Из посереб-
ренных снежным инеем зарослей выступила крохотная,
под плоской кровлей избушка, такая же, как и все во-
круг, заиндевевшая и похожая на елочную избушку. Почу-
дилось, что из нее сейчас выйдет дед-мороз или снегу-
рочка, а может, и сама баба-яга.

Вошли. А в избушке — и столик с двумя пнями вмес-
то стульев, и железная печка на четырех камнях, и две
кровати. Печка — из жестяной банки из-под шанхайско-
го сала, труба — из баночек японского конденсирован-
ного молока. Кроватки — узкие деревянные полки вдоль
стен. На всем заиндевевшая копоть. Давно, видно, здесь
никто не бывал. Но в печурке, по таежному обычаю, за-
готовлены дрова, а для разжиги — стружки-петушки. Пе-
чурка вмиг запылала и покраснела, избушка озарилась
багровыми сполохами и стала обжитой.

За чаем Михаил Петрович разговорился:

— Лето тут шибко хорошо! Рано лето! Март — уже
травы, цветы...

— Какие цветы?

— Всякие: белые, зеленые...

— И много раз ты здесь бывал?

— Шибко много! Как на Колыму — так сюда.

— И другие здесь лечились?

— Много другие. Купец Бушуев давно лечился, шесть-
десять зим прошло. Купец Калинин, Петр Николаевич, и
жена его Аниса Матвеевна... Заведующий факторией,
тоже Калинин, Алексей Васильевич, много лечился.
Старатель охотский Кузнецов на Колыме золото искал,
а тут помер.

— Как — помер?

— Дурной был. Один был. Лежал той яме, где ты
вода пил, там помер. Дурной он, припадок был. Когда
я пришел, одни кости лежат. Вода все унесла. Кости я
собрал и вон там закопал, похоронил, как Борисуку...

Старик вдруг смолк, будто язык прикусил. Не знал,
что сказать и Валентин Александрович — онемел. О Бо-
риске, одиноком искателе колымского фарта, Цареград-
ский был наслышан. Эрнест Бертин, Билибин, Макар
Медов много и разно говорили о нем и его загадочной
смерти. О Кузнецове услышал впервые, да еще такое,

что муторно стало. И, не зная, что сказать, Валентин Александрович спросил:

* — А он золото нашел?

— Кто? Бориска?

— Нет. Тот... припадочный?

— Моя не знает, — и Александров окончательно смолк, сделав вид, что заснул.

Ночью где-то с треском лопались деревья, видимо, крепчал мороз. От кипящего источника ползли какие-то шорохи. Отвратительно пахло сероводородом, копотью зимовья и прелью. Валентин Александрович долго не мог уснуть, часто просыпался, видел какие-то кошмарные сны...

Чуть поспокойнее были следующие ночи. Но первую кошмарную ночь Цареградский забыть не мог и спросил Александра:

— Здесь как, по вашим верованиям, духи какие-нибудь водятся?

— Водятся. Горячая вода духи охраняют.

— А они нас отсюда не попросят?

— Вода береги, не сори, спирт не пей и дурное слово не говори. Духи добрые будут. И бога верить надо.

— А нам все-таки ехать надо, на Среднекане нас ждут.

— Улахан тайон верить надо. Большой начальник Мюрат говорит: руки, ноги лечить надо.

И упрямый якут лечил руки, ноги целую неделю.

Валентину Александровичу ничего не оставалось, как ждать и продолжать исследования источника. Он каждый день измерял температуру во всех трех лужах, брал воду для анализов и даже приспособился взять пробы газа. А когда якут, наконец-то завершив курс лечения, стал собираться в дорогу и натолкал в торбу грязь, чтобы лечиться ею дома, то Валентин Александрович взял и ее образцы.

В день отъезда он сделал в дневнике запись:

«23/XII-28. Сернистый источник. Вершина р. Талой. С W стороны отделен от долины р. Талой... — детально описав источник, Валентин Александрович привел в дневнике рассказ проводника-якута М. П. Александрова о всех, кто пользовался этим источником, закончив смертью Кузнецова: — ...через месяц Александров нашел его тлевшим в ванне. Могила на Талой».

Уезжая с горячего ключа, бодрый и посвежевший, якут говорил:

— Рука, нога доровы — шибко поедем.

До Среднеканского перевала двигались без происшествий. Дни проводили на нартах, вечером расставляли палатки, пили чай, плотно ужинали и укладывались спать. Жаль, что дни были очень короткие — проезжали немного.

Из узкой долины Талой выбрались на широкую Буюнду, долину Диких Оленей, с Буюнды свернули на Гербу и по ее притоку Сулухучану начали подниматься на Среднеканский перевал.

Наверху прихватила пурга. С юга подул сильный ветер, потеплело градусов на тридцать, и понеслись тучи снега. Олени и люди сгрудились среди тощих лиственниц, боясь отбиться и затеряться.

— Ходи нельзя, стоять будем! Хурта! — кричал Цареградскому на ухо Александров.

Хурта редела и сшибала с ног. Но разбить лагерь было еще сложнее, чем стоять на ногах. С трудом удерживая отяжки и полотнища, кое-как натянули большую палатку, придавив края тяжелыми нартами, ящиками, и сами забрались под полог. Палатка вздувалась пузырями и, казалось, вот-вот взлетит, будто воздушный шар. Разжечь огонь немыслимо: ветер ворвется в трубу, запалит все и всех. Так, не раздеваясь, прижавшись друг

к другу, согреваясь лишь своим теплом да куревом, сидели всю ночь.

Утром шелоник приутих, сменившись на коловоротный бурун, и Митя Казанли спросил:

— Может, поедем?

— Навряд ли, — ответил Цареградский. — Каюры, пожалуй, не смогут собрать оленей...

— Стоять будем, — услышав их разговор, повторил Александров. — Три дня стоять будем.

И он оказался прав. Хурта кружила трое суток. Цареградский и Казанли переселились в небольшую палатку, затопили печку-колымчанку — стало тепло и уютно. Валентин Александрович взялся за дневник и, перелистывая его страницы, вдруг хлопнул себя по лбу:

— Черт возьми, Митя! Ведь завтра Новый год!

Выскочил, бодро преодолевая ветер, сбегал к Александрову, с его помощью распаковал неприкосновенный ящик, щедро одарил всех каюров огненной водой и принес две бутылки с собой.

Всю ночь Митя и Валентин не спали, желали друг другу всяческих благ в наступающем, 1929 году, читали стихи, пели, вспоминали родной Ленинград.

Ранним утром, когда они решили все же маленько поспать, ввалился в палатку белый, словно привидение, Лежава-Мюрат и простуженным басом заскрежетал:

— С Новым годом и с новыми несчастьями! Быстрее в путь! Поедем налегке, по дороге обо всем договоримся... Где этот подагрик Александров? На Среднекане, торбасное радио сообщило, творится такое... одним словом — людоедство!

Часть четвертая

ОЧЕНЬ ХОРОШЕЕ ЗОЛОТО

БОЛЬШОЙ АРГИШ

Напраслину возводили на Демку. Пес, оставшись на торце застрявшего плота, не испугался ни ледяной воды, ни шума бурунов и вовсе не обиделся на геологов, которые не перенесли его вместе с грузом на берег — такими почестями он не был избалован. Просто Демка не хотел мешать людям, всю ночь возившимся с подмоченными тюками и ящиками в реке и у костра; он считал своим долгом не покидать плот, а охранять его. Вытянувшись по торцу, пес до утра пролежал на одном месте, не меняя положения.

На рассвете, когда начали снимать плот с «быка», Демка выплыл на берег и с чувством исполненного долга, хвост пистолетом, взмахивая длинными ушами, будто крыльями, припустился по твердой, морозцем схваченной земле, чтоб размяться и согреться. Запахи осенней дичи увлекли его далеко в глубь тайги.

Слышал он и первый и второй выстрелы Степанова ружья, возвращался на оба сигнала, но всякий раз жирные птицы сбивали его с пути. Короче, когда пес вернулся на место ночевки, то не увидел ни плотов, ни хозяина.

В отчаянии пес бросился в реку, забрался на «быка», на котором торчал плот... Долго вертелся на этом камне, соскальзывал с него, снова взбирался, вытягивал против ветра острую морду с траурно повисшими ушами, искал, скулил, выл...

Якут, обещавший Степану приютить сукина сына, звал его по-своему, по-якутски, но Демка не реагировал. Он и щенком в руки чужим не давался. Кинулся с того камня и, разрезая белой грудкой темную воду, поплыл вниз.

Демка не догнал своих. Видимо, обрывистые скалистые щеки Бахапчинского ущелья и бешеные воды не пропустили, а может, след потерял. Через три недели возвратился на это же место и всю ночь голосил на том же камне.

Якут и его мальчонка опять манили собаку, соблазняли даже вареным мясом, но пес и на этот раз не подошел к чужим. Поджав хвост, устало и уныло потрусил берегом вверх по реке. Больше якут-заика не видел его.

Где мелкой дресвой, где по обледелым валунам, карабкаясь по скалам, продираясь полегшим кедровником, водой и тонкими скользкими заберегами, Демка прошел Малтан от устья до вершины.

Добрался до стана Белогорье. Под старым раскоряченным тополем, под остовом палатки, где ароматно пахло потом и крепким табаком хозяина, пес стелился брюхом.

От Белогорья по тропе с лошадиным пометом Демка поднялся на перевал и здесь, уже в ноябре, ровно два месяца спустя после разлуки с людьми, услышал знакомые запахи. По их следу прибежал на Элекчанское зимовье и с ликующим визгом бросился на плечи Эрнеста Бертина, облизал здоровенные и потные руки Петра Белугина, облизывал обвислые сивые усы Павличенко, а Игнатьеву чуть было совсем не свернул и без того кривой нос.

А они едва узнали любимца экспедиции. Тощий, покусанный, с вырванными клоками шерсти, не то закуржавленный, не то поседевший, Демка не был похож на того гладкого черного пса с белоснежной грудкой, кото-

рого так приятно было поглаживать. Признали пса только по длинным ушам.

— Д-д-демка! Лопухий! Т-т-ты? — оторопел Бертин.

Карие собачьи глаза были полны слез и сияли. Демка лизался, ласкался, визжал и лаял... И все куда-то порывался: то на север, в сторону Колымы, то на запад, где Бахапча, то на юг.

В тот же день Бертин написал письмо:

«В. А., с нашим первым отрядом случилась, вероятно, какая-то неприятность...»

С письмом Бертин направил в Олу Евгения Игнатьева, а сам распорядился как можно скорее снаряжаться на спасение отряда Билибина. Выстругали еще три пары широких, более надежных лыж, смастерили три нарты.

Когда подыскивали березу для поделки нарт, наткнулись на пасущихся оленей. Стойбища нигде не оказались, оленехозяева уже откочевали. Удалось встретиться лишь с одним тунгусом, который собирал отбившихся от стада животных.

Тунгус был запуганным и робким, ни слова не знал ни по-русски, ни по-якутски. Битый час Бертин, Павличенко и Белугин пытались вывести от него хоть что-нибудь — все без толку. Одно вроде бы выудили: на Бахапче русских нет, на Хиринникане какие-то русские есть.

— Как идти на Хиринникан?

Тунгус махал руками и на север, и на восток, и на запад — во все стороны. Уговаривали быть проводником, но где там... Упрашивали продать хотя бы пару оленей, хоть не обьеженных — ни в какую: олени не его, хозяин — Зыбин.

Через неделю встали на лыжи, впряглись в нарты и потянули. Двинулись на северо-восток, к перевалу над вершиной Малтана. Шли по компасу, по солнцу и звездам. Эрнест Петрович ворошил свою память, силясь

представить ту спичечную карту, которую складывал когда-то Казанли на земляном полу юрты Макара Медова, бил себя по лбу и нещадно ругал за то, что он, хитроумный, не зарисовал тогда эту карту. Все ее зарисовали: и Билибин, и Казанли, и Раковский, а он поленился.

На перевал карабкались десять дней. Снег был глубок и рыхл. Демка пахал брюхом, выпрыгивая и выгибаясь хребтом. Лыжи утопали, нарти тоже. Под них подкладывали таловые ветки, тащили, как по гати. В день больше десяти километров не делали.

Надеялись, за перевалом станет легче: все-таки спуск, а не подъем, да и снег на северном склоне должен быть покрепче. Но и за перевалом легче не стало. Река по ту сторону, как догадались — Талая, вся была в полыньях и пропаринах, туманом прикрытых. По льду идти опасно, продирались берегом, застревая в кустах и меж камней. По Тальской долине тащились две недели.

Эрнест помнил, что Талая выходит к Буюнде, в долину Диких Оленей — широкую раздольную. Полыньи и пропарины остались позади. Но тут, на Буюнде, — наледи. Они возникали на глазах: то спереди, то сзади — взрыв, и из-под льда вырывается вода.

За туманом не видно, где и как обходить разливы. Лезли напролом, шли в воде по колено и выше. Выбирал путь Демка. Где он не плыл, там и шли. Наледь минуют — скорее костер: сушили катанки и портянки, ноги натирали спиртом. Наледи встречались часто, морока с просушкой осточертела.

Остановились на очередную ночевку у какого-то распадка. Эрнест знал, что Буюнда впадает в Колыму ниже Среднекана километров на сотню с гаком. Если идти до устья Буюнды, то придется возвращаться на юг по Колыме — до Среднекана. Это будет крюк дней на двадцать, и Билибин не дожидется его. Надо, как говорили якуты Медов и Кылланах, где-то сворачивать от Буюн-

ды влево, в какой-то распадок, по какому-то притоку, помнится, вроде бы Гербе... А затем еще по какому-то притоку этой Гербы переваливать в Хиринникан-Среднекан, Долину Рябчиков.

Но где этот распадок? Где эта Герба? Распадков — тысяча, рек и речушек, впадающих в Буюнду слева, — столько же. А указателей никто не догадался повесить, и спросить некого. Всю ночь хитроумный Эрнест не спал у какого-то неизвестного распадка, на устье какой-то неведомой реки, скрытой подо льдом.

Утром отчаянно спрашивал Демку:

— Пес, сукин сын, где Герба?

Демка молча стучал хвостом.

— Чертова Герба, где ты?

Герба не отзывалась.

И вдруг Демка повернул свою морду назад и быстро зашевелил кончиком носа, приняв себя. Обернулись и остальные. И увидели: далеко позади, там, где они вчера вечером миновали наледь, плывет густое облачко. Олени? Тунгусы? С нетерпением стали ждать: они-то скажут, где Герба.

Облачко наплывало медленно. Наконец стали вырисовываться олени с ветвистыми рогами, нарти, люди! Насчитали двадцать нарт... Олений караван! Аргиш!

— Ура! Аргиш!

Первым на верховом олене, разбрасывая иноходью снег, подскочил Давид Дмитриев, сын столетнего Кылланаха, с которым Бертин чокался в его юрте на Гадле.

— Свои, однако, — удивился Давид.

— Свои! — набросились на него все трое, стащили с оленя и чуть не удушили в объятиях.

— Г-г-где 3-3-здесь чертова Герба? — заикался Эрнест.

— Вот она, однако.

— У-у, скаженная...

Караван подошел. Оленей штук полтора, каюров, якутов и тунгусов — с десяток, семь пассажиров и почти все знакомые: заиндевелый, как сосулька, доктор Переяслов, горный инженер Матицев, у которого из-под маляха поблескивает лакированный козырек форменной фуражки с молоточками на околыше, молодой, бородастый горный смотритель Кондрашов.

Сразу стало шумно, весело в устье безмолвной Гербы. Разбили табор, устроили дневку, чтоб завтра со свежими силами брать Среднеканский перевал.

Через два дня спустились в Долину Рябчиков.

А еще через день Демка напал на лыжный след своего хозяина Степана Степановича, рванулся вперед, свернул влево и скрылся за невысоким каменистым обрывом.

Бертин с одним лишь легким рюкзаком погнался за ним на лыжах по хорошо утоптанной лыжне, но угнаться не мог.

А тут с того же обрыва свалилась прямо на лыжню какая-то туша в овчинном тулупе с обкромсанными лапами:

— Сафейка — я! Сафейка! Кунак, догор, товарищи, спасите! Едят меня... едят... Вот шубу ели... Меня едят...

Бертин оттолкнул его как сумасшедшего:

— Билибин где?

— И Билибу едят...

— Где Билибин? — тормошил Эрнест очумелого. — Где наши?

— Там наши!

Бертин, за ним Белугин и Павличенко бросидись в неширокую тихую долину, по Демкиным, похожим на венчики, следам.

Демка, словно волна, стелился по снегу. Он мчался к палатке, возле которой сидели у костра два человека.

Первым увидел собаку Алехин:

— Степан, мясо бежит!

Степан Степанович обернулся:

— Демка! Сукин сын!..

Из барака, тесня друг друга, выскочили Билибин, Лу-неко и Чистяков.

Подъехали Бертин, Белугин и Павличенко.

— Ж-ж-жив, Юрий Александрович! Ж-ж-живы! А мы чего только не думали! Демка вернулся, а от вас ни слуху, ни духу... А тут какой-то сумасшедший Сафейка: съели Билибу...

— Я сам сейчас кого угодно съем.

— 3-з-здорово, Степан! 3-з-здорово, Алеха! Что варите?

— Обед для вас готовим: бульон из конской шкуры!

— Хорошо! А я к конскому бульону коньяк привез! Принимай, Юрий Александрович, пять звездочек. А это — шоколад. Все это — рождественский подарочек от моего брата-политкомиссара. А это — письмо.

— Что я говорил?! Говорил я — через два дня Вольдемар Петрович пришлет мне шоколад с коньяком?! Говорил?! Вот — он!!

Билибин радовался сбывшемуся сну и своему предсказанию, казалось, больше, чем прибытию долгожданного большого аргиша.

— А С-Сергея где? Раковский-то ж-ж-жив?

Сергей Дмитриевич в это время был на стане прииска. Туда прибежал Сафейка. Раковский бросил все дела и — на базу. По дороге встретил Переяслова. Они завилились в барак, когда уже разгорелся пир...

— Голубчики, голубчики, — умолял доктор Переяслов, — много не ешьте.

Эрнест привез Раковскому письмо и посылку от своего брата, но, прежде чем передать их, заставил своего друга поплясать.

Вольдемар Петрович Бертин писал примерно одно и то же: поздравлял с благополучным прибытием на Колы-

му, передавал приветы от всех алданских знакомых и от своей жены Танюши, пожелал найти хорошее золото и уже выражал уверенность, что за него, наверное, зацепились. О себе сообщал по-деловому коротко: приезжал на Алдан председатель Союззолота товарищ Серебровский, говорил о большом развороте золотоискательских работ в Сибири и на Дальнем Востоке, поставил задачу — «расшевелить золотое болото». Говорили с ним и о Колыме и о Чукотке. И тут же, в Незаметном, Серебровский издал приказ отправить на Чукотский полуостров экспедицию в тридцать пять человек. Тридцать шестой едет Танюша, а он — при ней и во главе экспедиции.

Письмо было написано во Владивостоке, в конверты вложены фотокарточки, на которых запечатлены все участники Чукотской экспедиции в бухте Золотой Рог.

— Юрий Александрович, теперь дело за нами! Возобновим работы? — сказал Раковский.

— Начнем, пожалуй, — ответил Билибин. — Рождественские каникулы кончились.

СПАСАЙТЕ НАШИ ДУШИ

На другой же день после прихода первого каравана уполномоченный Якутского ЦИКа Елисей Владимиров пригнал с Таскана одиннадцать оленей — ездовых и на мясо. Ждали с Олы второй транспорт и Лежаву-Мюрата, и они второго января прибыли.

Ликованию не было конца. На базе соорудили новую вместительную квашню. Юрий Александрович не забыл Анастасию Тропимну Жукову, современницу Пушкина, и с Елисеем Ивановичем направил ей и другим сеймчанским якутам хлеб свежей выпечки. Все ожили. Отовсюду неслись песни. На прииске в каждом бараке пекли, жарили, варили.

В январе возобновили разведочные и эксплуатацион-

ные работы. Долбили и опробовали последние шурфы на разведлинии Безымянного, приступили к строительству новой базы на терраске Среднекана (недалеко от приисковой конторы) и начали зарезку шурфов ниже устья Безымянного, у ручья, который позже назовут Кварцевым.

Золотой пятачок при устье Безымянного за зиму перелопатили вдоль и поперек. Пофартило артелям Сологуба и Тюркина — напали на богатые кочки. Хабаровцы и корейцы рыли и мыли рядом, но им не везло. Пытались копнуть ямы в стороне от пятачка — даже знаков не обнаружили. А тут вслед за Лежавой-Мюратом, со вторым транспортом, который привел Александров, появились новые старатели. С третьим транспортом шли еще человек сорок — и всем подавай золотые непочатые участки.

Лежава-Мюрат, как приехал, тотчас собрал всю свою контору: Оглобина, Поликарпова, новых технических руководителей, горного инженера Матицева, смотрителя Кондрашова, снабженцев Кондратьева и Овсянникова. Пригласил на совещание Билибина и Цареградского.

Первое слово предоставил Юрию Александровичу. Билибин положил перед всеми на стол заявку Поликарпова и шурфовочный журнал Раковского. Прямо, без всяких преамбул, доложил:

— Заявка не подтвердилась, — накрыл ее широкой ладонью, а другой пятерней указал на журнал, — долина Безымянного пуста. — И, как вывод, добавил: — От разведки, поставленной без предварительных летних поисков, на основании одних заявок, нельзя ожидать хороших результатов.

Поликарпов сидел напротив, повесив, словно на похоронах, черную с проседью голову.

Таким же печальным был и Лежава-Мюрат. Всегда энергичный, бодрый, он даже растерянно запричитал:

— Что же делать, товарищи? Что делать? Сюда понаехало почти сто человек, и с нашего ведома, и без нашего ведома. Все — за золотом. С великим трудом мы снабдили их всем необходимым. А золота — нет? Что же делать, товарищ Билибин?

— Летом развернем поиски. А пока поставим разведку вниз по Среднекану и вверх. Организуем два разведрайона, — скупое ответил Юрий Александрович.

Цареградскому было жалко и тяжело смотреть и на Поликарпова, и на Лежаву-Мюрата, да и на Билибина. Валентин Александрович взял поликарповскую заявку, повертел ее, прочитал еще раз и осторожно начал:

— Может, товарищи, в этой заявке не все ясно, а может, не вполне грамотно составил ее товарищ Поликарпов и мы не вполне поняли ее? Вероятно, на основе этой заявки разведку следовало бы ставить не по долине Безымянного, а как тут написано — на стрелке ключа Безымянного, то есть, как я понимаю это слово «стрелка», в приустьевой части Безымянного, а точнее говоря — от устья Безымянного по пойме и террасе Среднекана или, как сейчас сказал Юрий Александрович, — вниз и вверх по долине Среднекана... Вы, товарищ Поликарпов, вероятно, это имели в виду и думали, что Безымянный выносит золото...

Поликарпов так не думал и на защитительную речь Цареградского еще ниже опустил голову.

Билибин довольно резко оборвал своего заместителя:

— Безымянный ничего не выносит. Я сказал: его долина пуста, и, следовательно, из пустоты ручей может выносить только пустоту.

— Но, насколько я понимаю вас, — оживился Лежава-Мюрат, — заявка товарища Поликарпова еще будет проверяться?

— Можете понимать и так. Я повторяю, мы будем разведывать долину Среднекана вниз и вверх от устья

Безымянного, но уже без особой надежды на положительные результаты. Откровенно говоря, я организую два разведрайона больше для того, чтоб рабочие не сидели без дела, ибо люди в таких условиях, как здесь, могут озвереть не только от голода, но и от сытого безделья...

— Простите, — загорячился Лежава-Мюрат, — не совсем понимаю вас. Вы бросаете «SOS», но хотите спасти души за счет государства?

— Да, если хотите.

— Но кто это разрешит? Союззолото и уважаемый товарищ Серебровский отпускали вам...

— Союззолото и очень уважаемый мною товарищ Серебровский отпускали нам средства на разведку. И мы будем вести ее честно, добросовестно, строго по научно разработанной системе. Результаты такой разведки, если они даже будут отрицательными, чести геологов не уронят. Ну, а паче они окажутся положительными, мы возрадуемся и будем считать, что нам и вам и товарищу Поликарпову пофартило. А пока, Филипп Романыч, не обижайтесь на нас. Мы сделали все по совести, после нас на Безымянном никто ничего не найдет. Я сам был бы несказанно рад, если б подтвердилась ваша заявка. А вас я по-прежнему уважаю, Филипп Романыч, и надеюсь на вашу дальнейшую помощь... Вы искали золото в верховьях Среднекана... Покажите нам то место, где встречались хотя бы знаки...

— В левой вершине! С удовольствием покажу! — обрадовался Поликарпов.

— Вот и прекрасно! Там мы организуем второй разведрайон. Возможно, кто-нибудь и таинственные Борискины ямы покажет... И Гореловские жилы Розенфельда...

— Александров! — вдруг вспомнил Цареградский. — Михаил Петрович покажет Борискины ямы. Когда я обследовал Тальский минеральный источник, Александров

в беседе со мной вскользь упомянул Бориску, и, если я его правильно понял, он похоронил этого Бориску там, где тот копал свои шурфы. Александров и другого старателя, некоего Кузнецова, похоронил на Талой...

Лежава-Мюрат даже привскочил:

— Надо немедленно потрясти этого Александрова, могильщика старателей, пока он не укатил в Олу! Да и Сафейка... Неужели не знает, где зарыт его друг Бориска?

— Софрон Иванович не знает, — твердо заявил Поликарпов. — Знал бы — давно привел на Борискины ямы. Мы с ним пуд соли съели, пока искали их.

— Э, Филипп Романыч, можно и десять пудов съесть, а что у человека на душе, не узнать. Но сейчас речь не о Сафейке. С ним кому надо разберутся, не одна статья о нем скучает. Говорят, он с бочкаревыми или еще с какими-то бандами якшался. Милиционер Глущенко давно собирается приехать по его душу. Но это не нашего ума печаль. А вот что делать с нашими ста душами?

Поликарпов снова поник. Он ведь тоже имел дело с бочкаревыми в двадцать третьем году — когда отправлялся на Колыму искать золото, кредитовался у них. Хотя и через Александрова, но все-таки...

Смутился и Юрий Александрович. Хотел сказать что-то в защиту Гайфуллина, но воздержался. Каким-то извиняющимся тоном стал отвечать Лежаве-Мюрату:

— Прежде, Валериан Исаакович, я предлагал вашим старателям переходить к нам на разведку, и товарищ Оглобин меня поддерживал. Ради них даже расценки пересматривали, но никто не пошел. Теперь, если и согласятся, у нас для оплаты труда своих рабочих денег в обрез, к тому же существующие расценки не устраивают ни ваших, ни наших, и мы будем их пересматривать...

— Это, пожалуй, выход! Давайте пересматривать вместе! Ведь в конце концов карман у нас один — Союззолото. Я, как только вернусь в Олу, свяжусь по ра-

диотелеграфу с товарищем Серебровским. Он нас поддержит.

— Летом, повторяю, — снова с жаром заговорил Библибин, — мы развернем поиски от Бахапчи до Буюнды и золото найдем! Прииски будут обеспечены! Надо лишь своевременно и побольше завезти продовольствия, дабы в следующую зиму не повторилась голодовка, а вместе с нею и все прочие прелести таежной жизни.

— Не беспокойтесь. Все транспортируем до весны. Сейчас мы строим перевалбазу на Элекчане. Будем форсировать переброску грузов сначала туда, потом сюда.

— Перевалбазу на Элекчане — это хорошо, там рядом Малтан, но удастся ли до распутицы на оленях доставить грузы сюда? Весьма сомневаюсь. Нужно, Валериан Исаакович, налаживать сплав с Элекчанской перевалбазы по Малтану, по Бахапче и сюда — по Колыме. И, пока не построена к приискам дорога, каждое лето будем сплавлять грузы по этим рекам! Это — надежно и дешево!

— И сердито! — с усмешкой дополнил Лежава-Мюрат. — Опасно, Юрий Александрович, очень опасно. Я не могу рисковать грузами и людьми на каких-то неизведанных бешеных порогах...

— Ничего опасного. И пороги изведенные. Мы прошли их на плотках по малой воде. А если построить карбаса, да пустить весной, по большой воде?! Я выделю вам своих лучших лоцманов, Степана Степановича Дуракова отдам, а коли нужно — сам поведу первый карбас!

На этом экстренное совещание закрылось.

Библибин не остался ночевать на прииске и пошел в Цареградским на свою базу. Разгоряченный, Юрий Александрович широко шагал по скрипучему снегу, размахивал шапкой, и крепкий мороз был нипочем его огненно-рыжей голове.

Валентин Александрович недоумевал, зачем ему понадобилось настаивать на сплавe. Ради славы? Дело чести?

Осторожно спросил:

— Юра, может, я неправильно поступил, подписав с Лежавой договор на снабжение?

— Нет, ничего...

— Так пусть они и снабжают. Чего нам беспокоиться? Билибин молчал.

— Нам до осени продуктов хватит, а на вторую зиму мы ведь не собираемся оставаться?

— Нет, не собираемся... — кратко ответил Юрий Александрович, словно отмахнулся.

«Дело чести», — решил про себя Цареградский.

И всю остальную дорогу они молчали.

Потрясти старика Александрова не удалось. Михаил Петрович строго держался правила — приезжать и выезжать рано утром. И на рассвете другого дня, ни с кем не попрощавшись, налегке выехал в родную Гадлю. Так и не вызнали на этот раз, где похоронил он Бориску.

Через неделю отбыл в Охотск и Лежава-Мюрат, прихватив с собой Оглобина, Кондратьева и Овсянникова, чтобы решить ряд неотложных вопросов в Оле и на Электчане. За управляющего приисковой конторы оставили Матицева.

Вскоре после отъезда Лежавы, с третьим транспортом, на Среднекан действительно прикатил милиционер Глущенко. Щеголеватый, он сбросил доху и, в лихой кубанке с кокардой, в суконной черной шинели с нагрудным знаком, в маленьких юфтевых сапожках с подковами, звонко застучал по мерзлым половицам барачников.

Приискатели поговаривали, что Глущенко зацапает Волкова или Тюркина или кого-нибудь из артельщиков,

ставивших на карту жизнь Билибина и Сафейки... А он нагрянул ночью в барак Сологуба, арестовал Сафи Гайфуллина, предъявив ему по всей форме ордер на арест из Николаевска-на-Амуре, и увез под конвоем.

Такие повороты судьбы-злодейки нуждаются в догадках, вызывают повышенный интерес, и пошли суды-пересуды. Ольчане Бовыкин, Якушков, Беляев и ямский житель Канов знали Гайфуллина давно. Михаил Канов, как известно, с Сафейкой и Бориской еще при царе служили конюхами у шустовского приказчика Розенфельда, тогда потихоньку и золотишко приискивали. Теперь же туземцы, ольчане и ямский житель вспоминали, что Гайфуллина, как стала на ноги Советская власть, не первой берут под стражу. Но не за золото таскают, а за иные темные дела. Был он вроде в бочкаревской банде не только проводником...

Перетолкам не было конца. Судили, гадали и вожделенно посматривали на распадки, укрытые белым саваном. А чаще всего на тот, с мрачными каменными гольцами, меж которых прятался подо льдом неведомый ключик.

Пересуды о Бориске и его фартовых ямах так будоражили хищнические души, что отсутствие разведанных делян не особенно беспокоило. Когда же стали предлагать идти на разные поденные работы и на разведку — пошли. Согласились без особого ропота и с нормами, и с оплатой.

Из Олы в начале февраля прислали расценки. В них Лежава-Мюрат и Оглобин все расписали: сколько рублей и копеек платить за каждые двадцать сантиметров проходки и на какой глубине, и какого сечения; сколько рублей и копеек прибавлять за пожар, за крепление, за проморозку... В своем распоряжении Лежава-Мюрат и Оглобин еще раз предупреждали, что все разведочные работы производятся согласно указаний разведки, а да-

бы не было соблазна мыть пески украдкой, запрещалось иметь на месте работ и в разведочных зимовьях лотки, гребки и ковши. «В случае обнаружения таковых виновные увольняются с работы». И с этим согласились старатели.

ВТОРАЯ КНИЖКА В ЧЕРНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Новую линию, на девятнадцать шурфов, Билибин разметил ниже недостроенного барака Раковского. Она начиналась на горном берегу, у подножия мрачных голцов, и спускалась к выносу безымянного ключика, падающего в Среднекан слева, в километрах десяти от его устья. Ее предстояло разведывать рабочим Дуракову, Лунеко, Чистякову, Луневу и Гарецу.

Вторая линия, на семнадцать шурфов, была положена выше того же барака и недалеко от приискового стана. Билибин назвал ее «эксплуатационной», поскольку предполагалось, что здесь шурфить будут сами старатели, а их Юрий Александрович теперь в шутку величал «нашими эксплуататорами».

Эрнеста Бертина начальник экспедиции назначил прорабом 2-го разведрайона (в шестидесяти километрах от устья Безымянного), отрядив в его распоряжение АLEXИНА, БЕЛУГИНА, ПАВЛИЧЕНКО, МОСУНОВА и промывальщика МАЙОРОВА.

Поликарпов, как договорились на экстренном совещании, хотел было отправиться с ними, чтобы показать те ключи и ямы, где он, Сафейка и Канов в прошлые годы встречали знаки золота. Но Матицев заартачился, ссылаясь на то, что он, техрук, горный инженер Матицев, и только что прибывшие с ним «техрабы» еще не вошли в курс дел, к тому же на него возложили обязанности управляющего и некому, дескать, наблюдать за технической стороной, за промывкой... Короче, навязал

условие: Поликарпова отпустит, если кто-то из экспедиции будет его замещать.

Пришлось, по просьбе Юрия Александровича, впрягаться в эту лямку Раковскому, хотя у него в связи с перебазированием 1-го разведрайона и с большим разворотом работ на двух своих линиях дел хватало. Да и почувствовал Сергей, что в одной упряжке с неповоротливым тюленем Матицевым нарту не потянешь.

Разведка поначалу пошла неплохо. На второй террасе расчистили площадки, приступили к зарезке шурфов. «Подвигается хорошо» — удовлетворенно отметил в дневнике Раковский.

С нового года он завел еще одну книжку и с прежней аккуратностью делал записи. Каждый день он контролировал работу на прииске и в своем районе, принимал старательское золото, решал массу больших и малых вопросов.

Намывка шла вяло. Перестало фартить и Сологубу и Тюркину. Многие, отчаявшись, бросали кайла и лотки, налаживаясь с обратным транспортом в Олу. Старые артели распадались...

Сологуб пытался удержать своих артельщиков. «Поставил на ноги», как и намеревался, бойлер, но ольчане, не питавшие страсти к технике, подались домой. Остались неизлечимый приискатель Канов да Бронислав Янович с американским бойлером.

Сергей загорелся желанием приобрести этот котел, чтоб применять его на оттайке шурфов, а может, и к промывке приспособить.

С этим предложением и пришел он в опустелый барак первой артели.

Бронислав Янович охотно согласился продать бойлер в добрые руки и, ослепительно сверкая всеми своими вставными золотыми, с поклоном попросил:

— Покупайте и нас, сирот, в придачу.

Раковский полетел к Билибину. Возрадовался и Юрий Александрович:

— Давно ждал! Давно приглашал! Покупаем!

И все же переход Сологуба и Канова в экспедицию не состоялся. Их обоих пригласил к себе Матицев и долго говорил с ними. Канова соблазнил должностью заведующего складами прииска, положив заманчивую оплату, а Сологубу предложил подобрать новую артель, обещая поставить ее на самую богатую деляну.

Расстроившись, Сергей записал в черной книжке:

«Представитель С.З. Матицев учинил по отношению к экспедиции «тактический поступок» — переманил на прииск путем повышения зарплаты артель с бойлером, которая хотела пойти к нам в разведку. В общем, начинается какое-то безобразное отношение к плану работ, об единстве и оплате которых так усиленно беспокоилось С.З. По-моему, это недопустимые и даже преступные выходки одержимого какой-то манией хозяйственничка».

Сергей Дмитриевич в своих предчувствиях не ошибся. Матицев казался неповоротливым тюленем только лишь с виду, на деле же он был энергичным и даже одержимым, когда дело касалось какой-то выгоды...

Странные выходки Матицева начались даже не со случая с бойлером, а гораздо раньше. Снабжение после договора Цареградского с Лежавой теперь полностью находилось в руках приисковой конторы, и Матицев с первых же дней своего правления делал все, чтоб ущепить экспедицию, показать всем, что он — хозяин.

Каждый раз, когда речь шла о продуктах для экспедиции, Матицев требовал подробную выписку. Раковский аккуратно составлял списки, но Матицев урезывал их наполовину, ссылаясь на то, что продовольствия завезено мало, а муки совсем нет (ее он заменял крупой).

Сергей поначалу верил Матицеву...

На одном из заседаний местком организовал санитарную комиссию и поручил ей осмотреть приисковые склады. Комиссия установила — есть мука на складе: и ржаная, и пшеничная, и даже высший сорт — крупчатка.

Явным и грубым обманом замуправляющего были возмущены даже служащие конторы. Комиссия во главе с предместкома Шестеринным явилась к Матицеву и выложила перед ним акт.

«Тюлень» заерзал своим жирным телом, сытно, перегарным запахом икнул, скользнул оловянными глазами по акту и отбросил его Шестерину:

— Не ваше дело!..

Предместкома сразу сник.

Добрейший доктор Переяслов участливо и учтиво спросил:

— Голубчик, вы в детстве корью не болели?

— Не ваше дело! — снова икнул Матицев.

— Хам! — резко бросил Сергей и хлопнул дверью.

В дневнике записал кратко:

«Был в конторе С.З., но пришлось уйти, так как Матицев, будучи пьян, показал себя полнейшим хамом».

На следующий день чуть подробнее:

«Определяли с Казанли магнитное склонение и делали нивелировку 1-й линии шурфов С.З. Во время этой работы подходил Матицев и очень любезно извинялся за свое поведение... Дескать, в фактуре вместо «крупчатка» прочитал «крупка»...»

Матицева Раковский простил, но заявил при этом, что принимать золото и наблюдать за «технической оговоркой» больше не будет, — своей работы хватает. А если он, инженер Матицев, с горняцкими молоточками на картузе, все еще не вошел в курс дела, то пусть поручит

присмотр за горной работой Кондрашову, Петру Николаевичу. Молоточков он не имеет, но вполне справится.

Матицев был толстокож, насмешки над собой не почувствовал и согласился временно, до возвращения Поликарпова, назначить старшим горным смотрителем Кондрашова.

Матицев извинился, Раковский простил. Но что толку? Зарвавшийся начальник продолжал вредничать. Билибин крупно разговаривал с ним, но мало что изменилось после этой беседы. Хозяйственничек всякий раз увиливал от выполнения своих обязанностей, а если что-то и обещал, то тут же забывал об этом. В конце концов начальник экспедиции предъявил ему официальное отношение о нарушениях договора и потребовал такого же ответа — в письменной форме. Матицев заверил, что ответит завтра же, а на другой день опять закрытил ту же пластинку:

— Давайте попробуем поговорить...

— Поговорим, — озлился Билибин, — соберем местком, ячейку, всех специалистов, вот тогда и поговорим! И не только о снабжении, но и о разведочных делах!

Разведочные работы на прииске, как известно, начались неплохо, но вскоре приискатели забузили — не понравилась «эксплуатационная» линия, показалось, что экспедиция нарочно подеунула им эту пустую линию, а себе взяла побогаче. И они прекратили бить шурфы.

Матицев поддерживал их:

— Дайте нам шурфы на первой линии.

Юрий Александрович усмехнулся едко и распорядился выделить старателям места для шурфовки на первой линии.

Выделили участки на нижней террасе, у самого выноса того ключа, который их как магнитом притягивал к себе и мнилсЯ Борискиным. Но и это не устроило. Тайком от экспедиции, но с ведома замуправляющего при-

искатели забрались на другую сторону ключика и, как позже обнаружилось, даже в верховья распадка...

— В приказах написано «с ведома разведки», а разведка на прииске — это я! — кипятился Матицев. — У меня не ради красы на фуражке молоточки! И к рабочему чутью, товарищ Билибин, в наше время надо прислушиваться. Массы не хуже спецов знают, где золото.

В конце января на заседании месткома, где присутствовали Билибин и Раковский, утверждались нормы выработки и правила внутреннего распорядка. Пригласили Матицева. Ждали, но он уехал осматривать какой-то ключик, чтоб наметить «пару шурфиков в очень интересном месте». Очень хотел Билибин высказать все накипевшее Матицеву прямо в глаза, но так и не дождался его появления.

На следующий день, рано утром, Юрий Александрович отправился к Бертину, во 2-й разведрайон, для разбивки линий и решения других неотложных дел. Уходя, попросил Раковского еще раз крупно поговорить с Матицевым.

Сергей говорил с ним, но не по-билибински крепко, так как чувствовал себя, не имеющего горняцкого образования, не совсем уверенно.

Разговаривал с Матицевым во время отсутствия Билибина и Цареградский: дипломатично, культурно, но так же попусту.

Одержимый хозяйственничек мухлевал не только с выпиской продовольствия...

Однажды Петр Кондрашов как бы ненароком завел Сергея в распадок ключика, и там, «в интересном месте», Раковский увидел не «пару шурфиков», а с пяток ям, безобразно, где попало и кое-как выкопанных.

А вскоре вернувшийся из Олы Кондратьев, секретарь партийки, обнаружил на том же «интересном месте» лоток и гребок. Принес и положил их на стол Матицеву:

— Это — не шурфовка, а шуровка. Тайком золото моют!

— Найти шуровщика! Уволю! — вскипятился Матицев.

Но шуровщика не нашли, никого не уволили. Да, видимо, замуправляющего и не хотел этого. Видимо, это было не в его интересах...

Раковский предложил Матицеву пользоваться промывалкой разведрайона — так, мол, надежнее. Но тот промямлил что-то невразумительное. «Впечатление таково, что нашей промывалкой пользоваться не будет...» — записал в дневнике Сергей.

Ничего не оставалось, как ждать Билибина и Оглобина. Они-то найдут управу на одержимого.

Юрий Александрович вернулся через месяц. Привез с собой Эрнеста Бертина: по милости Матицева и во 2-м разведрайоне люди сидели на урезанном пайке.

Совещание должно было состояться на другой же день после их приезда, в понедельник. Но Матицев стал оттягивать... Сначала опять пообещал дать официальный ответ на «официальное отношение» Билибина. Но, не написав его, уехал куда-то на разведку...

Совещание состоялось только в субботу и продолжалось два дня. Присутствовали все горные смотрители, администрация, местком и ячейка ВКП(б) в полном составе.

Билибин доложил о работе экспедиции за два последних месяца. Сделано было немало. В 1-м разведрайоне «посадили» на пласт двенадцать шурфов, пробы, промытые Раковским, показали приличное золото. Закончив шурфовку первой линии, перешли на вторую, «эксплуатационную», которую бросили приискатели. До оттепели этот участок долины надо было разведать. Намечается еще одна линия — чуть левее устья Безымянного, там в гранитных обнажениях горный инженер Цареград-

ский выявил первые признаки рудного золота. И еще одна линия появится там, где тайком копают ямы. Преступное хищничество будет пресечено. Во 2-м разведрайоне все работы ведутся исключительно силами экспедиции. Разбиты две разведочные линии по семнадцать шурфов, проходка идет хорошо, нормы перевыполняются, как и в первом районе, вдвое, но пробы пока не дают промышленного золота...

— Наши результаты были бы весьма лучше, если бы «эксплуатационники» не тянули телегу, как в басне дедушки Крылова «Лебедь, рак и щука», — закончил Юрий Александрович.

Слово для второго доклада предоставили Матицеву. Он говорил дольше, чем Билибин. Сначала о текущем моменте, о первой пятилетке, о трудовом энтузиазме масс, потом попытался продемонстрировать все это на примере возглавляемого им коллектива и сконфузился.

Председательствовал секретарь партийки Владимир Кондратьев, парень с топорным лицом, с широкими, как у лося, ноздрями. Билибина он не прерывал, а своего начальника то и дело:

— Пятилетку в четыре года? А даем по десять процентов! На сто лет хватит!

— Шурфовщик, мовет, и рабочий класс, а шуровщик — вор, жулик, а не рабочий класс! Я принес тебе лоток и гребок. Чьи они? Нашел?

Задал тон секретарь ячейки, а другие подхватили. Крыли Матицева... И предместному Шестерину досталось за «тиховатую работу».

Раковский секретарствовал, подробно занося в протокол ход совещания. А в дневнике по-прежнему кратко:

— «2 марта 1929 г. Суббота.

...Вечером с Бертиным ушли на совещание по поводу шурфовочных работ. Договорились по всем пунктам. Ре-

шили в дополнительное соглашение внести разъяснения, письменную формулировку выработаем и напишем завтра.

3 марта 1929 г. Воскресенье.

Обработали постановление совещания. Сделали в смысле повышения производительности все возможное. Вечером снова пошли на собрание, где поставлен вопрос о взаимоотношениях с С.З. Говорили крупно... Матицев зарывался, не давал себе отчета, но ему вправили мозги... Выступали Билибин, Кондратьев, Бертин и я... После собрания Ю. А. и В. А. ушли домой».

После крупного разговора Матицев стал очень любезен. Выделил двоих рабочих для шурфовки на третьей линии. Вместе с Билибиным и Раковским пошел разбивать четвертую линию.

Юрий Александрович своего недовольства бессистемно накопанными ямами не скрывал:

— Свины рыли! Свины!

Матицев не то извинял кого-то, не то извинялся:

— Темные... малограмотные...

— Кто? Техруки? Техрабы?.. Бориска, наверное, грамотнее был.

— И он здесь шурфил.

— Где? — в один голос спросили Билибин и Раковский.

— Вон там. Сейчас под снегом не видать, но вроде шурфы...

— Ведите! Показывайте!

— Пожалуйста, — и Матицев, кругленький, как колобок, покатился по твердому насту. — Вот! Сам нашел!

Неглубокие ямы с кучами земли по краям явно были выкопаны человеком.

— Вот здесь и тот лоток с гребком нашли...

— Борискин, значит?

— Его!

Билибин и Раковский долго стояли в молчании, затем Юрий Александрович медленно проговорил:

— Значит, наша четвертая линия проходит по Борискину ключу.

— Так точно, — весело подтвердил Матицев. — Сам нашел!

— Уже весна, проталины... Успеем ли пробить шурфы, Сергей Дмитриевич?

— Поможем! Рабочих дам, бойлер дам, дрова для пожогов...

— Ну, если поможете, то начнем, — усмехнулся Билибин.

«16 апреля. 1929 г.

Поставил артель Кучумова на шурфовку 4-й линии по кл. Борискину, дал им семь шурфов, завтра разобью для них еще пять шурфов. Был на базе, возвращался оттуда вместе с Оглобиным. Он предлагает заключить договор на службу в С.З. по окончании срока работы в экспедиции. Такое же предложение сделал и Бертину...»

«19 апреля. 1929 г.

Сегодня вечером снова разговаривал с Оглобиным относительно его предложения... Против моих условий не возражает: после года службы будут содействовать в учебе и, конечно, Матицев не будет здесь работать. Посылает телеграмму Лежаве».

ПЕРВАЯ ВЕСНОВКА

На Колыме весна, как и по всей России, начинается в марте. Только не так бурно, а тихо и скромно. Солнце, поднимаясь над сопками, ласково пригревает. Снег по-

ка не тает, но будто испаряется, оседает. Сопки так ослепительно сияют, что даже туземцы прикрывают глаза ровдужными наглазниками с тонкими прорезями. Пришельцам же без дымчатых очков работать опасно.

А так хочется любоваться весной открытыми глазами! За всю свою жизнь ни на Волге, ни на Неве Цареградский не видывал ничего красивее. И, рискуя зрением, он нет-нет да и сдергивал темные очки. А под вечер, на закате, возвратившись на базу, ставил лыжи и подолгу не входил в сумрак барака.

Пурпурные, оранжевые, желтые, зеленые, голубые — все цвета радуги переливались по небу, по перистым облакам, по сопкам и долине. И все это менялось, словно в калейдоскопе. Солнце заходило за горы, по снегу ползались холодные синие тени, а небо еще полыхало, пока не превращалось в густой ультрамарин, в чистую ляпис-лазурь, на которой зажигались серебристые звезды...

— Созерцаешь? — выйдя из барака, спросил Билибин.

Юрий Александрович, ступив на колымскую землю, не переставал любоваться ее красотой, но почему-то старался скрывать свои чувства, будто они не достойны ученого, а геологов, стремившихся к «синим далям», не считал за серьезных людей.

Валентин знал это и смутился:

— В обрывах Безымянного показались обнажения... Светло-серые, с охристыми потеками... Издали принял за кварцевую жилу, подумал, не золотоносная ли?.. Кажется, ошибся... Образец все же взял...

— Посмотрим! — И Билибин широко распахнул перед Цареградским дверь темного барака.

Над образцом, при двух зажженных свечах, они сидели долго, рассматривали и простым глазом и под лупой. Раздробили, растолкли в железной ступе, поро-

шок попросили промывальщика Игнатьева отмыть на лотке. Выделив самые тяжелые крупинки, снова разглядывали под лупой. В шлихе обнаружили черный магнитный железняк, золотистый пирит, мышьяковистый колчедан...

— Любопытно, весьма любопытно, — повторял Юрий Александрович, — похоже на то, что я брал на Утиной... Однако спать пора. Завтра еще раз надо отмыть...

Легли. Но Валентину не спалось. Встал, отделил магнитом частицы железняка и, разбудив среди ночи Игнатьева, попросил его еще раз промыть шлих. На самом дне, в бороздке лотка заблестели мельчайшие, видимые только под сильной лупой, золотишки. Протравив зернышки кислотой, Цареградский, к великой своей радости, убедился, что он не ошибся, жилка — золотоносная! Всю ночь просидел с лупой, перебрал иголкой, воткнутой в карандаш, весь шлих, пересчитал все не видимые простым глазом золотые пылинки и не мог дожидаться, когда проснется Билибин.

Затормошил его:

— Юра... Юрий... Юрий Александрович!..

— Что? — открывая глаз, спросил Билибин.

— Поздравь меня!

— С чем? — недовольно протянул Билибин.

— С первой находкой коренного золота! И кажется, я нашел источник приустьевой россыпи Безымянного!..

— Ну?! — вскочил Билибин и не одеваясь склонился над лупой. То ли спросонья, то ли не веря своим глазам, протирал их и снова вперялся в окуляр... Наконец вскинул сияющие глаза: — Поздравляю, Цареградский! Поздравляю, Стамбулов! — и крепко обнял друга.

Затем отстранил его:

— Но, Валентин Александрович, мне кажется, что здесь маловато для россыпи, даже такой небогатой, как на устье Безымянном, и оно слишком мелковатое...

— Но ведь это первый, случайный образец. Уверен, что там есть и более богатые гнезда. Надо только поискать!

— Надо, непременно надо. Мы даже разведочную линию разобьем пониже этой дайки и, если есть золото из этой жилы, — уловим! Но мне все-таки кажется, оно не то, не похоже на то, которое намывают старатели. Сходи в контору, сличи... А какой сон я видел! Приходит к нам в барак Раковский рано утром зимой и будит меня: «Юра... Юрий... Юрий Александрович!.. Иди, смотри, какой у меня овес вырос!»

— Это я будил.

— Нет, Сергей Дмитриевич будил. Я встал, пошел и вижу на его первой разведливии, среди шурфов, прямо на снегу растет прекрасный овес! Вот тут-то ты меня и поднял, такой сон прервал... Собирайся! Пойдем! Ты — в контору, а я — к Раковскому. Сергей Дмитриевич непременно нашел золото!

— Юрий Александрович, вы ученый, — обиделся Цареградский, — а верите снам, а я вот образец, факт науки...

— Верю, Стамбулов, верю и в сны и в науку. Конечно, не во все, но в те, что в руку, — захохотал Билибин. — А помнишь, как мне, голодному, приснился шоколад с коньяком, и на другой день Бертин привез и шоколад и коньяк! Татьяна, русская душой, любила блины и верила в сны! Пойдем, Валентин Александрович! Раковский определенно намыл богатое золото!

Но идти им не пришлось. Только оделись, появляется сам Сергей Дмитриевич, и такой важный от радости и гордости, что ни с кем не поздоровался... Ни слова не говоря, высыпает на стол из желтого ластикового мешочка, которые еще в Ленинграде пошила сестра Казанли, кучечку золота, да такого крупного...

— Вот это — овес! — закричал Билибин. — Что я го-

ворил?! Говорил я, что Сергей Дмитриевич собирается меня овсом кормить!

Сергей, ничего не понимая, даже обиделся:

— Какой овес, Юрий Александрович? Это — золото, правда, не очень блестит, в рубашке, как водится, но настоящее золото... Из тринадцатого шурфа, вчера сам промыл...

— Догоры! Догоры! — кричал Юрий Александрович, поднимая всех остальных — Казанли и доктора Переяслова — с постели. — Зазолотил Хиринникан! Зазолотила Долина Рябчиков! Зазолотил Среднекан! А какое золото нас летом ждет! Все рябчиковые ключики обнюхаем! Все жилки-дайки, как косточки, перегрызем!

План летних поисковых работ Билибин обдумал и обсудил со своими догорами заранее и во всех деталях.

Был он напряженным, но за границы бассейна Среднекана не выходил. Всю его долину со всеми притоками и с притоками его притоков Билибин разделил на две части. Верхнюю заснять и опробовать поручалось партии Цареградского и Бертина. Геологическую съемку нижнего течения взял на себя, опробование возложил на Раковского. Пробы рекомендовал брать и промывать через каждые полкилометра, а при малейших признаках золотоносности — чаще. В каждой партии — пять рабочих, каждой из них будут приданы выючные лошади.

Геодезический отряд Казанли ведет триангуляцию, устанавливает астропункты по всей долине, чтоб позже общими усилиями составить точную карту бассейна Среднекана.

Экспедиция ознакомилась с планом, с инструкциями, все подготовились и с нетерпением ждали первой весновки. Шурфовочные работы к началу мая закончились. Из-за талых вод не успели добыть шурфы на Борискином ключе. На всех других линиях уложились в срок. Самую лучшую россыпь уловил Раковский. Ее передали

приисковой конторе, и Оглобин в день Первого мая объявил об открытии нового прииска, назвав его «Первомайским». Четвертая линия, что пониже дайки, найденной Цареградским, не показала золота, да и сама жила, кроме того первого образца, ничего больше не дала. У Бертина в шурфах было кое-какое золотишко, но не богатое.

Все ждали тепла, лета... Все было готово к летнему наступлению на долину Среднекана... Но у геологов-приисковиков нередко бывает так, как на войне. Штаб тщательно разработает план боевых действий, а что-то непредвиденное перемешает все карты. Так случилось и с первой весновкой.

Перед самым выходом в поле стало ясно, что к началу мая лошади поданы не будут. Сеймчанские и тасканские якуты, которых заблаговременно оповестил представитель Якутского ЦИКа товарищ Владимир и с которыми заранее договаривался Билибин, известили, что коней раньше конца июня пригнать не смогут, дескать, зима была снежная, голодная, кони отошали, и надо их подкормить хотя бы июньскими травами. Оленей экспедиция закупила немного, да и толку от них: ищи пастбища, по полдня лови, собирай, а навьючишь чуть побольше, чем на свои плечи.

А тут еще одна загвоздочка (впрочем, ее Билибин предвидел) и тоже транспортная.

С последним обозом на Среднекан доставили столько продовольствия, что его едва бы хватило месяца на два, а там — опять летнее бездорожье, опять «декабрьские дни».

Грузы застряли на Элекчане. И Филипп Диомидович пришел к Юрию Александровичу с повинной головой. От себя лично, от Лежава-Мюрата просил помочь организовать и провести сплав по Бахапче. Говорил, что прав был Билибин на том совещании, и в этом теперь убедил-

ся и он, Оглобин, и Лежава-Мюрат... И напомнил, что на этом же совещании Юрий Александрович обещал выделить лучшего лоцмана, да и сам вызвался вести первый карбас.

Юрий Александрович, как все честолюбивые люди, от похвал, от признания его правоты и предвидения не мог равнодушно отмахнуться. И на самом деле, первым предложив водный путь, он считал своим долгом и своей честью заставить бешеную Бахапчу работать на золотую Колыму. Конечно же, по договору с Союззолотом доставка грузов — не обязанность экспедиции, но переживать «декабрьские дни» придется и ей...

Словом, Юрий Александрович самодовольно заулыбался и снисходительно спросил:

— А не поздновато ли, Филипп Диомидович?

— Успеем, Юрий Александрович! До воды карбасы построим!

— Ну что ж, за дело.

В тот же день окрыленный Юрий Александрович объявил:

— Догоры! План летит к черту! Не безвозвратно, конечно, пока не подадут лошадей... Я отправляюсь с обозом на Элекчан. Беру Степана Степановича с Демкой и промывальщика Майорыча. Снова сплавляемся по Бахапче, заодно еще раз ее обследуем. Вы, Сергей Дмитриевич, на оленях выезжаете в Таскан. Там нырнете, в Среднекане вынырнете. По пути опробуете все правые притоки Колымы, особенно — Утинку. Бертин продолжит работу в верховьях Среднекана. А вы, Валентин Александрович... — Билибин выжидательно замолчал.

— Я хотел бы, Юрий Александрович, вместе с вами доехать до Талой, взять дополнительные пробы из источника, затем сплыть по Буюнде...

— Я так и думал! Посмотрите, насколько к юго-востоку прослеживается золотоносность. Кстати, пошукае-

те и, может, найдете те красочные молниеподобные жилы Розенфельда.

— И я с вами! — вскочил Митя Казанли. — Мы устанавливали на Белогорье астропункт зимой, было холодно, боюсь за точность.

— Прекрасно, Дмитрий Николаевич! Установите еще два-три пункта на Бахапче, по самой Колыме. Таким образом, догоры, не было бы счастья, да несчастье помогло. Проведем рекогносцировку всего приискового района — от Бахапчи до Буюнды, составим его первую карту! Это будет прекрасно! Великолепно! К первому июля все собираемся здесь. И этот план летних работ, который намечали на четыре месяца, сделаем за два. Согласны?

На рассвете третьего мая длинный транспорт из оленьих нарт тронулся на Элекчан. Проводили в дальний путь Билибина, Цареградского, Казанли, Оглобина, многих рабочих экспедиции и Демку. Каюры, радуясь скорому возвращению домой, затянули песню.

THERE IS A VERY GOOD GOLD...*

Партия Раковского выехала на оленьих нартах вечером пятого мая. В дневнике Сергей Дмитриевич время выезда отметил точно — 7 часов 40 минут. Незведанное, дальние дороги всегда манили его, а в эти минуты он особенно чувствовал, что ожидает его что-то новое, необычное.

Рабочих в партии было четверо: Миша Лунеко и Дмитрий Чистяков, испытанные бешеными реками и голодными декабрьскими днями, да двое новичков — прикомандированный Союззолотом в качестве слушача-ра-

* Есть очень хорошее золото...

диста, но без радио, и бондарь с ольской рыбалки, принятый в экспедицию Цареградским.

Сопровождать партию до Таскана охотно согласился Михаил Савин, молодой якут, добрый малый. Он приезжал на Среднекан еще в октябре вместе с Елисеєм Владимировым, к рождеству присылал Раковскому в подарок конского сала, а в последний приезд пригонял оленей. Сопровождать группу Раковского взялся бесплатно, из уважения.

Вышли на Колыму. Лед был крепок, без заберегов и полыней. Переночевав на Усть-Среднекане, на другой день пробежали километров двадцать пять и на следующий — не меньше. На пятые сутки домчались до Утиной, на восьмые — до Таскана. Здесь встретили и наледи, и полыньи, увидели косяк гусей...

Вожак вел гусей на север. Туда же уходила и Тасканская долина, замыкаясь белоснежными, с голубыми тенями горами Туоннах, — так назвал их Михаил Савин. По его словам, там, у подножия этих гор, — Сеймчанская тропа. Туда и надо перебираться.

Шли берегом. Снег местами сошел, но земля была еще твердая, лишь глинистые комья, облепляя полозья, тормозили движение. Тормозили так, что усталые олени ложились. Их поднимали, нарты опрокидывали, очищали полозья. Два дня тянулись до юрты Петра Аммосова, а она от устья Таскана, как уверял проводник, совсем близко. На третий день, к обеду, прибыли.

Раковский измучился не менее других, но, наскоро перекусив, даже не почаяевичав, вдруг ударился обратно, будто обронил что. На последнем переходе, километрах в трех до юрты Аммосова, он заметил обнаженные граниты, и там что-то поблескивало на солнце. Вернулся к ним. С огромным трудом вскарабкался к обнажениям и среди глинистых сланцев обнаружил порфировую жилу с кварцевыми нитками. Молоток не захватил, стал

отбивать рукояткой ножа, отколупывать... Сам по сторонам посматривает. Видит — еще одна жилка. Пробрался к ней, а недалеко — еще одна. Часов пять, пока не стемнело, «обнюхивал» Сергей эти жилки...

Они не походили на те, молниеподобные, красочно описанные Розенфельдом, но Сергей подумал, может, все-таки это и есть Гореловские. Скала пока почти вся под снегом, а освободится, и засверкают молнии.

Возвратившись в юрту Петра Аммосова, спросил его:

— Догор, купец Розенфельд не бывал здесь?

— Нет. Моя бедный был, купец моя юрта не ходил. Попову ходил.

Попов Василий Петрович и его сын Петр жили в двадцати километрах от юрты Аммосова, у самой Сеймчанской тропы. Все приезжие останавливались в просторной юрте Поповых. У них для увеселения даже граммофон был.

Василий Петрович и новых гостей принял радушно, как старых знакомых. С Раковским, Лунеко, Чистяковым Поповы виделись на Среднекане, когда привозили мясо и договаривались о найме лошадей. Тогда Василий Петрович и получил задаток: двести пятьдесят рублей, банку шанхайского сала и пуд муки. Прикомандированного к экспедиции слухача-радиста, оказалось, он тоже знает давно, еще с тех пор, когда тот в Ямске и в Оле факториями заведовал. Только фамилию не мог четко выговорить. У него получалось то Слепцов, то Спецов.

Обменялись, как водится, капсе. А новостей — со всех сторон света: с Якутска, Оймякона, Среднекана, Олы... Раковский с радостью узнал, что лошади для экспедиции закуплены и, как только будут в теле, Василий Петрович сам пригонит их в Среднекан. Завтра утром хозяин пообещал показать хороший лес для постройки лодки и даже вызвался подвезти к нему за сносную пла-

ту. За такую же мзду обещал поставить трех коней для разведки в верховьях Таскана.

И тут Сергей завел речь о Розенфельде.

— Бывал. Нет, вверх не ходил, там камни одни. Вниз ходил, до самой Колымы ходил и по Колыме до Сеймчана плыл.

Было ясно, что Розенфельд искал удобные пути. Но Сергей понял по-своему, как хотел: Розенфельд специально ходил к той горе с жилками.

Отправив трех рабочих на постройку лодки, Раковский с Мишей Лунеко ушли в горы Туоннах. Лазили по ним целую неделю, обследовали вершины трех рек и речек, взяли более сорока образцов, нашли два зуба мамонта и какую-то окаменелую кость, но не намыли ни одной стоящей золотинки.

Но это радовало Сергея. Не находя ничего похожего на Гореловские жилы здесь, он все больше уверялся, что они там, внизу, и, спустившись с гор, стал поторапливать судостроителей.

Торопила и весна, но только в конце мая лодку спустили на воду. Она тут же дала небольшую течь, так как швы не заливали варом: его не было. Но, намокнув, посудина перестала протекать.

Распрощались с гостеприимными хозяевами и отчалили. Лодка, подхваченная бурным течением, шла быстро. Вечером уже были у Петра Аммосова. Переночевали и тронулись дальше.

Напротив порфировой жилы разбили первый стан. Раковский отправился обследовать ее было один, но за ним увязался Слепцов-Спецов:

— Помогу, Сергей Дмитриевич, в золоте я малость кумекаю, — просительно сказал он. — И Розенфельда, может, я знавал...

— Как — «может»?

— Да так... Маленький был и не понимал: Розен-

фельд он или — кто. Ласковый такой, на коленках меня держал. А мой отец в то время в Охотске телеграфистом служил, его Розенфельд никак миновать не мог, в гостях у нас непременно бывал. Я кое-чему научился от отца, вот меня теперь и прикомандировали радистом.

Раковский слушал и чувствовал — чего-то не договаривает прикомандированный... Допытываться не стал, потому что не любил лезть в чужую душу, да и знал — если золотойскатель что-то скрывает, из него клещами не вытянешь.

Три дня они лазили по склонам, переходя от одной жилы к другой. Брали образцы на рудное золото из трех горизонтов, толкли их в чугунной ступе, промывали, высматривали золотишки и простым глазом, и в лупу, но ничего, кроме блестящего, как золото, пирита и мышьяковистого колчедана, не узрели.

В полдень четвертого июня снялись со стана. Через два часа лодку вынесло на стрежень Колымы, и побежали они с такой скоростью, что веслами оставалось только править. Косовые пробы не брали: все косы были залиты. Вечером подплыли к Утиной.

И первый, кого встретили, — медведь. Огромный, лохматый, он вальяжно похаживал по берегу.

Миша Лунеко сидел на носу, увидел его раньше других, вскинул берданку:

— Привет, хозяин! — и спустил курок.

Ружье, как часто случалось, дало осечку.

Под шуточки-прибауточки причадили. Натянули палатку, разложили костер, стали готовить ужин.

Стояла белая ночь. Спать не хотелось, да и набившееся в палатку комарье не давало. Сидели у костра, овеваемые речной свежестью и смолянисто-пахучим дымком, предавались воспоминаниям: в этот день исполнилось одиннадцать месяцев, как высадились они на Ольском побережье.

— Поднимусь вон на ту сопочку, — указал Раковский на самый высокий голец, возвышавшийся справа над устьем Утинки.

— А медведь? — спросил Саша.

Сергей Дмитриевич усмехнулся, но зауер все-таки взял и лоток прихватил. Без него он шагу не ступал.

С вершины гольца, на сколько глаз хватало, открывался вид неопиcуемый. Колыма во всей своей полноводной красе блистала расплавленным серебром на западе и красноватой медью на востоке. Широкая долина Утиной уходила на юг и пряталась за такой же высокой, как этот голец, сопкой, но с плоской вершиной. Долина чуть подернута утренней дымкой, но сквозь нее видны ложбинки и падающие в речку ключи. Сопку с плоской вершиной Раковский назвал Столовой, а голец, с которого не без восхищения обозревал окрестности, — Золотым Рогом. И не без предчувствия — как будто заранее знал, что долина Утиной одарит его, как из рога изобилия.

На другой день он взял с собой двух рабочих и отправился вверх по Утиной. Через каждые полкилометра брали пробы, промывали. Ключиков справа и слева падало немало. Каждый из них Сергей Дмитриевич крестил и непременно — звучно: один — Каскадом, другой — Дарьялом, третий просто — Красивым. Лишь приток, на котором прихватили их сильные заморозки, обозвал Холодным, да тот, где опять повстречали медведя, — Медвежьим.

Но когда Раковский промыл лоточек-другой на ключе Холодный, то так возликовал, что хоть переименовывай! В первом лотке — десять граммов золота, во втором — чуть поменьше!.. Какие уж тут заморозки... Брал пробы через сто шагов, а то и чаще. За день промыл полтора лотков, и в каждом — золотило. В этот же день Сергей Дмитриевич наметил по узкой долинке Холодного, поросшей ерником и лиственничником, шурфовочную ли-

нию для будущей разведки, рабочие сделали пяток неглубоких копуш — пески начинались под кочками.

Довольные и радостные вернулись на стан, разбитый в устье Холодного. Инструкция выполнена. Утинка надежд Билибина и предчувствий Раковского не обманула: золото найдено. Можно возвращаться на базу и плыть по Колыме дальше. К тому же продукты были на исходе, а до базы дня два ходу.

Но Сергей Дмитриевич на рассвете другого дня решил идти по Утинке вверх. Рабочие были недовольны, ворчали потихоньку, особенно Слепцов-Спецов — не хотелось топтать с тощими желудками...

Выше Холодного Утинка то ли разветвлялась, то ли падал в нее еще один приток. Раковский не стал давать ему никакого названия и пошел по левому истоку. Долинка была маристая, топкая. Пробы не очень радовали: знаки да редкие мелкие золотишки. Но Сергей весь день упорно шлепал вперед и завел свой отряд в такую марь, что долго не могли найти сухого места для ночлега.

Поднялись на вторую терраску. Стали раскладывать костер, натягивать палатку, готовить скудный ужин из трех пойманных хариусов. Но Сергею Дмитриевичу не сиделось.

— Пойду умоюсь, — сказал он и опять взял лоток.

Умывался он очень долго. Лунеко и Саша Слепцов-Спецов своих хариусов съели, рыбину Раковского поставили в котелке на угли, чтоб не остыла, и полезли в палатку спать...

Тут вдруг и раздалось:

— Ребята, сюда!

Голос был взволнованным.

Саша сразу за свою двустволку:

— Медведи... Говорил я ему: «Без ружья не ходи!»

Схватил берданку и Лунеко. Бросились вниз. Бежали, а Саша все ворчал: «Говорил ему!..», хотя раньше

ничего такого не говорил. Скатились с обеих террасок. Саша вскинул двустволку и чуть не выстрелил в... Сергея Дмитриевича.

Раковский сидел на корточках за кустом. В сумерках белой ночи в черной кожанке походил он на кургузого медвежонка, но Саше померещился большой медведицей.

— Слепцов! Ослеп, что ли? — крикнул Миша.

Сергей Дмитриевич поднялся им навстречу и протянул ладони, усыпанные крупными, хорошо окатанными, похожими на фасоль, самородками:

— Собирай, ребята, грибы.

По берегу, меж ребер щетинистого сланца, мерцали и желтели чуть прикрытые водой золотишки, точь-в-точь как молоденькие крепенькие грибки. Нагибайся и подбирай.

А они, Миша и Саша, словно остолбенели и не могли нагнуться. Такого золота, чтоб лежало прямо на земле у самых ног, они не только никогда не видали, но и не слышали о таком...

Сергей Дмитриевич попытался вывести их из столбняка спокойной, даже с усмешкой речью, но, все время срываясь на перехватывающий дух шепот, стал рассказывать...

— Хотел умыться вон на той косе... Но прежде нагреб небольшой лоточек песочку, начал промывать — и вдруг сразу две золотины, одна с горошину, другая чуть поменьше, со спичечную головку. Набрал лоток чуть повыше, и опять золотишки. Еще выше... Так и шел. Умываться — не умывался, а десяток лотков промыл, и все не пустые. Ну, думаю, вот здесь в заводи умоюсь и пойду на стан. Нагнулся. Что за чертовщина? Вода гладкая, не рябит, лицо как в зеркале отражается, а не узнаю. У меня и в детстве веснушек не было, а тут не поймешь: то ли веснушки, то ли в глазах желтые мушки. Почерпнул ладонью, покрутил, как лотком, и на ладони — веснушки,

но тяжеленькие. Огляделся окрест, а рядом вот эта гребенка. Много раз слышал и от умных людей, даже сам Юрий Александрович говорил, что гребенки такие, поученому — сланцевые щетки, бывают хорошими природными бутарами. Но сам ни разу не встречал и не верил. Дай, думаю, посмотрю, чем черт не шутит. Никто меня не видит, смеяться никто не будет, как я своим длинным носом землю нюхаю. Подошел поближе, наклонился и глазам не верю. Будто кто-то взял огромную перечницу и щедро посыпал перцем. Собирай, ребята, что покрупнее... Грибки собирай...

— А во что собирать-то? — первым пришел в себя Лунеко.

Сергей Дмитриевич похлопал по карманам, вынул жестяную коробку с белозубым негром на крышке, высыпал из нее зубной порошок:

— Вот — лукошко!

— Сергей Дмитриевич, я слетаю на стан, принесу вам хариуса, а то ведь совсем вы голодный, — и Лунеко убежал.

Сергей Дмитриевич снова присел на корточки, а Саша все еще стоял, не двигаясь. Раковский глянул на него снизу вверх и не узнал. Его бледное и без того продолговатое лицо еще больше вытянулось, нижняя челюсть отвалилась и дрожала.

— Ни в жисть такого не видел... Слухай, Сергей Дмитриевич, что делать-то будем...

— Как что? Разведку поставим. Прииск откроем.

— Значит, начальнику скажешь, всем скажешь?

— Ну, всем говорить не буду, а Юрию Александровичу непременно.

— А ты не говори. Никому не говори! Будем знать только ты, да я, да Мишка, если язык за зубами держать будет! Осенью экспедиция уберется, а мы останемся. На всю жисть заработаем. Дело говорю. Слухай меня!

Сергей Дмитриевич не узнавал своего рабочего: он и говорил-то как-то неграмотно, а ведь сын телеграфиста, факториями заведывал. Раковский выпрямился:

— Слухай, жисть! Слепцов-Спецов! Спятил? Иди палатку сворачивай, без тебя соберем. И считай, что ты мне ничего не говорил, а я тебя не слухал. Иди. И медведей не бойся.

Саша с трудом оторвал ноги и поплелся на стан.

Вернулся с хариусом Лунеко:

— Вы что тут, повздорили?

— Да, немножко. Он предлагал назвать этот ключ Золотым или Богатым, а я — против. Какое сегодня число, Миша?

— Двенадцатое июня.

— Двенадцатого июня в прошлом году мы вышли из бухты Золотой Рог. Юбилей! Началась наша колымская эпопея! И назовем этот ключ Юбилейным. Согласен?

— Подходяще!

— Ну, а теперь собирай грибы на ключе Юбилейном.

И они вдвоем стали собирать. Извлекали, выколупывали из щетки тонкими прутиками только самые крупные самородки. Проерзали рядом всю ночь, благо она была светлая. Наполнили коробку вровень с краями, лишь бы можно было закрыть.

Сергей Дмитриевич плотно зажал крышку с улыбающимся во весь рот белозубым негром, взвесил коробку на ладони:

— Тяжеленькая. Килограмма на два. Теперь потопаем на базу и поплывем дальше.

— Сергей Дмитриевич, а вы на базе-то Чистякову и Серову не показывайте.

— Почему? — опять насторожился Раковский.

— Ну, не сразу показывайте. Они спросят: «С чем пришли?» А мы: «Хорошо покормите — покажем».

Сергей Дмитриевич радостно обнял Мишу:

— Так и скажем.

Шагали весь день голодные. К вечеру пришли на устье Утиной. Так их и встретили:

— Здравствуйте. С чем пришли?

Они так и сказали:

— Покормите хорошо — покажем.

Чистяков и Серов, конечно, догадались, что пришли не пустые. Выставили на ужин все, чем были богаты. Отпраздновали юбилей. Утром Сергей Дмитриевич сделал затес на стволе прибрежного тополя, а в дупло положил записку для Билибина. По-английски, чтоб не поняли случайные «хищники», слепцовы-спецовы, написал:

«There is a very good gold in this river» — «В этой реке очень хорошее золото».

После Утиной должна быть Запятая. Но сейчас Сергей Дмитриевич еще до подхода к Запятой обнаружил впадающий в Колыму незнакомый ключик. Он не был предусмотрен заданием Билибина, но Раковский решил обследовать его. Окрестил ручей Случайным. Обследовали — золото есть, хотя и не такое богатое, как в Утиной. Запятая тоже зазолотила. «В общем каждая речка, — подумал Раковский, — впадающая в Колыму, что-нибудь да имеет. И сама Колыма — несомненно река золотая».

С этими мыслями Сергей Дмитриевич и приплыл на Среднекан, желая как можно быстрее обрадовать Юрия Александровича. Но ни Билибина, ни Цареградского еще не было.

На прииске царило уныние: на Безымянном мыть перестали, на Первомайском золотило плохо... Бросились на Борискину площадь, но и там не фartiло. А тут еще пошел слух: сплав сорвался, многие погибли, и Билибин вроде... И всех ждет голод.

БИЛИБИН ВИДЕЛ ДАЛЕКО

Оглобин, когда набирал людей на сплав, говорил:

— Товарищи, желательно, чтоб добровольно!

Но добровольцев не нашлось.

— Сознательным рабочим отказываться нельзя. Иначе сорвем золотую программу и промфинплан, поддержим строительство пятилетки, а своих же товарищей, остающихся на прииске, заставим щелкать зубами!

Не нашлось и сознательных.

— Спирт дадут? — был первый вопрос. — Купаться придется и — без спирту?

— А спецовки будут?

— Пороги надо взорвать. Знаки поставить.

— Премии — как?

Оглобин отвечал:

— Премии будем выдавать. Спецодежды пока нет. Пороги взорвать не сможем: нет взрывчатки. А опознавательные знаки будем ставить, и лощманы у нас есть. Хорошие лощманы! А что касается спирта, то — по мере необходимости...

Спирт кое-кого привлек, но премии — не очень:

— Перевернется карбас, и поплывет премия со всеми манатками, и мы погибнем. Кто будет отвечать?

— Давай восьмой разряд и суточные три рубля. Жизнью рискуем!

Оглобин обещал и восьмой разряд, и три рубля суточных. Кое-как набрали не вполне сознательных. Они бузили и на постройке карбасов, и на самом сплаве, да так, что не раз выводили из себя Оглобина и Билибина. В пылу гнева Филипп Диомидович иногда и палкой, и стяжком замахивался, да и Юрий Александрович еле сдерживался.

В общем это был не тот сплав, когда маленький отряд Билибина быстро, весело, с шутками и песнями вя-

зал на Белогорье плоты, дружно пропихивал их по Малтану и бесстрашно гнал по бешеной Бахапче. О том сплаве остались только воспоминания.

Карбасы строили с большим опозданием, в спешке, кое-как; и были они похожи на грубые неповоротливые утюги. А когда спустили их, большая вода уже прошла.

Малтан сильно обмелел, и на каждом перекате садились. Приходилось или разгружать карбасы, или, собрав всю команду, стяжками пропихивать. А было семь посудин, и на каждой — по триста с лишним пудов. Мучения продолжались две недели.

— Кончай сплав! — бузили рабочие.

— Долой сплав!

— Дождей надо ждать!

Сплавщиков кое-как уломали и дотянули до Бахапчи. Здесь воды было побольше, но выяснилось, что многие гребцы, получившие восьмой разряд, на воде первый раз. Добравшись до порога Два Медведя, до юрты якута-заики, да наслушавшись его причитаний о бешеной, очень бешеной Бахапче, одни сбежали, а другие сами заикаться стали. И никакие уговоры ни Билибина, ни главного лоцмана Дуракова, ни личный их пример не действовали.

Из всей команды нашлось только трое смельчаков-добровольцев: Овсянников, бывший партизан, Волков да Оглобин. Из шести человек (шестой Майорыч) Билибин организовал два звена: по паре гребцов в каждой и по одному рулевому-лоцману — сам Юрий Александрович и Степан Степанович. Решили проводить по два карбаса. А всем остальным предложили обходить пороги берегом, пообещав в местах, где не пропустят прижимы, перевезти их как беспомощных пассажиров, без оплаты суточных.

Было уже начало июля, когда наконец-то весь кара-

ван вышел на устье Бахапчи. Часть груза подмочили, но основную массу доставили благополучно, без потерь.

Юрий Александрович решил, что дело свое сделал и дольше задерживаться ему нет смысла. Оставил лоцманом Степана Степановича, а сам с Майорычем сел в лодку и через сутки прибыл на Среднекан.

Задержались они на минуту в устье Утиной, где Раковский должен был оставить письмо о результатах своей работы. Юрий Александрович извлек бумажку из дупла, прочитал, но посмотреть это «очень хорошее золото» времени не было.

С Раковским он встретился на Среднекане девятого июля. К этому времени возвратилась со своего маршрута партия Цареградского, и якут Попов, как обещал, пригнал лошадей для летних работ. К этим работам Сергей Дмитриевич, не дожидаясь дополнительных указаний Билибина, уже приступил и за десять дней опробовал все левые притоки от устья Среднекана до Безымянного.

— Ну, Сергей Дмитриевич, показывай...

Раковский не стал испытывать терпение Юрия Александровича, шелкнул крышкой с негром, и Билибин не хуже негра засверкал своими снежными зубами.

— Другое завтра покажу.

— Почему не сейчас? Далеко?

— Нет, рядом. Но уже ночь, вам отдохнуть надо...

Заснуть Билибин не мог и, едва посерело бязевое окошко, поднял Раковского:

— Не томи, догор, пойдем.

Взяли рюкзак, молоток, лоток с гребком и ушли, даже не перекусив. Сергей Дмитриевич привел на ключик, названный им Кварцевым, — журчал он недалеко от барака и первой разведочной линии. Поднялись на вторую террасу, продрались сквозь заросли кедрача к подножию сопки, разделявшей ключи Борискин и Безымянный.

— Вот, кажется, не бедная, — небрежно ткнул носком ичига Раковский.

Юрий Александрович припал к альбитовой порфировой дайке и без лупы, простым глазом, среди кварцевых прожилок увидел крупные золотины:

— Ogo! Еще very good gold! Ну и везучий ты!

Забыв о завтраке и обеде, весь день они лазили по сопке и узкому ущелью Кварцевого, набили образцами рюкзак под самую завязку, промыли десятка два лотков. Стали под вечер спускаться — увидели на другом берегу Среднекана еще одно заманчивое обнажение, алеющее в лучах заходящего солнца.

— Еще один выход! Продолжение следует!

И бросились к реке. Скользя по камням, грудью пересекая бурный поток, перебрались на правый берег Среднекана. Пока не стемнело, обшарили весь обрыв, но ничего стоящего не нашли. Снова, но уже без горячки, переплыли обратно и, не попадая зуб на зуб, мокрые до последней нитки, вернулись в барак.

— Зачем подражаете Эрнесту? — посмеивались над ними.

— Они не заикаются, они квохчут, как мокрые курицы.

Билибин отшучивался:

— М-м-мы, хотя и не к-к-курицы, но яйца принесли не п-п-простые, а з-з-золотые...

— Вам бы там костерчик, — запоздало, но очень участливо посоветовал Кондрашов.

Сергей Дмитриевич вместо ответа показал размокшие спички.

Ту жилу над Кварцевым ключом называли Среднеканской дайкой. Билибин очень заинтересовался ею. В отдельных образцах, при опробовании, оказалось такое золото, что Юрий Александрович, пересчитав содержание на тонну породы, пришел в священный ужас:

— Такие цифры нельзя принимать в расчет. Они не показательны.

Но детально разведать Среднеканскую дайку в то лето возможности не было, и еще долго оставалась она такой же заманчивой, как Гореловские жилы Розенфельда. Кстати, Цареградский, исследуя Буюнду, натолкнулся на стан торгового агента на устье Купки, где обнаружил снаряжение Розенфельда: кайло, два лотка, две чугунные ступы. Но ничего похожего на жилы не нашел. Да и река Буюнда и вся Долина Диких Оленей — не золотоносные.

К такой мысли пришел Цареградский, и Юрий Александрович с ним согласился. Бахапча — тоже не обнадеживала, и Билибин предположил, что россыпи, найденные на Среднекане и Утинке, простираются, вероятно, куда-то на север, в Заколымье. Вот почему Утинка не давала ему покоя, и он решил немедленно к ней отправиться.

— Валентин Александрович, — обратился он к Цареградскому, — наш план летних работ опять меняется. У нас теперь не один, а два важных объекта: Среднекан и Утиная. И мы должны справиться с обоими. Я еду обследовать утинскую россыпь и закартирую всю долину Утиной, а тебе, дорогой товарищ, придется поднаться и одному заснять всю долину Среднекана и опробовать эту дайку. Сможешь?

Цареградский пожал плечами:

— С одним Бертиным, пожалуй, не вытяну...

— А Раковский?

— И он со мной? Тогда, пожалуй, справлюсь...

— Вернется Казанли, и он будет работать на Среднекане.

— Справлюсь, Юрий Александрович.

До возвращения Оглобина Юрий Александрович показывал золото, привезенное с Утиной, Матицеву, пред-

лагая открыть там прииск. Но «неповоротливый тюлень» посмотрел на него как-то кисло, видимо, не желая подниматься со своего лежбища. На Борискином прииске он чувствовал себя хозяином, щедро раздавал деляны, старатели заносили перед ним, а сами, с его молчаливого согласия, копали где вздумается. В общем испоганили долину Борискина ключа, как и на устье Безымянном.

Оглобин, благополучно прибывший с карбасами, на другой же день освободил техрука от всех его обязанностей, посадил на кобылу и дал проводника до Олы. С Лежавой-Мюратом это было обговорено заранее. Временным техруком назначили Кондрашова, Петра Николаевича, друга Раковского, а в перспективе на эту должность намечался сам Сергей Дмитриевич.

Билибин познакомил с утинской находкой Оглобина и Кондрашова. Они очень заинтересовались ею, а Петр Николаевич тут же изъявил желание ехать на Утиную организатором прииска. Бросили клич: «Кто на Утинку?» Но, странное дело, никто из среднеканских старателей не соблазнился.

— Мы там золото не закапывали!

— Пусть ученые едут!

— Может, ваши согласятся? — обратился Филипп Диомидович к Билибину. — Отпустите?

Юрий Александрович поговорил с ребятами. Охотников объявилось много: Лунеко, Ковтунов, Дураков, Майоров, Чистяков, Серов, Швецов... Но летние работы, по сути, только разворачивались, и люди были нужны самой экспедиции. Билибин крепко задумался. И свой план надо делать, и контору выручать: ее золотая программа срысывается. Да и шире мыслил Юрий Александрович! Верхнеколымскую приисковую контору Союззолота он не считал чуждой своим интересам. Ее программа — это его программа! Будет она выполнена — значит, Колыма

заявит, что она золотая, и подтвердится билибинский прогноз!

Юрий Александрович принял соломоново решение. В принципе он дал согласие досрочно расторгнуть договор с желающими ехать на старание, но неделю-другую они должны были поработать вместе с ним на Утиной. С таким решением согласился и Оглобин.

Для уходящих устроили прощальный ужин. Филипп Диомидович отпустил из только что доставленных продуктов все самое вкусное: шпроты балтийские в деликатесном масле, средиземноморские сардины, шанхайское сало, японское конденсированное молоко. Ужин прошел на славу. К этому времени вернулся Казанли, и каждый тост сопровождался маршем из «Аиды». Скрипачу подыгрывали на мандолине Раковский, на расческе Кондрашов.

Когда расставались, Сергей Дмитриевич подарил Кондрашову свою фотокарточку, сделав на обороте надпись:

«На память Петру Николаевичу о днях, проведенных в Верхнеколымской тайге. Надеюсь, что встретимся вскоре в более лучшей обстановке...» Вспоминайте К.Г.Р.Э...

22 июня 1929 г.

Среднекан.

Сергей Раковский».

Кондрашов был очень тронут, начал шарить по своим карманам, но ничего подходящего не нашел и преподнес спички в жестяной коробочке:

— Придется купаться, как тогда, — обогреетесь.

И Сергей Дмитриевич был очень тронут подарком.

На другой день сфотографировались: Билибин и Оглобин — рядом, за их спиной — Цареградский и Раковский, сбоку — Кондрашов и другие.

Четыре дня тянули бечевой, как бурлаки, вверх по

Колыме тяжело нагруженные лодки. Юрий Александрович плыл со своим неразлучным промывальщиком Майорычем, но чаще сажал его в лодку, а сам впрягался в лямку.

Старик упрямылся:

— Дай я сам дошмыляю.

— Нет, шмылять буду я!

На пятые сутки пришмыляли на Утиную.

И тут произошла встреча, которой Билибин никак не ожидал. Не успели разгрузиться, как сверху подплыла лодка, а в ней — Сергей Обручев, сын известного геолога-ученого, знакомый по Ленинграду, по Геолкому, по Горному институту...

Он плыл по Колыме от ее истоков, плыл вдвоем с проводником-якутом и увидел загорелых, прокопченных людей в полосатых рубашках нараспашку, в широкополых шляпах — чистые ковбои. Причалил, подошел к палатке:

— Разрешите войти?

— Входи, да комаров не впускай, — ответил ему кто-то.

Обручев отогнул полог. И тот же голос радостно воскликнул:

— Сергей! Сергей Владимирович! Или это сон?!

Обручев в бородатом босом мужике, да еще в полусумраке палатки сразу узнать не мог, кто это, а вгляделся:

— Ба! Да это ты, Билибин! Юрий Александрович!

И хотя они в Ленинграде особенно близкими не были, тут встретились как самые давние и крепкие друзья.

— Майорыч,ставляй все, чем богаты!

— Да и я не из бедных, — сказал Сергей и крикнул проводнику: — Аггей! Волоки неприкосновенный запас и кожаную сумку! Ведь я к тебе дипкурьером, Юрий Александрович, от всех твоих родных и даже от той... Полу-

чай! Самая свежая почта — всего лишь семь месяцев шла.

Билибин набросился на письма от матери, от отца, от сестры и многих знакомых. Не без трепета вскрыл конверт и «от той...», а в нем всего лишь одна фотография с коротенькой, в одно слово, надписью на обороте.

— Ну что? Опять «нет»? — спросил Обручев.

— Да! — возликовал Юрий Александрович.

— Эх, жаль, на свадьбе не погуляю!

Потом они долго сидели и в палатке, и у костра. Сергей Владимирович вздохнул повествовал, как ему удалось организовать экспедицию от Академии наук по всей Колыме и Чукотке, как он летел от Иркутска до Якутска на самолете:

— Летели три дня. Садились в Жигалово, Усть-Куте, Киренске, Витимске, Олекминске. К Якутску подлетами в темноте... Нам бы, путешественникам, такие аппараты! Но дальше Якутска они пока не летают. А хорошо бы! Быстро, высоко, сверху все видно, и на сопки не надо карабкаться... Из Якутска я тащился на быках, на лошадях, один мой отряд и сейчас идет по Сеймчанской тропе, а я по Колыме, как видишь. Теперь я окончательно убедился, что открыл здесь новый хребет! Он простирается с северо-запада на юго-восток, перерезает Колыму в районе Бахапчинских порогов, а здесь его отроги. Называю его хребтом Черского! Как?

Юрий Александрович одобрил и спросил:

— А золото или признаки золота не встречались?

— Вероятно, есть, но это уже — твой хлеб, вырывать изо рта не буду... И от души поздравляю еще раз и много раз! Значит, золотую пряжку Тихоокеанского пояса расстегнул?!

— Расстегнуть-то — расстегнул, но куда поясок тянется... С юго-востока на северо-запад? Как хребет Черского?

— Несомненно!

— До Индигирки?

— Я там золото не нашел, хотя и проверял заявку какого-то полковника, но...

Сергей Владимирович сфотографировал Юрия Александровича себе на память таким, каким увидел его в палатке: бородатого, в распахнутой рубашке, но, как и положено ученому, задумавшимся над книгой. В палатке было темновато, снимок мог не получиться. Сделал второй: под открытым небом, на берегу Колымы, усадив Билибина прямо на землю, в шлепанцах и той же рубашке. Юрий Александрович сиял и глазами и рыжей бородой.

Они расстались утром. Обручев поплыл вниз по Колыме, а Билибин потопал вверх по Утиной.

Потопал вместе с Майорычем и Лунеко. Майорыч, увидев медвежий старый, заплывший след, посоветовал:

— Юрий Александрович, ружьишко прихватите, неровен час хозяин встретится.

— Я его молотком!

Майорыч ему в тон.

— Ну, а я — лотком.

Пришли они на ключик Юбилейный на то место, где выбирали из сланцевой гребенки самородочки. Юрий Александрович ходил по этой щетке, посвистывал и напевал свою любимую Трансвааль.

На месте бывшего стана Раковского натянули палатку и только улеглись — кусты затрещали.

— Он, — шепнул Майорыч.

— Нет, это наши ребята подходят. Я их сейчас напугаю, — и Юрий Александрович, накинув тужурку, на четвереньках пополз из палатки.

— Не пужай, а то со страху пальнут... — но не успел Майорыч договорить, как Билибин закричал:

— Лунеко, кайло! Ружье! Майорыч, молоток! Лоток!

Майорыч и Лунеко вмиг схватили и кайло, и ружье, и молоток, и лоток. Выскочили и видят: стоит перед Билибиным в каких-нибудь пяти шагах на задних лапах большущий темно-бурый медведь, а сам Юрий Александрович перед ним, как медвежонок на четвереньках.

Но говорит вполне спокойно и даже вежливо:

— Миша, не при. Будь добр, уходи. Нас много, ты один.

И мишка не спеша, вперевалочку пошел прочь.

Юрий Александрович поднялся, отер со лба холодную испарину, но зверя бодро напутствовал:

— Приходи в другой раз, когда жрать будет нечего, — и захохотал.

Нервным смехом захихикал и Лунеко.

Майорыч проворчал:

— Сытый, хозяин, ягодами накормился, а то бы...

— Какой хозяин? Власть переменилась! Мы — хозяйка тайги! — с гордым вызовом провозгласил Билибин.

Но заснуть спокойно в ту ночь хозяева тайги не могли.

На другой день они все трое решили подняться на высокую гору, чтоб осмотреть свои новые владения. С утра небо было чистое, но потом пошел дождь, все заволокло, легкая одежонка вымокла до последней нитки. А когда взобрались на самый верх, то и проголодались порядком.

Стояли на вершине. Дождь хлестал. Ветер пробирал. Укрыться некуда, и костер не разведешь: голо, одни камни вокруг, да лишайники на них. В рюкзаках — тоже камни, которые набрали при подъеме на голец. А начальник бодр, радостен, весел. За хмарью ничего не видно, а он размахивает руками во все стороны и витийствует:

— Догоры! Вот стоим мы с вами, голодные, холодные, комарами искусанные, дождями исхлестанные, на

вершине этого безымянного гольца и знаем — пройдет немного времени, всего одна пятилетка, и в этой медвежьей, девственной глуши, что необозримо простирается вокруг нас, от Колымы до Индигирки, на север за Буюнду, на восток — на Чукотку, на северо-восток, и туда, на юго-запад — в сторону Охотска и нашего золотого Алдана, через все эти сопки и хребты, по всем этим долинам пролягут шоссейные и железные дороги, побегут поезда, автомобили, а по Колыме и Бахапче — паходы; всюду загорятся огоньки приисков, рудников, городов и поселков, пробудится от векового сна и красавица золотая тайга! А все почему? А все потому, что расстегиваем мы с вами золотую пряжку Тихоокеанского пояса! Мы еще не знаем точно, куда протягиваются наборные ремешки этого пояса, по каким долинам и распадкам, но, несомненно, в Приколымье и Заколымье нас ждет еще много открытий! И где ступит наша нога, там забудет ключом новая жизнь! Так, догоры? А, Михаил Лазаревич?

Миша Лунеко молчал, потому что слушал начальника без особого восхищения: в животе у него все тосковало о горячей мурцовке с размоченными сухарями, а напоминание о комарах вызывало слезы. Он, бывший старшина батареи, стойкий боец Красной Армии, уроженец Приамурья, не раз плакал от колымских комаров: несешь, бывало, ложку в рот, а эта мразь комариная уже там — полный рот, и не знаешь, что жевать. И не раз Михаил Лазаревич зарок давал: уеду и носа сюда никогда не покажу. А тут начальник пропаганду разводит...

— А ты что притих, Майорыч, великий молчун?!

Старик Петр Майоров о комарах не вспоминал. За долгие свои скитания по Сибири и Дальнему Востоку ко всему он привык, все невзгоды переносил молча, но к людям, жадным до золота, привыкнуть не мог. Это

он сказал еще на Алдане: «Золото всегда с кровью», когда слушал рассказы о Бориске. Вот и сейчас великий молчун вдруг мрачно изрек:

— Тесно будет в тайге.

Билибин мрачного тона не услышал и с радостью подхватил:

— Молодец, старик! Молчишь, молчишь, а как скажешь что — хоть золотыми буквами пиши! Тесно будет в тайге! Нет, твое имя, Майорыч, непременно надо нанести на карту золотой Колымы...

Петр Алексеевич даже не улыбнулся.

...Своих рабочих Билибин рассчитал на месяц раньше и весь август в маршруты ходил один. Молотком отбивал образцы, кайлом долбил закопушки, лотком промывал пробы — все сам. Возвращался на базу с рюкзаком, набитым под завязку, сваливал с плеч два пуда камней и, прежде чем отдохнуть, подкрепиться, шел к бывшим разведчикам:

— Старатели, как старается?

— Фунтит! — неизменно отвечали ему и рассыпали перед его очами все, что намыли за день.

Билибин рассматривал каждую золотинку, взвешивал на ладони, весело мурлыкал:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя...

Он был очень доволен тем, что старателям фунтило — пусть ребята зарабатывают. Радовался и результатам своих обследований. Ключ Холодный показал золота гораздо больше, чем было в пробах Раковского, и Юрий Александрович считал, что здесь, рядом с «Юбилейным», надо открывать второй прииск — «Холодный».

— А сегодня, догоры, — продолжал Билибин с прежним пафосом, — бродил я по любопытному ключику, нарек который Заманчивым! Разведку надо поставить по нему. Сдается мне, что манит этот Заманчивый нас

к богатой жилке. Рудник откроем! На много лет — рудник. И город построим. Тесно будет в тайге! Так, Майорыч? А, Степан Степаныч? — обращался ко всем.

И все охотно поддакивали:

— Тесно, Юрий Александрович, тесно!

— А ты что скажешь, Демьян Степанов?

Демка, растянувшись на замшелом валуне, польщенный обращением, постучал в ответ хвостом по камню.

— Согласен, сукин сын, — усмехнулся его хозяин.

...На Среднекан Билибин вернулся в конце августа один в лодке, тяжело нагруженной образцами пород. Попутно доставил и полпуда золота, намытого на Юбилейном.

Среднеканцы как увидели это крупное, матово поблескивающее, словно топленое масло, золотишко, так все — даешь Утинку! И рабочие экспедиции, у кого договор кончался, запросились на старание. Билибин пообещал своих направить в первую очередь. Оглобин поддержал его. Организовали две артели, и они потопали на новый прииск — «Холодный».

Поисковые летние работы закончились. Эрнест Бертин, Раковский, Цареградский, Казанли — все собрались на Среднеканской разведбазе. Каждый докладывал начальнику экспедиции, показывал породы, пробы, шлихи, самородки — отчитывался.

Дмитрий Казанли на самых высоких сопках, определив их координаты, установил одиннадцать астропунктов. Издали они были похожи на обелиски. С этими астропунктами увязывались все маршруты, реки, речки, ключики, истоженные геологами. И впервые вырисовывалась точная карта огромной территории: от Ольского побережья до правобережья Колымы, от Малтана и Бахапчи до Буюнды. Карта, изданная Академией наук всего три года назад, оказалась безнадежно устаревшей.

А когда сложили все, что шагами измерили, молот-

ками обстукали, лотками промыли, то получилось — небольшая экспедиция, в которой было всего два геолога, один геодезист и два прораба, меньше чем за год открыла более тысячи километров маршрутной съемкой, четыре тысячи квадратных километров — геологическими исследованиями, опробовала долины в пятьсот километров общей протяженностью.

И почти по всем этим долинам было найдено золото, правда, не всюду такое богатое, как на притоках Утиной и Среднекана, не всюду годное для механической или мускульной добычи, но геологи смотрели далеко вперед, памятуя о технике будущего.

Бертин получил хорошие пробы по обоим истокам Среднекана — левому и правому. Раковский — по многим его притокам, не считая Утиной и других рек, впадающих в Колыму.

Установил золотоносность и Цареградский. Но главное, чем он мог гордиться и чем хотел обрадовать Билибину, — это Среднеканская дайка, те мощные золоторудные жилы альбитовых порфиров, которые обнаружил Раковский, а он, Валентин Александрович, по заданию начальника экспедиции первый тщательно опробовал. Бедными, почти пустыми оказались жилки над устьем Безымянного, обследованные Цареградским весной. Не показала золота Буюнда, по которой совершал маршрут Валентин Александрович летом. Но Среднеканская дайка вознаградила, казалось, за все неудачи таким богатством, перед коим померкнули все золотые россыпи, открытые и Раковским и Бертиным... Билибин ахнет!

И Юрий Александрович действительно был потрясен, когда познакомился с пробами этой дайки:

— Неслыханное содержание! Небывалое в истории золотой промышленности! Нет, такие цифры нельзя принимать в расчет.

Валентин Александрович решил, что начальник опять,

как и на жилке при устье Безымянном, ставит под сомнение это опробование, очень обиделся:

— Можете проверить, Юрий Александрович...

Билибин стал успокаивать его:

— Нет, Валентин, ты все сделал правильно: и опробовал правильно и подсчитал правильно, но эти цифры... Нужно взять в Ленинград побольше образцов, и там проведем тщательный лабораторный анализ. Затем поставим здесь детальную разведку, пробьем штольню... Ведь мы брали пробы, по сути, только из одного выхода. Дайка — очень заманчивая, но пока о ней лучше скромно молчать, ибо геолкомовские «тираннозавры» засмеют нас, как и Розенфельда с его молниеподобными жилами... А в общем — все великолепно! Тесно будет в тайге!

Билибин был очень доволен результатами работ экспедиции. Дни и ночи просиживал он над материалами, собранными экспедицией, и тут же, на Среднекане, за дощатым столиком, при неровном свете стеариновых огарков писал четким крупным почерком первый колымский полевой отчет. Описывая широкое развитие мезозойской осадочной толщи, прорванной интрузиями гранитов, с которыми связывается золотоносность, Юрий Александрович давал первое представление о геологии верховьев Колымы и рисовал богатые перспективы нового золотоносного района.

Заканчивал Билибин отчет глубоким прогнозом:

«Так как полоса гранитных массивов продолжается к северо-западу, на левобережье Колымы, и к юго-востоку, на побережье, Буюнды, то мы вправе ожидать продолжения в обе стороны и окаймляющей ее рудной полосы. К северо-западу мы встречали знаки золота по рр. Таскан и Мылге и вправе ожидать золотоносность правых притоков Колымы. К юго-востоку имеются указания Розенфельда о золотоносности р. Купка, правого притока р. Буюнды и нахождения золота якутом Калтахом...»

Записка Розенфельда лежала перед Билибиным. Юрий Александрович, снова и снова перечитывая ее, вдохновлялся:

«...хотя золота с удовлетворительным промышленным содержанием пока не найдено...»

— Найдено, дорогой догор Розенфельд!

«...но все данные говорят, что в недрах этой системы схоронено весьма внушительное количество этого драгоценного металла...»

— Весьма внушительное, догор Розенфельд!

«... нет красноречиво убедительных цифр... фактическим цифровым материалом я и сам не располагаю... Могу сказать лишь одно — средства, отпускаемые на экспедицию, окупили бы себя впоследствии на севере сторицею... в ближайшие 20—30 лет Колымская страна привлечет все взоры промышленного мира».

— Несомненно! И гораздо раньше! Но где они — твои Гореловские жилы?!

«Мы нашли все, — размышлял Билибин, склонившись над столом, — и Борискину могилу, и даже амбар со снаряжением Розенфельда... Но где же Гореловские жилы? Цареградский утверждает, что Буюнда и Купка не золотоносны... А может, мне самому поискать? Но когда? Последний пароход с Ольского рейда уходит обычно в середине сентября, то есть через две недели. Опоздаешь — придется ждать до следующего лета. А если возвращаться по Буюнде одному? Другие пойдут иными путями... Риска меньше. Если кто-то и опоздает, то другие успеют. И к тому же попутно будет обследовано еще три-четыре маршрута...»

Так, в темную августовскую ночь, в неугомонной голове Билибина родилась еще одна идея. Юрий Александрович поднял всех с постели и огласил свой последний приказ...

Сам он пойдет по Буюнде, где ходили торговые лю-

ди и Розенфельд — маршрут, может быть, самый дальний, но обследовать его нужно непременно.

Цареградский двинется по заброшенной тунгусской тропе, о которой рассказывал Макар Медов.

Раковский, Казанли и завхоз Корнеев со всем экспедиционным имуществом возвращаются в Олу тем путем, которым доставлялись грузы на прииски.

Каждый отряд попутно будет вести маршрутную съемку, геологические и прочие наблюдения...

— Таким образом, мы хотя и бегло, но обследуем еще три маршрута на золотоносность, на возможность транспортировки грузов, а также положим начало изысканиям шоссейной дороги. Не исключается, что кто-то из нас опоздает к последнему пароходу, но тот, кто первым выберется на «материк», сразу же начнет ратовать за Колыму во Владивостоке, Иркутске, Москве, Ленинграде — всюду! Для этого каждый получает экземпляры геологического отчета. Ясно, догоры?

Догоры, выслушав своего начальника, призадумались. До последнего парохода всего две недели. Времени — в обрез. Скоро выпадет снег. Когда тут изыскивать дорогу? Когда вести геологическую съемку? Все молчали.

Цареградский молчал потому, что догадывался: опять не верит ему Билибин, сам хочет убедиться — золотоносна ли Буянда. Найти пресловутые Гореловские жилы — дело чести...

Раковский молчал, так как знал — Юрий Александрович зря ничего не прикажет; и готов был беспрекословно выполнять все его желания.

Митя Казанли и его друг Корнеев улыбались. Они не прочь еще раз зазимовать, поставить еще пяток астропунктов...

Эрнест Бертин в приказе почему-то не был помянут и с хитроватой усмешкой выжидал, что начальник подготовил для него.

Юрий Александрович сияющими глазами пристально всматривался в лица друзей — каждого из них он знал не хуже себя и догадывался, кто почему молчит. Начал с Бертина:

— Вам, Эрнест Петрович, я хочу дать особое задание.

— Н-н-на С-с-северный полюс?

— Почти. Мы — на юг, а вы — на север. Знаю, что вы любите путешествовать, вот и поскачете в Якутск. Туда возвращается наш уважаемый Елисей Иванович, представитель Якутского ЦИКа. Вы — вместе с ним. Владимир доложит якутскому правительству о работе нашей экспедиции, но он — не геолог, а вы — и геолог, и родной брат очень почитаемого в Якутске Вольдемара Петровича. Вот вам и карты в руки — геологический отчет. Начинаете ратовать за Колыму в Якутске, затем едете на наш родной Алдан. Устраивает?

— В-в-вполне!

— Валентин Александрович, я знаю, что ваш маршрут не из легких. Макар Захарович, да и сеймчанские якуты говорят, что на этой старой тропе нет корма для лошадей, потому ее и забросили. Но это было давно, весьма возможно, сейчас корма выросли... А тропа эта, как известно, самая короткая и, вероятно, будет самой удобной для постройки дороги. Лошади ваши за лето приустиали, я дал бы вам своих, более свежих, но мне предстоит идти гораздо больше...

— Нет, нет, Юрий Александрович, я пойду на своих.

— Вот и хорошо! Будете первым изыскателем Колымской дороги! Ну, а у вас, Сергей Дмитриевич, Дмитрий Николаевич, возражений никаких?

— Никаких, Юрий Александрович!

— Вот и отлично! Все довольны... В путь, догоры!

31 августа Первая Колымская экспедиция вышла в последние маршруты, в обратный путь.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Истоки золотой реки	5
Часть вторая. Великое сидение	65
Часть третья. Чудная планета	138
Часть четвертая. Очень хорошее золото	227

Волков Герман Григорьевич

ВЕКСЕЛЬ БИЛИБИНА

Документальная повесть о Первой Колымской экспедиции 1928—1929 гг.
Серия «Первопроходцы»

Редактор А. А. Кирюшин

Фотографии и рисунки из фондов Магаданского краеведческого музея и личного архива автора. Фото на обложке и форзацах — А. А. Алкирова.

Художественный редактор Д. Д. Власенко

Технический редактор В. В. Плоская

Корректор Г. А. Козеева

ИБ 00158

Сдано в набор 19.05.78 г. Подписано к печати 04.09.78 г. АХ—02092. Формат 79×108/32. Бум. тип. № 2 и мел. Лит. гарнитура. Печать высокая. 12,6 усл. п. л. + 0,7 усл. п. л. вкладка, 14,47 уч.-изд. л. Тираж 10 000. Заказ 5255, Цена 1 р. 10 к.

Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, ул. Пролетарская, 15.
Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, Магадан, пл. Горького, 9.

1 р. 10 коп.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Выпуск

8

Магаданское книжное издательство

